

МАША МОРАН

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Наследник для ОБОРОТНЯ

Маша Моран

Наследник для оборотня

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Моран М.

Наследник для оборотня / М. Моран — «ЛитРес: Самиздат»,
2020

Я захотел ее в тот же момент, когда увидел. Просто понял, что она должна принадлежать мне и больше никому. Она моя! Моя вещь. Моя игрушка. Моя собственность! Я пытался быть хорошим. Добрым. Понимающим. Но она будит худшее, что во мне есть. Дразнит зверя. Играет со мной, не понимая, что за такие игры придется расплачиваться. И цена будет непомерно высокой. Она сама придет ко мне и назовет своим хозяином. Содержит нецензурную брань.

Маша Моран

Наследник для оборотня

ПРОЛОГ

– Считаешь меня монстром?! Уродом?!

Я орал так, что горло раздирало на части. Даже чертов дождь стал стихать. Она так на меня смотрела... Как будто я дерьмо под ее ногами, в которое она по неосторожности вляпалась в сотый раз. Да срать я хотел, кем ей кажусь. Пусть считает меня, кем угодно!

– Да! Да, ты – урод! Моральный! Ненавижу тебя!

– Да ладно? А когда прыгала на моем хую совсем другое говорила. – Я рассмеялся, как долбаный псих.

Эта чертова сука свела меня с ума. Я бы придушил ее. Или вгрызся в глотку. Если бы не хотел так сильно. Это ненормально. И никак не вытравить тварь из головы. Зачем она появилась на моем пути? Почему я не прошел мимо? По-че-му-у-у?

Она покачала головой и снова повторила:

– Как же я тебя ненавижу...

Даже сейчас она была красивой. Самой, вашу мать, красивой женщиной на свете. Идеальной. Совершенной.

Дождь снова начал лупить с адской силой. А из-за света фар за ее спиной, казалось, что на ее кожу льются потоки золота. Чертова драгоценность, которую мне не купить. Все продаются! Так какого хрена она строит из себя невинность? Я расхохотался. Нет, уже не невинность. Я стал первым. И единственным! Больше никого! Раздеру на куски любого. И ее заставлю наблюдать. Пусть знает, что будет, если раздвинет ноги перед другим.

Она смотрела на меня, как на психа. А я им и был. Любовался ею даже сейчас. Не мог отключиться и думать о другом. Она казалась мне... Я и слов таких не знаю, чтобы описать. Мокрые волосы облепили щеки, плечи, падали на грудь. Маленькие соски, которые не давали мне покоя с того момента, как впервые увидел, натянули ткань тонкой блузки.

Они выделялись на светлой ткани. Такие красивые, даже скрытые от моих глаз. Потекшая косметика ее не портила. Голова снова отключилась, стоило представить, что так она могла выглядеть совсем при других обстоятельствах. Мокрая от пота после многочасового секса со мной. Со следами спермы на лице. Я бы кончал на каждый сантиметр ее тела, чтобы пометить собой.

Если бы эта тварь не строила из себя недотрогу.

Моя! Она моя! Когда же она уже поймет это?! Она пахнет мной. Живет в моем доме. Я единственный, кто ее трахал. Она моя! Даже украшения на ней те, которые я выбирал для нее. Каждая чертова сережка в ухе – та, что я подарил!

Никуда она не уйдет. Вздумала поиграть в догонялки, сучка. Я ей устрою. Такой забег, что глотку сорвет, умоляя остановиться.

– Чтоб ты сдох...

Я развел руки и улыбнулся, чувствуя, как безумие все сильнее завладевает мозгом. Безумие, которым она меня заразила!

– Ну так вперед! У тебя же нож. Давай! Или маленькая домашняя девочка умеет только языком трепать?

Да-а-а... Смотри на меня. Хоть с ненавистью, хоть как. С каким угодно чувством, но только смотри. Сильнее эмоций ты не будешь испытывать ни с кем, детка. Ни с кем. Не хочешь любить меня, будешь ненавидеть. Настолько, что ни на что другое больше сил не останется. Все твои чувства будут принадлежать мне.

Она замахнулась, но так и осталась стоять с поднятой рукой. Я не мог отвести взгляд от ее пальцев, сжимающих рукоятку ножа. На ней были те же самые кольца, что и в тот раз... Мозг совершенно отключился, занятый воскрешением картин, как точно так же она сжимала мой член, и я чувствовал, как в него вдавливается металл на ее пальцах.

– Твой язык хорош только для того, чтобы сосать у меня...

Сам не знаю, зачем сказал это. Наверное, чтобы просто напомнить... как нам было хорошо. Черт, это не то слово. Как нам было нереально! Как не бывает в действительности. До полного отключения сознания и сладкой комы.

Она закричала. Бросилась ко мне.

Не знаю, чего я ждал. Что она обнимет меня? Вцепится в меня, как я хотел вцепиться в нее, и больше не отпустит?

Нет... Она просто вогнала в меня чертов нож.

Меня прошибло током. Неверием. Я даже не подумал защититься, когда она выдернула из моей груди лезвие и занесла руку снова.

Я замер от... удивления? Горечи? Это было, как предательство... Хотя, наверное, именно это я и заслужил. Она снова ударила. И еще раз.

А я просто отшатнулся. Ее глаза... яркие, как в лихорадке. Они горели. Болью и ненавистью. Ну хотя бы этого я от нее добился.

В груди стало горячо. Настолько, что начало жечь. Я почувствовал, как кровь толчками вырывается из ран. Посмотрел на грудь и живот. Они были исполосованы. Шесть раз.

Она умудрилась шесть раз всадить в меня нож, а я даже не заметил этого. Просто стоял и смотрел, как ее кожа покрывается брызгами моей крови. И как их тут же смывает дождь.

– Чтоб ты сдох! Чтоб ты сдох!..

Она уже плакала. Рыдала. А я не мог понять, чем я хуже. Почему она не хочет быть со мной? Почему не может принять то, что я могу дать? Я бы объяснил. Потом бы все объяснил. Я уже нашел выход. Почти. Неужели сложно поверить и подождать? Я же ей не врал. Никогда. Ради нее готов был на все.

Чем я хуже того ублюдка, которому она натянуто улыбалась? Чем я, твою мать, хуже?!

Я и сам не понял, что дикое рычание издает мое горло. Я кинулся к ней, спотыкаясь и раздирая собственную глотку до крови адским рыком.

Она отшатнулась. Уронила нож. Прижала к губам ладонь. А мой взгляд опять зацепился за чертовы кольца. В голове, словно насмешка, билась мысль, что так хорошо, как с ней, больше ни с кем не будет. Что нужна мне только она.

Она бросилась к машине, а на меня напал какой-то дикий ступор. В ушах зашумело, а перед глазами поплыло. Что-то странно застучало где-то в глубине мозга. Тук-тук, тук-тук, тук-тук... Этот звук отдавался эхом снаружи, но я никак не мог определить его источник. Неожиданно стало важным понять, откуда я его слышу...

Двигатель тихо замурчал. Мигнули фары. Я вскинул голову. Она сбегала. Чертова сука пырнула меня ножом, а теперь сматывалась отсюда. Оставляла меня одного. Я смотрел за тем, как она уезжает, взметая за собой фонтан брызг и грязи.

И не мог пошевелиться. Без сил упал на колени и дрожащей рукой поднял нож. Рукоятка все еще хранила тепло ее пальцев.

Жжение в груди с каждой секундой становилось все сильнее. Захотелось разодрать ту кожу, что еще осталась, выломать проклятые ребра и вытащить нахер сердце. Пока я еще мог хоть как-то остановить эту чуму, овладевшую всем телом и поразившую мозг.

В голове звучал насмешливый голос. Вставай. Ты же берсеркер. Воин. Ты можешь сражаться, когда остальные давно сдохли от ран. Ты не замечаешь боли. Ты идешь вперед и уничтожаешь врагов. Ты не чувствуешь, как оружие тебя достает. Ты неуязвим...

Так почему, как слабак, сидишь в грязи и позволяешь собственной крови питать землю? Почему позволил ей уйти? Почему сжимаешь чертов нож, как самое большое сокровище на свете?!

Она – хитрая избалованная стерва. Она – твоя собственность. Посмела пойти против тебя... Иди и возьми то, что твое.

Она ведь моя. А я позволил ей уйти. Позволил допустить мысль, что она может сбежать от меня. Спасись. Нет. Она должна запомнить, кто ее хозяин. Должна усвоить, что принадлежит мне. Должна осознать, что за то, что совершила, будет наказана. За побег. За нож.

Пощипывая, раны начали затягиваться. От потери крови в голове все еще шумело, а лес перед глазами немного расплывался.

Я вдохнул знакомый свежий запах мокрой земли и прелых листьев. Сознание прояснилось.

И я понял. Тот стук... Странный стук, который я слышал и который казался распавшимся на эхо. Сердце. Так стучало маленькое сердце.

Внутри нее. Еще одно. Билось тихо и спокойно. Сердце. Моего ребенка.

Я снова рассмеялся, чувствуя себя окончательно свихнувшимся. Подставил лицо дождю, надеясь, что холод отрезвит. Как будто я набухался до невъебенного состояния.

Маленькая тварь уехала, увозя в себе моего ребенка. Нашего ребенка! Таким злым и одновременно до безумия счастливым я не чувствовал себя ни разу в жизни.

Я верну ее. Ей не убежать. Никогда.

ГЛАВА 1. КЛАДБИЩЕ ВЕДЬМ

Это была дурацкая затея. Ужасная. Идиотская! Марина не понимала, как пошла на это. Наверное, в тот момент, когда соглашалась, она была не в себе. Или пьяной. Хотя кого она обманывает? Все с ней было отлично, и просьба Лили казалась каким-то великими приключением, которого она ждала всю свою жизнь.

Перед отъездом из родного города мама предостерегала ее от необдуманных поступков, шастанний по клубам и мужчин, которые по ее мнению вились вокруг Марины стаями.

Как будто она нуждалась в этих напутствиях! На необдуманные поступки не оставалось времени, когда в восемь утра нужно быть на работе, а в восемь вечера еле приползаешь домой. В клубах она вообще ни разу в жизни не была. Хороших девочек туда не зовут. А если бы кто-то и пригласил, то строгие мама с папой запретили бы идти. Не сложилось у нее с клубами.

С мужчинами обстояло еще хуже. Настолько плохо, что в двадцать шесть лет она все еще была девственницей.

Поэтому когда Лили обратилась к ней со своей странной просьбой, Марине даже не пришлось в голову отказать. Ей это виделось каким-то нереальным шансом хоть как-нибудь изменить свою серую скучную жизнь. И так было ровно до того момента, пока они не оказались перед воротами заброшенного кладбища.

Лили подпрыгивала от нетерпения и едва сдерживала счастливую улыбку. А у Марины все внутри медленно холодело от ужаса. Боже, что она здесь делает? Да еще и с безумной подругой. Лили точно сошла с ума – ну не может здоровый человек радоваться прогулке по кладбищу.

Было еще не очень темно, но в лесу сумрак казался особенно густым и мрачным. То и дело чудилось, что за каждым деревом кто-то прячется, а из зарослей за ними следят чьи-то злые глаза. Глаза, правда, оказались какими-то ягодами, но это не успокаивало.

– Лиль, может, придем сюда днем? Я же в субботу выходная... – Марина и сама не знала, почему заговорила шепотом.

– Успокойся. Нам ничего тут не угрожает. Поверь, это самое безопасное место во всем городе. – Голос Лили звучал настолько бодро и счастливо, что на секунду Марине стало страшно.

Похоже, она связалась с маньячкой. С серийной маньячкой, которая прикидывается милой, чуточку потерянной соседкой, помешанной на всяких колдовских штуках, а по ночам расчленяет своих жертв на кладбище.

Боже, во что она ввязалась? Винить, кроме себя было некого. Но даже этого она не успела сделать, потому что Лиля вдруг сунула руку в свою потрепанную сумку и начала там ковыряться. Марина почти ожидала увидеть нож и проволоку для связывания и пыток жертв, но Лиля с победным видом достала металлический ржавый ключ. На его головке был вырезан витиеватый узор, который показался до странного знакомым.

Пока Марина пыталась вспомнить, где видела этот символ, Лиля отперла ворота. Они протяжно закрипели. От этого звука по коже побежали мурашки. Жуть. Такое впечатление, кого-то пытаются. Как крики жертв в фильмах ужасов.

Лиля неожиданно поежилась, мгновенно став серьезной:

– Что-то у меня предчувствие нехорошее. Пошли скорее.

Обреченно вздохнув, Марина потащила следом, мысленно уговаривая себя одуматься.

– Так может домой вернемся? С предчувствием шутить не надо. – Она чувствовала себя ребенком, который долго-долго выпрашивал у родителей разрешения посмотреть страшное кино и на первых же кадрах струсил.

– Когда это ты начала верить в мое предчувствие? – Лиля схватила ее за руку и потащила за собой. – Не переживай. Здесь точно никого нет. Я же говорю: сюда люди не ходят. Просто мне немного не по себе. Я раньше только с бабушкой сюда ходила. И мы ни разу никого тут не встретили. Про это место вообще мало кто знает. И я гадала на травах – опасность нам точно не грозит... – На последних словах она задумчиво нахмурила брови, смотря куда-то поверх Маринино плеча.

Марина обернулась и резко отшатнулась – на ветке сидела огромная сова и смотрела прямо на нее. В упор, не мигая. Жуть!

Она впервые видела эту птицу так близко. Глаза у совы действительно страшные – смотрят прямо в душу. Как будто «читают» человека. Марина сглотнула. Ей казалось, что птица видит все. О чем она думает, о чем мечтает и чего боится. Каждую большую и маленькую тайну, которую она крепко держит внутри себя.

Темно-серое оперение совы отливало голубым в сгущающихся сумерках, и от этого птица казалась каким-то фантастическим монстром.

– А вот это уже не очень хорошо...

Лиля еще крепче сжала ее руку и повела за собой. Марина еле успевала за ней. Ноги почему-то дрожали и заплетались, как у пьяной.

– Ты о сове? И откуда у тебя ключ от ворот? – Она запыхалась, пытаясь успеть за Лилей, которая на удивление отлично ориентировалась. А может, просто шла наугад, стремясь поскорее убраться от ворот.

– Это филин. – Лиля вывела их на узкую тропу и осмотрелась. – А ключ от бабушки. Перешел ко мне по наследству.

– Значит, он тебя сюда водил? – Марина терпеливо ждала, пока Лиля решит, куда идти дальше, но она продолжала вертеть головой из стороны в сторону и не делала ни шага.

– Конечно. Это очень важное место. Для таких, как мы. Ну, ты понимаешь... – Она смешно поиграла бровями и криво улыбнулась.

О, да, Марина понимала. Это была одна из Лилиных странностей, которая до недавнего времени казалась безобидной и даже милой. У нее было увлечение, которому она отдавала все свое время, что-то вроде горячо любимого хобби. Но сейчас это начинало немного пугать. Лиля утверждала, что она ведьма. Точнее, она искренне верила в то, что ведьма. При том, не из тех, которые сидят в соцсетях и постят фото карт Таро и связанных пучочков трав, а реальная ведьма.

До сегодняшнего вечера Марина относилась к этому, как... Да никак она к этому не относилась! Безобидное увлечение молоденькой девчонки, которая недавно потеряла единственного родственника и пытается собраться с силами. Что в этом плохого? Ничего. Кому она вредит? Никому.

Но стоя посреди узкой едва заметной тропы, в окружении страшных даже на вид деревьев, она понимала, что ошибалась. Либо, у Лили все не в порядке с головой, либо... Других вариантов и не было! Только вот у самой Марины наверное тоже не все нормально с мозгами, если вместо того, чтобы отговорить Лилию, она с радостью поперлась следом.

Получила приключение?! Что происходило в ее голове, если просьба сходить на кладбище показалась ей едва ли не шагом в новую жизнь?

О, в ее голове уже сам собой написался целый роман! И Марина представляла себя его главной героиней.

На протяжении долгих лет книги были ее отдушиной. Марина могла забыться и представить, что это она – красивая и отчаянная оторва, на которую все мужики пускают слюни и спасают от тысячи неприятностей, в которые она умудряется вступить.

Ладно, вот она – неприятность. Мужчины пока не видно. Хотя если он здесь появится, будет совсем плохо.

– Пошли скорее!

Она так задумалась, что не заметила, как Лиля сорвалась с места и побежала вперед. Марина бросилась следом. Лиля сошла с тропы и вдруг исчезла из вида.

– Лиля, стой!

– Ну, где ты? Давай скорее!

Марина постаралась не отстать. Тоже свернула с тропинки, ныряя в колючие заросли какого-то жуткого даже на вид кустарника. Почему она не идет домой? Почему не может развернуться и уйти обратно? Может, Лиля и вправду заманивает ее... к сатанистам каким-нибудь, которым вдруг срочно понадобилось принести человеческую жертву?! Но она настолько хорошо воспитана и настолько слабохарактерна, что боится обидеть подругу отказом.

Земля ушла из-под ног, и Марина едва не полетела кубарем в глубокий овраг. В самый последний момент удалось остановиться, схватившись за шершавый потрескавшийся ствол высоченной сосны, сдирая до крови кожу на ладони. В земле были выдолблены каменные ступеньки. Наверное, им была не одна сотня лет, потому что они растрескались и осыпались каменной крошкой. Темно-зеленый бархатистый мох расплзся по шершавой поверхности.

Марина осторожно ступила на первую ступеньку, заметив наконец Лилию. Та стояла на дне оврага, вокруг ее ног вился сизый туман.

– Наконец-то! Ты почему так долго? Пошли быстрее.

Нет, вы посмотрите! Она ее еще и отчитывает!

– Я вообще-то чуть ноги себе не переломала. – Колени до сих пор дрожали. Да и всю ее вдруг начало потряхивать от какого-то нехорошего предчувствия. А может, это просто был страх...

Но почему-то они снова говорили шепотом, и Лиля опять вцепилась в Маринину руку:

– Нам нужно торопиться. Что-то надвигается.

Марина не смогла удержаться и не съерничать:

– А как же «самое безопасное место» и гадание на травах?

Лиля осталась невозмутимой:

– Бабушка умерла, не успев меня обучить всем тонкостям. Вполне возможно, что я что-то истолковала не так. Все приходится изучать самой.

Вокруг было так тихо, что Марина слышала собственное дыхание. Такая тишина пугала. Когда рядом раздалось протяжное уханье, они с Лилей едва не подпрыгнули.

– Вот же!.. Идем быстрее...

На каменном валуне, покрытом мхом и какими-то фиолетовыми грибами, сидел тот самый филин. Марина не разбиралась в птицах, но сейчас была точно уверена, что не ошиблась.

Оскальзываясь на влажной от тумана земле, она поспешила за Лилей, не решаясь озвучить собственные страхи. Лучше промолчать, и тогда плохое не случится – глупо и наивно, так по-детски. Но сейчас она не была способна на взрослые и обдуманные поступки. Наверное, она на них вообще не способна. Правы были родители, когда говорили, что она не приспособлена к самостоятельной жизни. Она не умела принимать взвешенные решения, следовать им до конца и отстаивать свое мнение.

Туман поднимался все выше, опутывал колени. Плотная ткань джинсов тут же намокла. Зябкий холод пробрался под одежду. Рану на ладони саднило, а пальцы слипались от сукровицы.

Марина нервно вертела головой, пытаясь понять, куда они идут. Сквозь земляные склоны оврага начали поступать очертания деревянных балок и каменной кладки. Сначала подумалось, что это гробы – они же на кладбище. Стало так страшно, что зубы застучали друг о дружку.

– Ты чего? – Лилька обернулась. В голубоватом сумраке ее рыжие волосы полыхнули слепящим огнем.

Молча Марина кивнула в сторону длинной деревянной доски, на которой было что-то нацарапано. Она отчетливо виднелась в земляном склоне. Корешки трав и паутинка вьюна оплетали ее плотным слоем.

И вдруг страх отступил, уступив место странному возбуждению и почти болезненному любопытству. Нестерпимо захотелось узнать, что там написано.

В голове стало пусто. Внутренний голос пытался остановить, предостерегал, что это глупо и опасно. Но другой голос, который всегда подзуживал на какие-то глупости, оказался громче. Он нашептывал, что вот оно – заветное приключение. Подойди и возьми. Или на это тоже не хватит смелости?

Марина коснулась рукой грязной доски, смахивая землю и налипшие листья. Под слоем песка и тонких нитей паутины отчетливо проступили округлые «пухлые» буквы.

– Что ты нашла? – Лиля прищурилась, разглядывая длинную строку.

Марина вытащила телефон и включила фонарик, освещая древние письмена. Почему-то не было ни грамма сомнений в том, что им не одна сотня лет.

– Это же не гроб? – Она повернулась к Лиле, которая задумчиво стучала пальцем по кончику носа.

– Нет... Это не гроб. Здесь раньше была крепость... Наверное, это осталось от нее. Не могу разобрать, что тут... – Ее глаза вдруг расширились, взгляд стал испуганным. – Быть не может...

– Что? Что это?! – Единственное, что Марина могла сказать об этих буквах... некоторые из них напоминали кириллицу. Тот самый старый алфавит, составленный ученым монахом.

– Нужно сфотографировать... – Лиля снова начала рыться в сумке, звеня какими-то стекляшками, а Марина вдруг вспомнила, что держит телефон в руке.

Почему-то захотелось сохранить эту надпись. Как напоминание о не совсем удавшемся приключении.

Она начала лихорадочно фотографировать доску, стараясь запечатлеть каждую букву. Между словами не было пробелов, а некоторые закорючки напоминали просто узоры, но почему-то Марина была уверена, что это именно надпись.

Лиля наконец тоже нашла телефон и сделала несколько снимков.

Пытаясь не показать своей заинтересованности, Марина как бы невзначай спросила:

– Так что это?

– Я не совсем уверена... Но кажется, это язык мертвых ведьм.

Марина вздернула брови:

– Мертвых ведьм?

– Ну, не совсем мертвых. – Лиля наконец убрала телефон и снова зашагала вперед. – В старину люди относились к ворожбе намного серьезнее, чем сейчас. Но знаешь, может, это и хорошо, что теперь нас считают повернутыми чудачками. Зато никто не преследует и не пытается, заставляя делать то, чего мы не хотим...

Марина не смогла сдержать ироничную улыбку:

– Ты имеешь ввиду охоту на ведьм?

Лиля хмыкнула и тряхнула огненно-рыжими волосами:

– Охота на ведьм... – В ее голосе слышалось столько отвращения, что Марине даже стало стыдно за свое пренебрежение. – Все эти святоши, убивающие тех, кто отличался от них, насилюющие ни в чем неповинных женщин... Нет, настоящая охота была куда хуже. И не только в Европе. Истинных ведьм не так-то легко было вычислить. Но если их находили... Некоторые уроды их убивали, да. Но другие отправляли ведьм блуждать в тумане...

Марина и сама не поняла, когда вдруг начала воспринимать каждое слово Лили всерьез.

– Это как?

– Ведьма – это не красотка в остроконечной шляпе и не горбатая старуха с кучей бородавок. Ведьма – это ведающая. Женщина, знающая секреты, которые неведомы остальным. Мы берем свои знания из... Как бы тебе объяснить... Есть мир живых. А есть мир мертвых. Так вот между ними существует граница – тот самый туман. Это страшное место... Что-то вроде леса... Из него не выбраться. Я была там лишь однажды, во время посвящения. Но больше не хочу. Хотя многие ведьмы специально отправляются туда, чтобы узнать тайны ворожбы. Так вот раньше существовал один Орден... Ты о нем ни в одной книжке не прочтешь. А в поисковике забьешь, так тебя тут же загребут «особые органы». – Лиля изобразила пальцами кавычки. – Этому Ордену служили натуральные маньяки. Садисты. Извращенцы. Они прикрывали себя тем, что якобы очищают мир от скверны. Но на самом деле, они отлавливали ведьм и насильно отправляли их блуждать в тумане. Потом они позволяли им на время вернуться и записывали все, что тем удалось узнать. А если ведьмы не признавались, то их пытали. Есть легенда, что в тумане существует особый язык – язык, на котором ведьмы записали свои жуткие секреты, чтобы однажды отомстить Ордену. – Лиля перевела дыхание и бодро перепрыгнула через пенек, а Марина, как несмышлениш шагнула за ней.

Все это было так... чудно. На самом деле на уме у нее вертелись другие слова, но это казалось самым безобидным. Что творилось в голове Лили, если она выдумала всю эту чепуху и теперь рассказывает с таким убийственно серьезным видом? Может, она действительно в это верит? Или... или же, что вероятнее, просто решила разыграть Марину? Наверное, версию с сатанистами отбрасывать рано.

– Прости... – Лиля подергала себя за длинные локоны. – ...что вывалила на тебя это. Просто... бабушка умерла, и... мне не с кем поделиться. У меня уже голова взрывается от всего происходящего. От меня все чего-то требуют, а я совершенно не такая, как она. Не могу уже держать все в себе...

Марина сжала плечо Лили. Под тонкой тканью ее ярко-фиолетового плаща чувствовались острые выступающие кости. Врала Лиля или нет, но жизнь у нее точно была несладкой.

Они и познакомились-то, когда Лиля рыдала, сидя на ступеньках лестничного пролета.

Но все это звучало слишком уж фантастично... Розыгрыш? Или, сама того не ведая, Марина общается с писательницей, которая решила опробовать на ней новый сюжет? А вдруг, у Лили какие-нибудь психические отклонения? Она может быть нездоровой, но искренне верить во все, что говорит.

– Пришли! – Тихий возглас вырвал Марину из задумчивости.

Она огляделась. Что ж, это совсем не то кладбище, какое она рассчитывала увидеть. Как будто оказалась... среди декораций к фильмам ужасов. Слишком странным, незнакомым и нелепым выглядело все вокруг... Слишком пугающим...

Марина медленно осматривалась, стараясь даже дышать реже. Как будто в нее мог проникнуть жуткий дух этого места. В воздухе ощущался запах гниения. Сырой, острый, пробирающийся в самое горло и оседающий на языке каким-то странным вкусом. Словно она только что положила в рот ком земли.

Дурная нелепая мысль, от которой стало еще страшнее. Но ничего с собой поделать Марина не могла. Она оглядывалась по сторонам, пытаясь понять, реально ли все вокруг. И чем больше смотрела, тем чувствовала себя... потерянное. Будто заблудилась, отчаянно искала выход и уже в сотый раз возвращалась на одно и то же место.

Туман. Повсюду был туман. Рваные сизые ленты вились над землей, медленно и лениво тянулись по воздуху. Кажется, они даже цеплялись за волосы. Марина в страхе обернулась. Ей и в самом деле казалось, что кто-то дергает ее за пряди, собранные в длинный хвост. Но ведь так не может быть? Не может же?!

В тумане терялись очертания черных и совершенно голых деревьев. Последние дни лета, хоть и довольно прохладного, но на скрюченных ветвях не было ни листочка. А стволы казались сырыми, словно только что политыми дождем.

Покосившиеся каменный кресты были словно наспех натканы, да так, чтобы занять как можно больше места. Они клонились и опирались на каменные саркофаги, покрытые мхом и оплетенные выюном так плотно, что казались пушистыми кроватями.

Марина осторожно шагнула вперед и тихо вскрикнула, когда из тумана к ней потянулись две каменные руки. Серая дымка развеялась, и проступили очертания скорбного ангела – крылатой статуи на постаменте. Ангел печально взирал на саркофаг у своих ног и ронял слезу, которая навечно застыла на пухлой щеке.

– Ты чего?!

Марина подпрыгнула от страха. Сердце взвилось прямо в горло, застучав мучительным пульсом сразу во всем теле.

– Ты с ума сошла так пугать? – Она едва не бросилась на Лилию, которая неведомо как опять оказалась рядом.

Морось оседала на ее волосах, и они как змеи, свивались в тугие кольца. Яркий фиолетовый плащ и фиолетовые же колготки выделялись в голубовато-сером мареве. Странно, но во всем своем вызывающе-эпатажном виде она была на своем месте здесь, среди пугающих статуй и ангелов.

– Ты закричала. Вот я и подошла. – Лилия надула губы и обиженно посмотрела на Марину. – Я испугалась, что с тобой что-то случилось.

Марина снова ощутила укол вины. Ну что за глупости?! Она ни в чем невиновата и никому ничего не должна. Тем более, Лиле, с которой знакома чуть больше месяца. И все равно мучается от идиотской вины и чувства, будто должна всем вокруг.

На самом деле Марина прекрасно знала, откуда в ней эта вина и потребность угодить всем и каждому вокруг. Синдром отличницы. То, за что она себя ненавидит и жалеет. То, за что ненавидит свою сестру. Мертвую сестру.

Ее образ всплыл в голове, и на секунду почудилось, что Наташа стоит за спиной и смеется над ней.

Марина вздрогнула и помотала головой, как ребенок, отчаянно надеясь избавиться от призрака, рожденного в собственной голове.

– Я... на статую наткнулась. – Марина неловко указала на ангела.

– А-а-а... Идем, скорее... Как раз закат. Травы нужно собрать именно сейчас. – Лиля быстро шагала вперед, легко обходя скрытые туманом «препятствия».

Из земли то и дело вырастали остатки каменной кладки и чугунных оград, повсюду были разбросаны отколотые каменные руки и даже головы. Должно быть, когда-то они принадлежали статуям, вроде того ангела, но кто-то их разрушил. Сломал.

Марина еще тише обычного прошептала:

– Почему это кладбище... такое? Ну, непохожее на обычные.

– Потому что... – Лилия обернулась к ней, сурово нахмурив рыжие брови. – ...Только обещай, что никому не скажешь?

– Если я кому-то расскажу о сегодняшнем, меня упекут в психушку.

– Именно тут Орден держал пленных ведьм. Им казалось забавным – закапывать их под землей или запирали в склепах. Они говорили, что так ведьмы будут ближе к смерти.

Марина икнула. Ее нервы были уже на пределе, а каждое сказанное Лилей слово придавливало тяжелой каменной плитой.

Марина оглянулась, все-таки решаясь уйти отсюда. Но позади нее все заволочло туманом. Плотная белая завеса встала сплошной стеной, скрывая путь для побега.

– Вот, нам сюда. – Лилия свернула к одной из могил, а у Марины по коже прошел озноб.

Зубы застучали от ужаса, когда она шагнула ближе и взглянула на каменный саркофаг со статуей лежащей девушки на крышке. Марине показалось, что она смотрит на живую девушку, только мертвенно-бледную с зелено-голубой кожей, из-за плесени, покрывающей камень. Во всем этом было что-то неправильное. Руки... Сцепленные на животе ладони – они были выточены в форме костей. Как будто принадлежали скелету. Между пальцев была зажата тонкая веточка какого-то растения.

Лилия проследила за ее взглядом и грустно улыбнулась:

– Они нашли веселым – так поглумиться над ней. Это Магда – первая ведьма в моем роду. Первая и самая могущественная. – Лилия ласково провела ладонью по крышке саркофага. – Еще моя прабабушка посеяла здесь эти травы. Все, что растет на кладбище, обладает невероятной силой. Тем более, на таком кладбище.

Лилия начала доставать из сумки небольшие стеклянные пузырьки и флакончики, несколько пробирок и даже кожаный мешочек с завязками, похожий на средневековый кошелек.

Марина до боли закусила губу. Теперь она уже не сомневалась, что Лилия не в себе. Скорее всего, на нее так повлияла смерть бабушки. А может, это что-то наследственное, и таким отклонением страдала и бабушка тоже. Она убедила внучку, что та ведьма, и вот...

А ей что теперь делать? Господи, ну и дура! Ведь с самого начала было ясно, что ничего хорошего от этой идеи ждать не придется. Вечером на кладбище не ходят! Она это прекрасно знала и понимала.

Марина тяжело вдохнула сырой, совсем не летний, воздух.

Просто она очень хотела свободы... Хотела попробовать все, чего была лишена столько лет. Бросилась в дружбу с первой же встречной девушкой, даже не разобравшись в человеке. Ей нужны были эти дикие приключения, впечатления, переживания. Всю жизнь ее держали едва ли не взаперти, чтобы хорошая девочка Марина оставалась хорошей до самой смерти! Наверняка родители и тогда решили бы ее проконтролировать. До конца.

Марина отогнала неприятные воспоминания. Теперь она свободна и может сама распоряжаться своей жизнью. Никто больше не будет ей указывать, что делать и как жить.

– Сейчас-сейчас... я уже почти... – Лилия что-то бубнила себе под нос, на удивление ловко срезая перочинным ножиком стебельки каких-то трав и одним движением засовывая их в пузырьки и пробирки.

Марина уставилась на необычные цветочки. Они притягивали взгляд, завораживали. Крошечные бархатистые лепестки багрово-алого цвета так и просили к ним прикоснуться.

Наверное, Лиля заметила, куда она смотрит, потому что прошептала:

– Это багряный любовник.

Марина с трудом отвела взгляд от крошечных цветочков, чем-то похожих на незабудки.

– Не слышала о таком.

– Ну так о нем в книжках по ботанике и не напишут. – Лилия хмыкнула, начав прямо ладонью загребать землю и высыпать в кожаный мешочек. – Самое верное средство найди свою любовь. Если ты достаточно смелая, конечно...

– Смелая, чтобы искать любовь?

– Смелая, чтобы пролить кровь. На то он и багряный...

Марина даже не стала спрашивать, что это значит. Главное – дожидаться, когда Лилия наиграется со своими травками-цветочками, выведет ее отсюда и... И вот тогда она и носу не покажет из своей квартиры без лишнего повода.

– Готово! Этого должно хватить. Мне очень нужно попасть в ковен.

Марина сделала вид, что не услышала этих слов. Она не хотела знать, что все это значит. Ковен сатанистов, наверняка. Со штаб-квартирой в псих-больнице.

– Все? Можем идти? – Марина с трудом сдерживала подступающую панику.

Ужасное место. Жуткое. Туман еще этот. Откуда он взялся? Как будто дурацкая история, рассказанная Лилькой, оживала на самом деле. И темнело как-то уж слишком быстро. Зябко стало так, что зуб на зуб не попадал.

– Да, вроде бы все взяла. – Лилия рассовывала по кармашкам сумки свои пузырьки и пробирки, в которых теперь покоились части всевозможных растений. – Идем скорее, а то что-то слишком уж быстро темнеет. Странно все это.

Марина ничего не ответила. Ей вообще расхотелось разговаривать. Если раньше казалось, что разговор может отвлечь, то сейчас... Сейчас было такое ощущение, будто две глупые девчонки решили развлечься, станцевав на могилах.

Неожиданно, прямо из тумана на нее вылетела огромная птица с горящими, как фонари глазами. Марина успела разглядеть лишь голубоватое оперение. В голове мелькнула мысль, что она словно попала в немое кино, но в котором даже музыки не слышно. Плотная оглушающая тишина.

Филин... Он рассек воздух. Словно в замедленной съемке, Марина увидела, как от его крыльев по туману пошла вихрастая рябь. Она даже не успела закричать. Нужно бы пригнуться, закрыться, но... Острые когти птицы прошлись по щеке, впиваясь в кожу. Чьи-то руки дернули назад, и лицо тут же обдало огнем. Боль вспыхнула пожаром, и только после этого Марина закричала, оглохнув от звука собственного голоса.

Мир вокруг размылся, и на какую-то секунду она даже подумала, что лишилась глаза. Зажимая ладонью раненую щеку, Марина пыталась рассмотреть хоть что-нибудь, но видела только белую пелену. Паника удушливой волной накрыла с головой.

И вдруг перед глазами появился знакомый фиолетовый плащ и влажные от мороси ярко-рыжие волосы.

Тонкий голос по-старушечьи причитал:

– Ну вот что ж ты так... Я ж тебя тащила... Потерпи, сейчас все исправим... У меня где-то тут было...

Холодные пальцы заставили ее отвести ладонь от щеки, и кожи коснулось что-то влажное и прохладное. Всклипнув, Марина рвано выдохнула. Наконец, перед глазами прояснилось, и она смогла отчетливо разглядеть встревоженное Лилино лицо – сердито сдвинутые брови и напряженно закушенная губа.

Марина потихоньку начала приходить в себя. Поняла, что сидит прямо на влажной земле, прижимаясь спиной к чему-то холодному и твердому. Рядом суетится Лилька, доставая из потертой сумки бесчисленные салфетки, остро пахнувшие чем-то цветочным. Чуть трещат и поскрипывают деревья, раскачивающиеся от внезапно усилившегося ветра.

А она ревет, как дуреха, и даже не осознает этого. Горячие слезы боли текли по щекам, попадали в рану, и от этого она начинала гореть еще сильнее. Боже, ну за что ей все это?

– Все-все, почти все. Ты как? Идти сможешь? Тут где-то неподалеку должен быть травм пункт. Кажется...

Щеку жгло так, что малейшая попытка ответить закончилась очередной порцией слез. Но, преодолевая себя, Марине все-таки удалось открыть рот. Каждое движение губ напоминало пытку. Да что ж так больно?!

– Давай... просто домой...

– Ты что?! А вдруг, заражение?! Неизвестно, в чем были его когти. Рана воспалится, загниет и...

– Нет. – Марина упрямо покачала головой и начала вставать.

Она шаталась. Хваталась влажной и липкой от крови рукой за какой-то каменный постамент, как за последнюю надежду. Лица прыгала рядом ярким фиолетово-оранжевым пятном, суетилась, причитала и пыталась прижать к ее щеке очередную салфетку.

Марину начала бить уже нешуточная дрожь. Стук зубов отчетливо слышался в разлившейся тишине.

– Пошли домой, скорее... Мне нужно домой...

Каждое слово давалось с трудом. Боль теперь пульсировала повсюду. Виски лопались изнутри.

– Тебе нужно в больницу... Это я во всем виновата... Не нужно было звать тебя с собой...

Марина не выдержала и зло рывкнула:

– Раз виновата, значит хватит ныть! Помоги добраться домой и угомонись. Я ничего не вижу!

Она ненавидела себя за эту вспышку. Ненавидела, что у Лили обиженно задрожала губа, и даже волосы как-то уныло повисли. Ненавидела, что иногда на нее накатывала вот такая дикая ярость, когда хотелось рвать и метать. Сломать бы что-нибудь! Чтобы эта клокочущая внутри энергия нашла выход и перестала разъедать изнутри.

– Пойдем...

Лиля осторожно взяла ее под руку и повела за собой, помогая переступить через камни и ветки.

Марина с трудом помнила, как они добрались домой. На протяжении всего пути, пока они тряслись в переполненном автобусе и потом, пока брели по тихой опустевшей улочке, Лиля уговаривала ее отправиться в больницу.

А что, если в рану действительно попала какая-нибудь инфекция? Что если теперь она, и так не блещущая красотой, окончательно превратится в уродку? С таким-то шрамом! И скорее всего, не с одним. Наверное, нужна прививка от сотни жутких болячек и десятков швов...

– Марин, ну, давай все-таки в больницу?

– Нет, мне завтра на работу. Некогда ходить по больницам.

– А вдруг, там что-то серьезное? – Лиля заглядывала ей в лицо, но все время отводила взгляд от раны. Пыталась украдкой взглянуть, но тут же отворачивалась и делала вид, что смотрит в другую сторону.

У Марины дрожали руки, пока она пыталась найти ключи от квартиры. Нервы уже вообще были ни к черту. Мало того, что жжение превратилось в тупую боль, которая пожирала лицо, так еще и перед глазами снова плыло. Она шаталась, как пьяная, и еле держалась на ногах.

– А вдруг я вообще умру? – Марина наконец нашла ключи и воткнула один в скважину. – Будешь мучиться угрызениями совести?

– Ну не говори ты так! – Лиля вдруг зарыдала. – Ты моя единственная подруга! А я тебя угро-о-била...

Марина ввалилась в прихожую своей крошечной съемной квартирки и без сил привалилась к стене.

– Лиль... ты что, меня хоронишь? – Щека онемела от боли и говорить было еще сложнее.

Сглотнув соленую от крови слюну, Марина кое-как разулась и побрела в ванную. Вслепую нащарила выключатель и зажмурилась от яркого света.

Ванная была настолько крошечная, что хватало двух шагов, чтобы добраться до зеркала. И сделать это можно было вслепую.

Марина убрала салфетки и открыла глаза.

Боже...

Ее щека выглядела ужасно. Когти филина рассекли кожу от уха до подбородка. Края раны опухли и покраснели. Запекшаяся кровь почернела, и казалось, что порез действительно гниет.

Марина без сил опустилась на холодный пол и заплакала. Теперь даже боль ее не останавливала. Она и так всегда была не особенно красивой, даже мама так говорила, а теперь... Теперь она действительно уродка.

– Марина...

Рядом опустилась Лиля:

– Ну ты чего?.. Больно? Я сейчас попытаюсь все поправить... Пойдем... Пожалуйста, только не расстраивайся... Я умею лечить. Бабушка меня всем важным заговорам научила... Даже шрама не останется! Ну, то есть останется, но... Его почти не будет видно.

Как ребенок, Лиля начала тащить ее за рукав пиджака и пытаться поднять с пола.

– А давай я к тебе твою любовь притяну? Это сложный ритуал, но я справлюсь... И необходимые травы мы все собрали. А крови вон у тебя сколько натекло...

Марина с трудом поднялась. Разбухшая от слез кровавая корочка лопалась, и острая боль пронзала уже не лицо, а все тело, простреливая голову и живот.

Лиля ее куда-то тащила, и Марина поддавалась ее уговорам. Покорно следовала, вслушиваясь в бессвязный лепет чокнутой соседки, и глотала слезы. Она никогда не была плаксой. Никогда. Но вот сейчас...

– Ну так хочешь? – Лиля заставила ее лечь на скрипучий продавленный диван и начала стаскивать пропивавшийся кровью пиджак.

Бездумно глядя в потрескавшуюся на потолке побелку, Марина глухо спросила:

– Что?

– Любовь свою притянуть? Мы можем ЕГО среди тысяч отыскать и пересечь ваши пути. – Лиля заговорила деловито, так, будто они сейчас обсуждали подробности какой-то сделки.

Откуда-то в ее руках появилась увесистая аптечка, и, усевшись на табуретку, она принялась в ней ковыряться.

Марина снова посмотрела на потолок:

– Не хочу.

– Почему? Все женщины хотят... – Лиля чем-то шелестела, и этот звук внезапно начал успокаивать. Настолько, что Марина даже прикрыла глаза.

В воздухе разлился запах чего-то едкого и аптечного.

– Потому что я некрасивая, и никто меня не полюбит, поэтому и ждать ничего такого не нужно.

– Ты это из-за шрама?! Мне очень... стыдно, правда... И я все исправлю! Вот увидишь! – Что-то забулькало, и в едко-аптечную смесь вклинился другой аромат: приятный и свежий.

Легкий-легкий, цветочный и в то же время как будто морозный. – Сейчас немного пощиплет, но нужно обеззаразить рану. Наверное...

Марина кивнула, молча соглашаясь и с болью, и с неуверенностью в голосе Лили. Хуже, чем есть, уже вряд ли станет. Вот только она не ожидала, что больно будет настолько! Ее подбросило над диваном от обжигающей вспышки. Новая порция огня лизнула левую щеку, начиная пожирать все лицо.

И вдруг из нее полились слова...

Облизывая пересохшие губы и давя всхлипы, Марина начала рассказывать то, что никому не говорила. Потому что не с кем было этим поделиться.

– У меня была сестра. Старшая. Наташа. Очень красивая. Она собиралась стать медсестрой. Мне тогда было лет десять, и я, конечно, не все понимала, но... Наташа всегда была очень популярной. Нравилась мальчикам, парням, умела себя с ними вести. А я... Ну, мне доставались ее поношенные вещи, разбитые телефоны и изуродованные игрушки. Я не жаловалась и даже не завидовала. Скорее, мне было обидно, понимаешь? Хотелось одну, дешевую игрушку, но МОЮ!

Лилия ничего не ответила, только продолжила прижимать к ее щеке мокрую ткань. Наверное, можно было говорить дальше. Она ведь не против побыть психологом? Затащила ее на кладбище и рассказала какую-то фигню о ведьмах. Вот теперь пусть слушает людей, у которых реальные проблемы!

Разозлившись, на саму себя, Лилию, сестру и родителей, Марина сбивчиво продолжила:

– В какой-то момент начались проблемы. Наташа ходила по клубам вместо лекций, развлекалась с какими-то компаниями, пила, курила, стала воровать у родителей деньги и даже не скрывала этого. Говорила, что хочет лучшей жизни, что у нее будет столько богатых мужиков, что она вернет родителям все копейки и даже больше, чтобы мы ели хлеб с маслом и давились им. А потом она подсела на наркотики. Связалась с какими-то то ли депутатом, то ли бизнесменом... Ее нашли за городом. Изнасилованную, под убийственной дозой и беременную. С тех пор... в общем, родители решили, что хотя бы одну дочь, но они спасут. Мне запрещали все, что только можно было запрещать. Следили за каждым моим шагом. Они меня и сюда не хотели отпускать. То есть... они даже не знают, где я. – Марина мстительно улыбнулась. – Провожали меня в один город, а я потом пересела с поезда на автобус и приехала в эту глухомань, чтобы не нашли. А знаешь, как я добилась того, чтобы меня отпустили? – Марина посмотрела на Лилию, которая глядела на нее расширившимися от страха глазами. Ха! Ну и кто тут теперь сумасшедшая? Явно не рыжая ведьма в сотом поколении. – Я сказала, что выброшусь из окна. А потом пригрозила, что если они решат упечь меня за это в психушку, то я напишу заявление в полицию о насилии в семье. Я столько книг перечитала за всю свою жизнь... в красках расписала им все свои «страдания» от домашней тираннии.

Марина опять уставилась в потолок и перевела дыхание. Сейчас, когда она сказала все это вслух, и впрямь показалось, что она... чокнутая. Маньячка похуже Лили и ее сатанистов. Но еще день в домашнем заточении, почти под конвоем, и она бы точно совершила что-то безумное.

– А меня мама бросила... – Голос Лили звучал очень тихо и тонко, прерывисто.

Марина взглянула на Лилию. Она возилась с колечком лейкопластыря, а на коленях, прикрытых бордовым платьем, лежали разномастные пузырьки с разноцветными жидкостями. А вот ей родители запрещали носить платья, но хранили все Наташины – короткие, вызывающие, расшитые стразами и пайетками.

– Почему? – Боль начала утихать, оставляя после себя полусонную дымку, в которую Марина медленно погружалась.

– Потому что была молодой и красивой, и родила меня от «неправильного мужчины». Ей хотелось роскошной жизни и веселья, а не нянчить вечно ноющего ребенка.

– А отец?

– Я его даже ни разу не видела. Бабушка говорила, что мне такой папа не нужен...

Марина поняла, что начинает проваливаться в сон. Ей казалось, что она заточена в башне, а вокруг бушует океан. Волны бьются о толстые каменные стены и шумят...

Шелест дождя, врезающегося в серую холодную воду, укачивал...

Интересно, почему ее заточили в башне? Потому что она красивая принцесса, которая ждет своего спасителя? Нет, вряд ли... Красивой она никогда не была. А может, она злая колдунья, которую упрятали на неприступном острове, чтобы больше не могла вредить людям? Кто же она?..

Гром сотряс место ее уединения или пленения, разрушая каменные стены, и Марина резко проснулась.

В голове шумело, а в глаза словно насыпали песка. Во рту ощущался неприятный солоно-сухой привкус. За окнами бушевала гроза. Ветер трепал занавески, залетая через открытую балконную дверь. Но Марина точно помнила, что закрывала ее.

Вспышка молнии осветила свернувшуюся в кресле девушку. Марина едва не закричала от страха. Но боль, пронзившая щеку, тут же воскресила в памяти недавние события.

Лиля крепко спала, сердито сопя и прижимая к животу аптечку. Ведьма, значит... Марина осторожно прикоснулась к опухшей щеке. Даже легкое касание отозвалось растекшейся по всему лицу болью. Винить в этом некого, кроме себя. Никто ведь не заставлял ее соглашаться на кладбищенскую экскурсию.

Снова загромыхал гром, и Марина заставила себя встать с дивана. Она так и уснула в грязной одежде. Чувствуя себя разбитой, она побрела в ванную. Может, сейчас, когда она поспала и немного успокоится, все окажется не таким ужасным?

Из старого зеркала на нее смотрело жуткое бледное существо с двумя огромными кругами под глазами, выбившимися из хвоста волосами и опухшей покрасневшей щекой, заклеенной лейкопластырем. Видимо, под него Лиля положила слой бинта, от которого шел нежный цветочный аромат. Самой себе Марина и впрямь напоминала ведьму. Жуткую и злобную, вылезшую из преисподней, чтобы творить свои черные дела.

Да уж, если ее не погонят с работы за такой внешний вид, то ей очень повезет.

Проковыляв обратно в комнату, Марина отыскала мобильный. Шесть утра. Можно еще полчаса полежать, но спать не хотелось совершенно. Вместо этого она нашла фотографию старой доски и увеличила снимок, вглядываясь в закорючки символов. Как узнать, что здесь написано? Почему-то ей было очень важно расшифровать надпись. Вряд ли это что-то важное. Может, вообще ребенок баловался! Но ощущение было таким, будто от этого зависела вся ее жизнь. Или она все еще цепляется за свое неудавшееся приключение? Как будто жуткой раны, изуродовавшей ее и без того некрасивое лицо, недостаточно!

Разозлившись на саму себя, Марина отложила телефон и начала собираться на работу.

ГЛАВА 2. ЛОГОВЕЦ

– А детскую мы оформим в голубых тонах. Мне кажется, будет мальчик. Я даже уверена в этом! Поэтому, все должно выглядеть по-мужски. Я уже выбрала люльку, манеж и такие чудесные подушечки. Хочешь посмотреть?

Нет, я не хотел смотреть. Не испытывал ни малейшего желания. Я хотел послать эту шалаву на хрен, взять за патлы и вышвырнуть из своего дома. Но не мог. Потому что играл в гребаного героя. Заварил дерьмо, теперь сам же в нем и кипячусь.

– Дагмар, ты меня вообще слушаешь? – Диана недовольно дергала себя за прядь волос, а меня от этих ужимок начало потряхивать.

– Вообще мне насрать.

– Что?! Да как ты можешь так говорить?! Речь о твоём ребенке! О сыне! – Ее голос перешел на визг, от которого тут же заложило уши.

Не понимаю, что брат нашел в ней. Рыбье лицо, противный голос... Должно быть именно так вопили ведьмы, когда их пытали.

Хуже всего было то, что эти слова предназначались сосем не мне. Они были сказаны для всех, кто находился в доме. И проорала она их так громко лишь затем, чтобы каждый услышал, какой я мудак. Эта бесчувственная тварь не способна была испытывать никаких эмоций. Хотя нет, когда дело касалось денег, тогда она была вполне эмоциональна.

Я сам себя загнал в ловушку. Теперь придется с этим как-то жить. Пока что получалось плохо. И я не уверен, что дальше будет лучше.

– Я пытаюсь наладить наши отношения! – Она подошла и едва не впечатала мне в лицо свое пузо.

Я честно пытался испытывать к этому ребенку хоть какие-то чувства. В конце концов, он ни в чем не виноват. Я даже не настаивал на аборте, хотя первым желанием было взять эту расчетливую тварь за шкирку и отвезти к гинекологу. Ребенок, мальчик или девочка – мне плевать, был проблемой. А от проблемы нужно избавляться.

Но мать хотела внука, а я не хотел в очередной раз чувствовать себя монстром. Вот только им я и являлся. Больше никем. Чудовищем. Животным.

Разве это плохо? Я не выбирал, кем родиться. Я любил то, кем я был. Мне это нравилось. Я научился так жить. Выдирать глотки несогласным. Отрубать конечности тем, кого следовало проучить, но кто был нужнее живым, чем мертвым. А потом избавляться и от них. Животное во мне приняло правила игры с самого начала. Человек надеялся на поблажки, но я быстро избавил себя от этого недостатка. Ты никто, если ты слаб. Люди – те же животные, только трусливые и никчемные. Они понимают инстинкты. Хотят жрать и трахаться. Желательно, все это делать в тепле, уюте и безопасности. Поэтому я старательно уничтожал все человеческое, что во мне было.

Незачем мне это. Ни к чему. Никакой пользы. Человек не сможет управлять животными. Не сможет быть главным над ними. Поэтому я давно уже не стремился быть человеком. С детства. Когда понял, что это никому на хрен не нужно. Не нужно важному для меня человеку.

И все-таки, я пошел против собственных принципов. Идио-о-от! Ведь знал, что эта попытка будет провальной. Что если баба – сука, то она остается сукой до последнего своего часа. Даже если это собственная мать. Для нее я попытался стать человеком чуть больше, чем животным.

И вот, чем все это кончилось.

Диана упорно пыталась вызвать во мне какие-то отцовские чувства и надавить на жалость. Напомнить о каком-то моем долге. Вот только я ни черта не должен ей. То, что она и этот ребенок были до сих пор живы – мой огромный ей подарок. И моя огромная ошибка.

Следовало избавиться от них обоих. Неизвестно, каким боком мне выйдет моя доброта. Но проявить капельку сострадания стоило того, чтобы увидеть, как мамаша, эта подлая тварь, умоляет меня, стоя на коленях.

Я даже не думал, что она пойдет на это. Опустится на пол и начнет просить сохранить жизнь Диане и ребенку, не лишать ее внука. Черт, да это стоило любых трудностей! За столько лет ее ненависти... Словно помазать зеленкой покрывшиеся коркой раны. Вроде бы должна лечить, но лечение уже и не нужно. Зато так спокойнее.

– Дагмар... Ну что с тобой? Ты не в настроении? Хочешь я помогу сбросить напряжение? – Диана запустила пальцы мне в волосы, и я едва не воткнул в нее нож, который держал в руках.

– Отойди от меня. – Рычание в моем голосе могло напугать, кого угодно, и эта дура, наконец, поняла, что полезла туда, куда не следует.

Меня обдало волной ее запаха. Трупная вонь страха забивала ноздри так, что першило в горле. Наверное боялась, что окажется вышвырнутой на улицу и без гроша в кармане. Я

видел, как удивленно поднимаются ее брови, глаза расширяются, а затем начинают бегать по сторонам. Боже, да я мог прочесть все мысли, которые сейчас крысами метались в ее тупой башке.

Дрянь не понимает, почему на меня не действуют ее попытки убого соблазнения. Почему я до сих пор не завалил ее, ведь она усиленно пытается дать понять, что не против.

Я отложил вилку и нож, удерживая себя от того, чтобы не перерезать ей горло. Как же они меня задолбали. И она, и мать, и даже не родившийся ребенок. Просто адски задолбали. Нужно было избавиться от нее. И от него.

– Ты не хочешь спасти наши отношения... Все ведь может получиться! – Она снова вспомнила, что нужно говорить громче. Чтобы слышали все. Даже надрыв в голос добавила.

И все-таки, актриса из нее хреновая. Но те, на кого был рассчитан этот спектакль, могли повестись. И поведутся ведь!

Я медленно выдохнул, прочищая легкие от ее вони.

– У нас нет никаких отношений. Ты здесь временно. Если до сих пор не поняла, то повторю еще раз. Ты рожает ребенка, отдаешь его моей матери и... выметаешься отсюда.

– Ты... ты... не получишь моего ребенка! – Диана для верности отступила на шаг и ткнула в меня пальцем.

– Да мне он нахрен не нужен. Если бы не моя мать, и ты, и он, были бы уже давно закопаны где-нибудь в пригороде. Считай, что ты попала в благотворительную программу.

Диана посерела. На секунду прижала руки к животу, но тут же пришла в себя и потянулась к столу. Начала хватить посуду и швырять ее на пол.

Пол усеяли осколки фарфора и еды. Пора с этим кончать. Похоже, она еще не поняла, с кем имеет дело. Власть сменилась.

Я встал, и на лице Дианы тут же мелькнуло довольное выражение. Она спрятала улыбку, бросила на меня наигранно оскорбленный взгляд и принялась за стаканы.

Чего она добивается? Надеется, что обычной бабской истерикой сможет вызвать мой интерес?

Схватив Диану за плечо, я потащил ее к дверям. Она закричала так, что едва не лопнули барабанные перепонки.

– Что ты делаешь?! Отпусти меня! Мне больно! Я – мать твоего ребенка! Как ты смеешь так со мной обращаться?

Она снова вспомнила, что нужно работать на зрителей, и усердно надрывала глотку, крича в сторону двери. Что ж, ее расчет оказался верным. Снаружи уже ждали «благодарные зрители».

Я выволок Диану в коридор и толкнул к подошедшему Борису.

– Ужин окончен. Диана больше не голодна. Тот, кто решит поиграть в рыцаря и принести даме еды, будет иметь дело со мной. Займусь лично. – Я осмотрел тех, кто до недавнего времени работал на брата, а теперь перешли «по наследству» ко мне. Как набор солдатиков, перекочевавший от одного брата к другому, когда одному из них надоели старые игрушки.

Твою мать! Идиотизм какой-то лезет в голову. Но мои люди до сих пор не приехали, и только эти отбросы были в моем распоряжении. Ни на кого нельзя надеяться, кроме себя самого.

Те, кого собрал брат... Жалкая гопота из девяностых. Не хватает только семечек, банки пива и ржавой заточки. Большинство даже не были берсеркерами. А те, которые были... я до сих пор не верил, что можно превратиться в такое дерьмо, обладая яростью медведя.

В затхлом городишке творится черт знает что. И разгрести все это предстоит именно мне.

– Дагмар? Что здесь происходит?

Боже... Еще ее тут не хватало. Держась за перила, мать спускалась по ступенькам, с трудом ковыляя на высоченных каблучищах. Ее попытки изобразить аристократку казались смешными.

Но наверное смешно тут было только мне.

Я даже не успел ответить, как в разговор встряла Диана:

– Инна Семеновна! Дагмар... Дагмар... – Она прижала руки к лицу и начала громко рыдать, не забывая старательно размазывать косметику. Слез там не было и в помине.

– Дагмар?! Что ты с ней сделал? – Мать бросилась к Диане, но смотрела только на меня. С таким презрением и ненавистью, что я должен был ощутить себя полнейшим ничтожеством и пойти утопиться за то, что огорчил королеву. Блядь!

Но я больше не был десятилетним пацаном. И на сук, которые старательно портили мою жизнь, мне было насрать.

С этим цирком пора кончать. Как же все задолбалю. Я здесь только пару дней, а уже готов возненавидеть это место всеми фибрами души. Наверное, отец знал, что так и будет, потому и оставил этот жалкий городишко моему брату.

Я ненавидел здесь абсолютно все. Особенно, этот чертов дом. Нужно вырваться отсюда. Хотя бы на пару часов. А иначе свихнусь.

– Дагмар! – Мать обнимала истерично всхлипывающую Диану, которая бросала на меня злобные взгляды сквозь волосы.

Да, я бы тоже злился, милая. Прекрасно тебя понимаю. Но психуй-не психуй, я не мой долбоеб брат, и разводить себя не дам. Пусть и пошел на поводу у матери и встрял во все это. Но я придумаю, как закопать эту могилу прежде, чем свалюсь в нее.

Я сунул руки в карманы, чтобы не свернуть шеи обеим.

– Диана... наказана. Сегодня она учится вести себя нормально. Дай ей пару уроков. В знании этикета с тобой никто не сравнится.

Я ухмыльнулся, видя как вытянулось лицо матери. Мелочная жалкая попытка задеть ее. Но, черт возьми, я не мог сдержаться.

Пока обе соображали, что мне ответить, я развернулся и быстро вышел. Вступать в очередную перепалку уже не было сил.

Мне нужно собраться с мыслями и придумать, что делать. Холодный ветер немного остудил голову. Я даже задержался на ступеньках, вдыхая аромат леса, принесенный ветром. Пожалуй, единственное, что примиряло меня с этим чертовым городом – воздух. Он тут пах как-то по-особенному. Лесом. Стариной. Историей. Тем временем, когда подобные мне были не фантастическими сказочками киношников, а реальностью. Страшной, пугающей реальностью. Реальностью, с которой все считались. Которую уважали и боялись разгневать.

Сейчас нас тоже уважали и боялись. Но совсем по другим причинам. Такие как я, как отец и брат, давно стали легендой. А в этом городишке... Здесь легенды были на каждом шагу.

Многие поколения нашей семьи выстраивали Логовец. Он был чем-то вроде пристанища для берсеркеров. А потом настал упадок. Многие до сих пор верили, что дело в проклятии ведьмы, которая затаила обиду на одного из моих предков. Бред полнейший. Но что-то действительно тут происходило. Логовец медленно разрушался, превращаясь в осыпающиеся руины, и никакие попытки его восстановить, не помогали. Но даже таким отец обожал его.

Теперь он принадлежит мне. Вместе с кучей проблем. Самую огромную из которых создал я сам.

Своими же руками выкопал себе могилу. Наверное, она показалась мне недостаточно глубокой, за все мои грехи, и я копнул еще глубже. Чтобы уже никогда не выбраться.

Количество всего того, что я совершил в своей жизни, обеспечивало мне вечное пекло в аду. На самом сильном огне. Думаю, сатана лично явится, чтобы прожарить меня до черной корки. То, что я сейчас творил, выворачивало наизнанку. Это была попытка все исправить

и хоть как-то заслужить прощение. Но проблема в том, что я ни хрена не чувствовал себя виноватым и каждый божий день сожалел о том гребаном благородстве, в которое полез играть.

Идея с самого начала была дерьмовой, но я же упорный. Если задумал, доведу до конца. Добьюсь своего и слеплю из говна конфету, которую не стыдно подарить матери. Впрочем, только дерьма эта сука и заслуживала.

Ненавидя ее, я до сих пор отчаянно пытался получить ее одобрение. Сам не знаю, на что рассчитывал. Что она распахнет свои объятия, расплачется и признает наконец, что я ничуть не хуже, чем брат?

Я на собственной шкуре прочувствовал всю ту хрень, на которую обречены некоторые из нас. Сильнейшие. А раз ты из рода древних, и в тебе течет старая, почти животная кровь, то и законы тебе грозят конкретные.

Я должен разгрести всю свалившуюся на меня лажу, но мне нужна хотя бы пара часов отдыха. Просто время, чтобы ни о чем не думать. Или наоборот, подумать обо всем. В одиночестве.

Я зашел в гараж и выбрал самую неприметную из всех своих машин. Не то чтобы дела в Логовце шли совсем уж плохо, но и привлекать лишнее внимание не хотелось. Не многие знали, что власть сменилась. И я собирался воспользоваться этим. Держать остальных в неведении, как можно дольше. Что-то в смерти отца, а затем и брата не давало покоя. И хоть я пытался себя убедить в том, что Грегор кончил бы плохо в любом случае, все равно не мог избавиться от дурного предчувствия.

Мотор тихо замурчал, и я заставил себя успокоиться. Главное – внушить себе, что все делаешь правильно, и упрямо идти по намеченному пути. Я и так уже увяз по самое не могу, рыпаться дальше бессмысленно. Нужно придумать, как не сделать хуже, чем уже есть.

Ворота отъехали за высокий забор, и я вырулил на дорогу среди маленького темного леса. Даже запертый внутри металла, я слышал, как тревожно шумят деревья, как листья трутся друг о дружку. Старые стволы скрипели и кряхтели, словно им было больно. Адски больно. В природе чувствовалось напряжение. Что-то надвигалось. Что-то плохое. Лес уже знал об этом, предчувствовал. Пытался предупредить тех, кто мог его услышать. Я мог. Но навалившихся проблем было столько, что думать еще и о какой-то угрозе, не хотелось.

Я научился подавлять древний зов крови. Заглушать жажду. Из-за моей принадлежности к сильнейшим контролировать себя было намного сложнее. Во мне жила дикая первобытная мощь. А потому и желания были такими же дикими и первобытными. Иногда задавить их было почти невозможно, и единственным способом совладать с этим было сорвать с себя все тряпье и броситься в самую чащу леса. Крошить, убивать, охотиться.

Но я пытался держать звериный инстинкт под контролем. Пытался, гоня от себя мысли, что однажды сорвусь и сделаю то, что сделал отец.

Я изо всех сил старался не повторить его ошибку, но чувствовал, что моя будет иметь еще более плачевные последствия. Не знаю, почему решил так. Наверное, чутье. Оно меня никогда не подводило.

Опустив окно, я вдохнул холодный сырой воздух. Пахло могильной землей, заправшими листьями и горечью дыма. Я даже мог почувствовать его причину – сырое дерево. Где-то далеко сжигали листья и сырые ветки. Умопомрачительная смесь. Почти наркотик. Я любил эти запахи. Ароматы приближающейся осени, начала конца. Когда все умирает. Но умирает так медленно и красиво, что хочется застыть в этой смерти навечно.

Скоро начнется дождь. Его я тоже любил. Люди, обычно, стремились найти укрытие. Я же, наоборот, пытался выбраться под ливень, надышаться им.

Дождь только приближался, но холодный ветер уже хлестал по салону, выстуживая кожу и застревая в горле. Я переключил скорость и надавил на газ. Ветер почти оглушающе зашумел в ушах, где-то очень далеко громыхнул гром. Но до города он еще не добрался. Ливанет только

через пару часов. Как раз хватит времени, чтобы расчистить весь срач в голове и придумать, что делать дальше.

Скорость перевалила за двести. В крови забурило возбуждение. А вместе с ним и злость.

Ради чего я играю в геройство? Ради кого строю из себя рыцаря?! Ради женщины, которая проклинает мое существование?

Мать всегда меня ненавидела. Самыми ласковыми детскими прозвищами, которыми она меня награждала, были «гаденыш» и «исчадие ада». А вот «Сынуля Сатаны» было ее любимым. Потому что Сатаной она называла моего отца. Он изнасиловал ее. Так они меня зачали – об этом мать проорала мне в мой седьмой день рождения. «Чудесные» детские воспоминания. Не каждый может похвастаться такими.

У меня была целая коллекция.

Мать оказалась обычным человеком, не подозревающим о существовании особой ветви эволюции. Даже не ведьмой, на худой конец. Она так и не смогла принять звериную натуру отца. Даже сейчас, когда его нет в живых, она продолжает его ненавидеть. И меня заодно.

Вся ее любовь досталась брату. Этому ублюдку, который всегда делал, что хотел и думал, что все ему обязаны. Мы никогда не были дружны. Ни капли. Даже родственных чувств друг к другу не испытывали.

Да, я ревновал к нему мать. Я хотел той же любви, которую она отдавала только ему, хотел той же заботы. Но очень быстро понял, что мне этого никогда не получить. Ревность сменилась равнодушием. Мне было насрать на него и его дела.

До недавнего времени. До тех пор пока он не связался с теми, кто сильнее. До тех пор пока от него не осталось кровавое пятно.

Мать билась в истерике и орала, что это я должен был превратиться в мешанину из кишок, костей и крови. Что обязан был искупить грех своего рождения смертью.

В какой-то степени я понимал ее. Отец всегда был жестоким. Диким. Он учил меня не щадить врагов. Уничтожать каждого, кто стоит на пути. Не оставлять в живых предателей и делать их смерть максимально долгой и мучительной. Другим в назидание. Он учил не бояться замарать руки в крови. Я служил при нем палачом, выполняя грязную работу и поднимаясь с низов. Я выбивал свое положение не рождением, а собственным потом. И я прекрасно знал, каким монстром он может быть. Я понимал ненависть матери к нему. Но не ко мне! Я не выбирал, как родиться.

Не я превратил его в монстра и заставил охотиться на мать, как на животное. Я ненавидел это в нас! Молился, чтобы со мной такого не произошло. Чтобы я никогда не встретил ту единственную, из-за которой все человеческое сотрется, и останутся только голые звериные инстинкты. А в нас они еще хуже, чем в животных. Животные убивают, чтобы выжить или если им грозит опасность. Мы же получаем удовольствие от насилия. Нас возбуждает аромат крови поверженных врагов. Животные охотятся, чтобы добыть пропитание. Мы – чтобы доказать всем свою силу. Чтобы испытать азарт, будоражащую кровь опасность, преодолеть препятствия и получить заветный приз. Животные спариваются, чтобы дать потомство. Мы же... чтобы чувствовать, как кричит, кончая, наша самка. Для нас это дикое безудержное совокупление, когда наслаждение балансирует на грани боли.

Большинство женщин воспринимают это как какое-то извращение. Легче заплатить шлюхе, согласной на все, ради пары купюр. Она не станет задавать ненужных вопросов, а потом сбегать с ужасом на лице и криками, что ты ее изнасиловал. А еще проще обойтись собственной рукой. И никому не нужно ничего объяснять.

Это и есть моя жизнь... Как же все задолбало. Нужно переключиться и подумать о чем-то другом. О чем угодно...

Я свернул с трассы на какую-то кривую дорогу в колдобинах. Деревья здесь росли почти вплотную друг к другу, по обеим сторонам от тропы. Сверху они сплелись ветвями так крепко, что получилась арка. Как в старой крепости...

Не знаю, почему вспомнил о ней. В детстве отец пару раз привозил меня в Логовец. Самым лучшим местом мне тогда казалась чудом сохранившаяся крепость с такими же сводчатыми потолками, какие сейчас нависали над машиной. Часть старого сооружения была разрушена, но от этого оно казалось еще более притягательным. Я бегал по мрачным коридорам, воображая себя древним берсеркером, завоевавшим неприступный замок.

А потом отец завязал мне глаза, отвел в подвал и запер в камере, сказав, что настоящий берсеркер выберется откуда угодно, даже из могилы. А так как это не могила, то я вообще должен справиться на раз-два.

Не помню, сколько мне тогда было. Но точно помню, что среди остальных я был самым хилым. Дух медведя во мне не пробудился, и я проигрывал во всех драках. Слабак – так меня все называли.

У сильного предводителя не может быть слабого сына. И мне пришлось выбираться из жуткого подземелья, где было темно, сыро и пахло так, что выворачивало наизнанку. Расчет отца оказался верным – во мне пробудился зверь и пришел на помощь. Я умудрился выбраться, следуя за запахом отца. Даже сейчас, вспоминая об этом, по телу проходит дрожь.

Сделал бы я подобное с собственным сыном, если бы в нем не просыпался духа зверя? Я помнил, как был напуган, как пытался разглядеть в темноте хоть что-то. Под ногами скрипел осыпавшийся камень, известка и еще черт знает что. Узкие стены давили. Мне казалось, что я останусь там навсегда – буду блуждать по подземным тоннелям, пока не превращусь в одного из призраков. Говорили, в крепости их предостаточно.

И сам не заметил, как за всеми этими размышлениями добрался до основной части города. Узкие улочки, сохранившиеся еще, наверное, со средневековья здания, мощеная дорога. Если не знать, где оказался, покажется, что угодил в старый европейский городок. Тихий, спокойный, до зубного скрежета... приличный, что ли.

Сам не знаю почему, но сворачиваю на пустую объездную дорогу, которая ведет к старой ратуше. Хотя, это слишком громкое название для башенки с часами и колоколом, но раньше ее звали именно так. Как сейчас – не знаю.

Когда я приезжал в Логовец, меня всегда манило именно сюда. Не знаю, что такого притягательного было в этом месте... Мне просто хотелось быть здесь. Как будто я постоянно чего-то ждал. Ждал. Этого не случалось. Я уходил. Но каждый раз возвращался. В надежде, что... Идиотизм какой-то.

Наш род сохранял каждую крупицу истории. Все, что происходило с берсеркерами тщательно записывалось в наши собственные летописи. Каждый род скрупулезно отмечал каждую мелочь – в этом и был секрет власти и могущества. Идиот – тот, кто повторяет ошибки прошлого, не извлекая из них никаких уроков.

История строительства ратуша была известна даже обычным людям. Вот только для них это была красивая сопливая легенда о любви. Для меня же – кровавая летопись того, как один глупец пожертвовал всем ради смазливой шлюшки.

Прадед строил башню собственными руками – хотел сделать подарок ведьме. В нашей семье верили, что она его приворожила. Не знаю, так ли это, подлые сучки способны на все, лишь бы получить защиту, но... Но для нее прадед создал маленький кусочек Италии, потому что ведьма обожала эту страну. У всех девушек на фресках и картинах внутри было ее лицо. Прекрасные мадонны мягко и насмешливо улыбались, свысока глядя на тех, кому разрешалось войти.

Я не понимал прадеда. Не понимал этой его тяги к какой-то девке, которая уводила его из семьи. Да, там был хорошо спланированный брак по расчету, выгодный обеим сторонам, но чтобы вот так демонстрировать всем свою любовницу...

Странно, но все упоминания о ней его сын, мой дед, постарался стереть с лица земли. Вот только ратушу почему-то пощадил. Наверное, боялся недовольства местного населения. Безымянная ведьма основала здесь же детдом для сирот – видимо, хотела подобной благотворительностью прикрыть свою шлюшь натуру и казаться всем чистенькой.

Понятия не имею о причинах ее поступка, но детдом функционировал до сих пор. Правда, по документам, которые я начал разбирать, уже давно медленно загибался. Неудивительно. Здесь все приходило в упадок.

Я притормозил перед небольшой площадью. В наступающих сумерках контур башни четко вырисовывался на темно-сером фоне неба. Золоченные стрелки часов равнодушно отмечали время на темно-синем циферблате, украшенном звездами, солнцем с волнистыми лучами и улыбающейся луной. Стрелки сдвинулись, отмечая новый час, и человек на самой вершине ударил в колокол.

Я вздрогнул. Как будто перенесся в средневековье. Кровь забурилась, и шерсть на загривке стала дыбом. Я ощущал себя затравленным зверем. Еще немного, и гонящиеся за мной псы, покажут свои оскаленные пасти.

Что-то происходило... Надвигалось. Готовилось. Я чувствовал это. Звериным чутьем. Но никак не мог понять, откуда исходит эта невидимая опасность.

Заглушив мотор, я отодвинул соседнее сидение и вытащил кобуру с двумя пистолетами. Быстро надев, накинул сверху пиджак и вышел из машины. Мне не нужно было оружие, чтобы разобраться с врагом. Но еще с детства я прекрасно усвоил, что труп с пулевыми отверстиями вызывает гораздо меньше вопросов, чем обезображенное когтями, изрезанное в лоскуты, тело. Если его, конечно же, найдут.

Не знаю почему, но я ожидал подставы даже здесь.

Я пересек вымощенную брусчаткой площадь, с удивлением понимая, что вокруг ни души. Вообще никого. Даже птиц нет. Неужели, все уходит спать по расписанию? Еще не так поздно, и по идее, здесь должно быть полно народа. Словно в издевательство, налетел почти ураганный порыв ветра. Запах дождя стал ближе. Где-то совсем рядом грохнул гром. Гроза близко.

Я обогнул двухэтажную постройку, решив зайти с черного хода. Сколько себя помню, здесь всегда служил смотритель – так его все называли. Георгий Иванович – сутулый морщинистый старикан, которому еще в моем детстве было лет девяносто.

Не знаю, каким образом он замумифицировался, но когда после моего громкого стука, распаивается дверь, и я снова вижу его беззубую улыбку, закрадываются подозрения о его связи с ведьмами.

– Господин Дагмар! – Он распаивает объятия, и мне приходится наклониться, чтобы его обнять.

В нос тут же забиваются запахи вина, яблок и чего-то еще... В горле зарождается рычание. Чужой запах. Старика до меня кто-то обнимал. Несколько часов назад. Утром. Кто-то, кто пахнет цветочными духами и терпкой сладостью. Молодая женщина. Сладкая, как сливочная карамель.

Я заставляю себя отстраниться. Это уже совсем заскок.

Беззубая улыбка становится еще шире, и Георгий Иванович отступает в сторону, пропуская меня внутрь:

– Несколько дней в Логовце, а пришел только сейчас... Совсем ты обо мне забыл.

Я улыбнулся:

– Прости, что без подарка. Исправлюсь.

Старик махнул рукой:

– Вы, молодежь, не понимаете, что подарок для нас – ваше внимание.

Я разулся и прошел за Георгием Ивановичем в крошечную кухню. Здесь было так тесно, что я почувствовал себя в клетке. Радостные цветастые шторы слабо вязались со вздувшейся на стенах извеской. Кое-где даже был виден крошащийся красный кирпич.

Я подозревал, что дела идут хреново, но не настолько. И не в городе, который отец обожал чуть ли не больше, чем нас с Грегором.

– Красивые, да?

Я вопросительно посмотрел на Георгия Ивановича. Он жевал губы и рассматривал шторы.

– Маринка повесила. Сказала, что у меня тут почти как в склепе.

Я не помнил никакой Маринки. Да и как-то все равно было, кто пытается подмазаться к зрителю. Может, какая-то ушлая девица надеется на стариковское наследство.

Я отвернулся от занавесок и тут же вспомнил женский запах. Сладкий, нежный, неуловимо притягательный. Но такой слабый... Почему-то он взбудоражил настолько, что я и сам не понял, как усиленно принохиваюсь, стараясь различить его среди сотни других.

– Внучка?

– Да какая внучка?! – Георгий Иванович накрывал на стол, пока я рассматривал фотографии, которыми он увешал голую стену.

Странно, раньше их здесь не было. Все в красивых серебристо-стальных рамках, на белом фоне. Черно-белые и парочка цветных.

– Воспиталка она, в детдоме нашем. Недавно тут. Издалека переехала. Вот пытается обустроить мою берлогу. Обещала и стены побелить. А пока вот так...

Я рассматривал фотографии. В основном, виды города. Ратуша, старая крепость, затерявшаяся в лесу. Были даже мы с Грегором – стояли по обе стороны от зрителя и почему-то хмурились. На одной из фотографий Георгия Ивановича обнимала какая-то дородная тетка с черным пучком на голове. Фото было цветным и казалось сделанным недавно. Я ощутил странный укол разочарования. Сам не знаю почему.

– Это она?

Зритель мельком взглянул на снимок:

– Маринка, что ли? Нет, упаси Боже! Это директриса наша. Маринка молодая. Фотографироваться не любит. Стесняется.

Я был почти уверен, что аромат сладкой карамели принадлежит этой самой «Маринке». На душе вдруг отлегло, когда оказалось, что на фото не она. Какого хрена меня это так сильно волнует?! Из-за того, что она пахла как-то по-особенному? Да ни черта особенного. Обычный запах. Духи и карамель. Только на языке почему-то стало сладко.

– Давай за стол! Сто лет тебя уже не видел! Расскажи хоть, как там мир?

Я опустился на шатающийся стул и пожал плечами:

– Нормально все. Ничего нового. Лучше ты мне расскажи, как тут дела обстоят? Все настолько хреново, что никто не может замазать стены?

Георгий Иванович вздохнул и, отведя взгляд, принялся наполнять рюмки своей ореховой наливкой:

– Выпьем? За встречу.

– Я за рулем.

– Разве ж тебе это когда-то мешало? Переночуешь у меня!

Идиотская мысль, что если задержусь, смогу узнать, кому принадлежит этот чертов аромат, заставила потянуться к рюмке. Сам для себя придумываю оправдания... Какого дьявола происходит в моей голове? Только что осуждал прадеда, поехавшего из-за хитрой твари, а самому мозги свернуло от аромата какой-то девки, которую я даже не видел. Я залпом осушил рюмку. Наливка мягко обожгла горло, разлилась внутри теплом и горьковатой сладостью.

– У-у-ух, хор-р-рошо... Семь лет держал! Не открывал, пока ты не приедешь. – Смотритель снова улыбнулся и набросился на еду. – Ты ешь-ешь! Закусывай! Хотя, ты-то покрепче меня будешь.

– Георгий Иванович, не тяни. Что тут творится?

– А тебе что ж, никто ничо не докладывает? У вас же с этим строго.

– Мне из тебя под пытками вытягивать?

Старик бросил на меня тяжелый взгляд:

– Ты уезжай отсюда, пока можешь.

Я даже хмыкнул:

– Я только приехал.

– Вот сразу и уезжай.

– Георгий Иванович...

Он нетерпеливо перебил меня:

– Да что? Что?! Тут плохое творится, Дагмар. Плохое! Всех ваших косит. Одного за другим. Ты молодой еще. Здоровый. Крепкий. Оставь этот пропащий город и уезжай. Девушку найди, детишек нарожайте. Живи. А отсюда подальше убирайся! Как можешь далеко.

Что за..? Херня какая-то.

– А теперь давай с самого начала и со всеми подробностями.

Смотритель хмуро на меня зыркнул:

– Вот ты упертый... Говорят тебе: тикай отсюда!

– Георгий Иванович, ты ж понимаешь, что этот... – Я вовремя прикусил язык, вспоминая, что дед не любит, когда я матерюсь. – ...город теперь мой.

– Твой отец пытался вытащить Логовец из болота. А братец твой... тьфу! Царство ему небесное. Не будем плохо. Помянем! – Он снова наполнил рюмки и тут же положил мне в тарелку пару едва теплых котлет. – Ешь давай.

Мы, молча, выпили. Горькая терпкость обожгла язык.

– О покойниках либо хорошо, либо никак, но Грегор... не туда он полез.

– Во что умудрился вляпаться?

– Да не знаю я. Но поговаривают, что Орден вернулся. Тут больше небезопасно. Недели не проходит, чтобы без убийств.

Я напрягся, ощутив то же самое, что и по дороге сюда. Предчувствие беды.

– Какие еще убийства?

– Ты ничего не слышал?

– Мне даже не доложили об этом. – Я чувствовал, как увязаю в трясине все глубже и сильнее. А в голове уже формировался список всех, кому следует выпустить кишки. Причем, показательно.

– Я тебе расскажу все, что слышал. Но это только слухи. Слово здесь, слово там... Грегор во что-то влез. Во что-то серьезное. Я слышал, что у Ордена новый глава. И он всерьез взялся за ведьм.

Я потер переносицу. Все это звучало дерьмово.

– Откуда информация?

Смотритель как-то странно на меня посмотрел, а потом выдал:

– От твоего отца.

Обычно, я соображал быстро. Но не сейчас. Даже подумал, что ослышался:

– Что?

Георгий Иванович тяжело вздохнул:

– Последний раз, когда он здесь был... За день до своей смерти. Он заставил меня поклясться, что я уговорю тебя уехать. Сказал, что не смог справиться с заразой, а значит, и никто не сможет... Кроме тебя. Но ты молод, и имеешь право на нормальную жизнь. Ты не

обязан разбираться с тем, что здесь творится. Он считал, что должен был оставить тебе другое наследство.

Единственное, что я испытывал, слушая зрителя, – желание расхохотаться. Отец мог такое сказать... если бы был под градусом, не в себе и его бы много часов подряд пытали. И то вряд ли.

Я хмыкнул:

– Я почти рыдаю. Все это ужасно трогательно. А теперь к делу.

– Вот зря ты так. Он тебя любил. По-своему, но любил.

Я кивнул, даже не скрывая иронию:

– Очень сильно по-своему. – В любом случае я был благодарен ему за то, каким стал. Помогло ли мне его «воспитание»? Однозначно. Воспитывал бы я своих детей так же? Никогда. – Я хочу знать все, Георгий Иванович. Что ему удалось выяснить? И что удалось выяснить тебе?

– Не отступишься, значит?

Иногда мне казалось, что зрителю лет триста. Он говорил так, как могли говорить пару веков назад. Раньше я не сильно задумывался над тем, кто он среди мне подобных? Просто человек, посвященный в тайны сильнейших? Или... или было что-то, чего я не знал? Чего не знал никто. Но определенно точно понятие «просто человек» ему не подходило.

– Я приехал сюда, оставив все дела. Все свои территории. Не для того, чтобы посмотреть, как тут творится хуйня, и уехать обратно.

– Следи за языком! – Зритель бросил на меня гневный взгляд, но когда я в упор прямо посмотрел на него, тут же отвел глаза.

Я видел, что он скрывает что-то важное. Много всего важного. И вряд ли это мне понравится. Но, черт возьми, я вытрясу из старика правду.

– Я жду.

– Ты бы о себе подумал. О семье своей...

Это уже начинало раздражать. Я зло рявкнул:

– Нет у меня семьи!

– Ну так и займись этим! Вон бугай какой! Неужели, без девки нравится жить? Я вашу породу хорошо знаю. Вы ж ненасытные. Вам баба нужна. Да так, чтоб на всю жизнь. И детишки. На пацанве помешаны. Только сыновей вам подавай.

– Георгий Иванович, кончай треп. Я разберусь, как мне жить.

Мне показалось, что даже морщины на его лице стали глубже. Неожиданно он поднялся, открыл кухонный ящик и достал жестяную банку. Сняв крышку, вытащил пухлый желтый конверт и бросил на стол передо мной.

– Просил передать тебе. Если не отступишься.

Я осторожно взял конверт. Обычный, почтовый. Для открыток и всякой мелкой хрени. Кривым почерком отца посередине было написано только одно слово: «Дагмару».

Я повертел конверт в руках, ухмыльнувшись, когда с другой стороны увидел темно-серый отпечаток вставшего на задние лапы медведя, держащего в руках секиру. Наш знак. Эмблема. Герб.

Я отложил конверт, хотя кончики пальцев зудели от желания скорее открыть его, и снова посмотрел на зрителя:

– Что известно ТЕБЕ?

Георгий Иванович вздохнул:

– Мало. В основном то, что я тебе уже сказал. Давно уже ходили слухи, что Орден возрождается. Над ним встал кто-то сильный. Вроде как, они хотят обосноваться именно здесь. Там, где начинали.

Все это было плохо. Очень плохо. Если Орден снова набирает силу, то ничем хорошим это не закончится. Столько лет мы боролись с этой заразой. Вытравливали крыс из своих нор, преследовали. Зачищали все. И членов Ордена и их семьи. Всех! Чтобы сейчас все закрутилось по новой? Пара десяткой лет спокойной жизни, и опять... Почему именно Логовец? Нет, не из-за того, что здесь Орден был заложен. Тут есть что-то важное для них. Настолько важное, что они наплевали на предосторожности и сунулись в город, охраняемый берсеркерами. Хотя «охраняемый» – слишком громко сказано, судя по тому, что я здесь увидел.

– А Грегор? Как он на них вышел?

– Кажется, твой отец считал, что это они на него вышли.

– Отец знал, что Грегор имеет какие-то дела с Орденом? – Это уже не вязалось ни с чем.

– Он сказал мне об этом в нашу последнюю встречу. Подозревал, что Грегор решил... сотрудничать с Орденом.

Я устало потер глаза, предчувствуя сотни бессонных ночей.

– Что еще?

– До твоего приезда... три пропавших без вести девушки и одна убитая ведьма.

Я попытался вспомнить, видел ли это в отчетах. Большинство из них я просмотрел бегло, но ни о чем подобном там не упоминалось. Это совершенно точно.

– Это как-то афишировалось?

– Нет.

Тем более, информация должна была быть.

– Девушки были ведьмами?

– Насколько я знаю, не принадлежали ни к одному ковену. Нужно напрямую выходить к ведьмам. Но они уже давно никому тут не доверяют.

– А убитая ведьма?

Смотритель резко выдохнул и осушил очередную рюмку:

– Тут все непросто.

– Я потому и приехал. Чтобы разобраться во всем, что «непросто» и навести порядок в этом сраче.

– Ладно, слушай. Если уж ты решил влезть во все это, то хоть должен понимать, чего ждать.

Я откинулся на спинку стула, осознавая, что ничего хорошего не услышу.

Георгий Иванович снова поднялся и подошел к стене, увешанной фотографиями. Сняв одну из рамок, он подал мне и постучал пальцем по стеклу.

– Она приехала двадцать три года назад. Помню, как сейчас: коричневый чемодан, тонкое пальтишко и кроха на руках. Красавица. Я таких с роду не видывал. Настоящая аристократка. Устроилась медсестрой в наш детдом. Не знаю, как там все это у вас происходит, но у меня от нее мозги закоротило. Я придумывал разные предлоги, чтобы зайти к ней. – Старик хохотнул: – Никто из детей столько не болел, сколько «болел» я. Думаю, она все видела и все понимала. Но терпела меня.

Я посмотрел на фотографию. На снимке легко узнавался лазарет детдома. Несколько раз в детстве я оказывался там, еще когда не мог справляться с ранами за пару минут. В центре стояла темноволосая женщина в медицинском халате. Справа, на койке, примостился еще не такой старый дед. Слева – три каких-то пацана.

– Я не сразу понял, кто она. Если бы не знал о вас и ведьмах, то и не догадался бы. В общем... много разного происходило, и сейчас это уже не важно... Она сразу сказала мне, что ничего между нами не будет – только дружба. А я решил, что буду довольствоваться и этим. Надеялся, что со временем... Ладно, тебе это неинтересно. Так вот Светлана была очень сильной ведьмой. Оба ковена звали ее к себе, но она отказалась. Представь, какой мощью нужно обладать, чтобы не пойти под защиту ковена. А у нее еще и внучка на руках была.

– Внучка тоже ведьма?

– Да. Ей сейчас двадцать три. Тоже врачом хочет стать.

– Ты же понимаешь, что меня не это интересует?..

Я снова посмотрел на снимок. Кем там хотела стать внучка мертвой ведьмы, совершенно не важно. Эту информацию легко достать. А вот, что задумывала ведьма, появившаяся здесь откуда ни возьмись... Ведьмы всегда были хитрыми тварями. С некоторыми из них мы заключали... соглашения. Можно назвать наши сделки так. Защита берсеркеров в обмен на ведьминскую ворожбу. Иными словами, они делают то, что мы просим, а мы не даем из в обиду. Никому.

– Понимаю. Света умерла. В тот же день, что и Грегор.

О... «Веселое» совпадение.

– И ты уверен, что ей... «помогли»?

– Не знаю. Но она бы прожила еще лет тридцать, поверь мне.

– Ведьмы умирают, как и люди. Как и мы. – Я знал, что у старика есть своя теория, но почему-то он не хотел ею со мной делиться. Нужно было вытащить его соображения наружу. В конце концов, он знает тут все и всех.

Моя провокация сработала:

– Да, но не такие как Света. Дагмар... Если ты решишь взяться за это, то я буду просить только об одном: защити девочку. Она сейчас одна. И такая молоденькая. Обратиться не к кому. Для Светы она была всем. Я боюсь, как бы она не наломала дров. Возьми ее под защиту.

– Хочешь сказать, я должен прийти в гости к какой-то девчонке и объявить, что теперь она под моим покровительством? – Я усмехнулся.

Дело было не в том, что ведьмы сами приходили к нам и просили помощи, защиты. Я ВИДЕЛ, что зритель все еще что-то скрывает.

Сработало. Старик стукнул кулаком по столу:

– Помоги ей!

Я подался вперед:

– В чем?

Вот теперь он мне все выложит. Дед отвел взгляд и пожевал губы. Я слышал, как быстро бьется его сердце, как часто он дышит, подбирая слова. Чувствовал его волнение и страх.

– Светлана считала, что Орден придет за ней. Она всю жизнь ее от кого-то оберегала. Не так, как ведьмы боятся охотников и пыток. Она боялась кого-то конкретного. И сюда приехала в надежде на вашу защиту. Но до сих пор все было тихо. И даже смерть твоего отца не вызвала подозрений. Но Грегор... Кажется, Светлана что-то выяснила. Она была уверена, что Ордену нужна ее внучка.

Вот теперь все складывалось во что-то более-менее внятное. Конечно, пока что вся эта охота за призраками выглядела нелепой, но сейчас я хотя бы знал, с чего начинать.

Я тяжело посмотрел на зрителя:

– Сразу почему не сказал?

– Я обещал твоему отцу, что постараюсь отговорить тебя. Он чувствовал свою вину в том, что у тебя не было нормальной жизни.

Либо наливка была слишком крепкой, и меня развезло от двух жалких рюмок, либо старик реально считал, что знает моего папашу.

Я громко засмеялся:

– Он развел тебя, как пацана. Мой отец никогда ни перед кем не чувствовал своей вины. И все, что он тебе тут заливал, он говорил с одной целью – чтобы ты мог заинтересовать меня, и я уж точно бы не сорвался с крючка.

– Ты не прав, Дагмар. Он хотел тебя защитить.

Смех ушел, оставляя только горечь на языке и усталость, копившуюся всю мою жизнь.

– Нет. Если бы хотел, не оставил бы это. – Я указал на конверт. – Ладно, мне нужна информация по этой ведьме. Адрес, телефон – все, что у тебя есть.

Я поднялся из-за стола.

– Сейчас-сейчас, я запишу тебе... – Георгий Иванович начал ковыряться в шкафчиках.

– Диктуй так. – Уж пару цифр и адрес, я мог запомнить.

Дед продиктовал, назвав район на окраине. Не самый благополучный. Даже наоборот. Старые разрушающиеся дома, мрачные закоулки. Постоянная сырость. Странный выбор. Ведьмы брали за свои услуги не малые суммы и могли позволить себе жить с комфортом.

– Поедешь к ней? Только не пугай девочку.

Если в этой «девочке» есть хоть что-то от ведьмы, то хрен ее испугаешь. Эти твари всегда были наглыми и не прогибались ни перед кем, даже если от этого зависела их жизнь.

– Не такой уж я и страшный.

– Ты знаешь, о чем я. Она теперь сирота. И похоже, что в большой опасности.

Конверт жег руку. Мне уже хотелось скорее узнать, что такого нарыл отец, если захотел «уберечь» меня. Звучало нелепо, если учесть, что он держал меня при себе вместо палача и не воспитывал, а дрессировал.

– Ладно. Посмотрим, что там за ведьма. – Я пожал смотрителю руку. – Провожать не надо. Думаю, что на днях еще загляну. Хочу сам посмотреть, как обстоят дела в детдоме.

– Приходи-приходи. Грегор урезал финансирование. Уж сколько мы его с директрисой просили. Он нас даже принимать не хотел. Один только раз удалось с мамашкой твоей встретиться. Так она сказала, знаешь что? Если о них родители свои не позаботились, то почему чужие люди должны? Совсем тут туго стало. Детишек мало, но и те живут впроголодь. Почти все уволились. Никто не хочет идти и за копейки торчать тут целыми днями. Учителя у нас тут и за воспитателей, и за нянечек, и за этих... скоморохов... Аниматоров, прости Господи!

Не то чтобы дела детдома меня когда-то волновали. Это было что-то вроде обязательной благотворительности. А заодно, и вывод кое-каких сумм под благовидным предлогом. В любом случае, мы делали это ВСЕГДА. В каждом городе, которым владели. Я бы не удивился, если бы нечто подобное сказал Грегор. Но мать... Я едва не расхохотался над собственной наивностью. Если она так относилась к родному сыну, то чужих будет ненавидеть и подавно. Двухличная дрянь. Неудивительно, что ей так понравилась Диана – готовит себе преемницу.

– Я решу эту проблему.

Георгий Иванович пожевал губы, шмыгнул носом и вдруг обнял меня.

Меня снова обдало волной почти фантастического аромата. Приторно-цветочная сладость и карамель. Как будто взбитые сливки... Никогда их не любил, но сейчас... Почему-то единственно важным стала только одна цель в моей жизни: найти обладательницу этих ароматов.

Я отодвинулся от старика и, бросив на прощание какую-то фразу, выскочил наружу. Уже вовсю лил дождь, в воздухе пахло сыростью и пылью. Я вдохнул полной грудью. Так, чтобы прочистить мозги. Нет, кем бы она ни была, ни черта я не должен ее искать.

Такие, как я ориентировались по запахам. Мы могли ничего не видеть и не слышать, и запах вел бы нас. Потому что все, абсолютно все, обладает своим ароматом. Некоторые запахи сводят нас с ума. Они могут быть неприятными настолько, что кости корежатся. А могут... А могут вытаскивать наружу все нутро. Именно это и происходило со мной сейчас. Как наркота. Один раз попробовал – еще возможно соскочить. На второй ты уже начинаешь привыкать. Третий – ты нуждаешься в этом и только в этом. На второй план отходят друзья и близкие, становится неважным, что ты превращаешься в животное. Лишь бы получить новую дозу.

С этим чертовым сочетанием цветов, сладости и карамели я чувствовал, что подхожу к грани. Один вдох отделял от сумасшествия. Я хотел позволить зверю взять верх и отправиться

выслеживать свою сладкую добычу, чтобы найти ее и испробовать. Попировать на ее теле и узнать, такое ли оно сладкое, как и аромат, который исходит.

Я заставил себя шагнуть под дождь, едва сдерживая рычание. Холодный поток немного смывал морок, прогонял чертов дурман в голове. Я даже забыл, что сжимаю руках конверт. Быстро сунув его во внутренний карман, я неторопливо пошел к машине, давая время мозгу очиститься.

Никто не превратит меня в животное. В того дикого безумного зверя. Ни одна девка не заставит утратить разум, как бы охуенно она ни пахла.

Да, я любил быть зверем. Мне это нравилось, и другой жизни я не хотел. Но один-единственный аромат мог похерить все, что я создавал на протяжении всей жизни. Это было чертово проклятье. Уязвимость в обмен на нечеловеческую мощь. Каждому берсеркеру была предназначена самка. Та, которая могла продолжить его род. Которая подходила ему идеально. Она была выкроена под него. Четко. Такая, что задевала внутри все.

От нее сносило крышу. Рвало ее. И так зверь, берсеркер становился просто диким одержимым монстром. Монстром, которому нужно было совокупляться со своей самкой, помечать ее своей спермой, чтобы никто и никогда не вздумал даже близко к ней подходить. И зародить в ней ребенка. Наследник силы. Только о ее защите и благополучии беспокоился зверь. О ее удовольствии. Вот почему все мы до единого, как сумасшедшие, копили богатства. Влияние. Деньги. Чтобы тратить их на НЕЕ. Баловать. Радовать. Это заложено в нас с рождения. Тяга к власти. Потому что женщина выбирает сильнейшего. Предназначенная берсеркеру женщина должна выбрать только его.

Я сел в машину. Мне это на хуй не нужно. Я видел, что творилось с отцом, неспособным завоевать мать. Я видел, как она относилась ко мне, потому что я был зачат в насилии. От того, кого она всю жизнь ненавидела, но кто не мог отпустить ее.

Я бы тоже не смог отпустить. Меня корежит только от запаха, учуянного на другом человеке. Что будет, когда я увижу ее? Когда смогу почуять запах кожи вживую?! Мне сорвет планку? Я утрачу разум, забыв кем являюсь и где нахожусь, и утащу ее в свою берлогу, чтобы..?

Об этом «чтобы» думать нельзя. Потому что мне уже становится настолько жарко, что одежда высыхает от тепла тела. Кожа зудит, и я готов содрать ее собственными когтями, чтобы выпустить наружу настоящего зверя и пойти по следу.

Нет. Этого не будет. Никогда. Я задавлю эту чертову потребность охотиться и выслеживать, преследовать самку. От проклятой карамели сводит зубы. Я бы сожрал эту девку, увидь сейчас. Хочется, чтобы вокруг пахло сладкими цветами. Гребаные духи или хер знает чем она себя полила. Но я чувствую только их, а не десятки запахов собственного салона.

В первый же раз мне удалось как-то успокоиться. Должно получиться и сейчас. Нужно попытаться. Мозг тут же напоминает о конверте, и я быстро достаю его. Пальцы реально дрожат, как у наркомана в ломке, и это самое херовое, что со мной когда-либо происходило. Даже затея с Дианой отходит на второй план.

Я отрываю край, не понимая, почему до сих пор не завел мотор и не уехал. Хотя нет, конечно, понимаю. Потому что по-идиотски надеюсь задержаться здесь. В надежде... В надежде, что она сама придет ко мне. Появится, выйдя на меня из дождя. Подойдет. Проведет пальцем по запотевшему от моего дыхания и жара стеклу и выведет тонким пальцем «Я твоя». Эта фантазия настолько четко обрисовалась в голове, что меня аж повело.

Тяжело дыша, я вытряхнул на соседнее сидение содержимое конверта. Еще один конверт с письмом. Сложенный несколько раз файл с какими-то документами и серебристо-черная флэшка с гравировкой в виде медведя. Такие были в ходу у нас. Если необходимо передать какую-то важную информацию и нельзя делать это через интернет. Наш защищенный канал.

Что на ней я посмотрю позже, а вот письмо...

Я надорвал край и вытащил несколько листов плотной белой бумаги. Все они были исписаны отцовским почерком. С обеих сторон. Строчки шли вплотную друг к другу. Как будто отец боялся, что не хватит места. Письмо... В который уже раз захотелось рассмеяться. Я не представлял его, пишущим что-то. Поставить подпись на контракте – да. Но сидеть и писать... Я даже никогда не видел, чтобы он занимался чем-то подобным. Выходит, я не так уж и хорошо его знал?

Дождь оглушающе барабанил по крыше автомобиля, по стеклам. Зачем-то я включил дворники. Потом опустил стекло, чтобы внутрь проник свежий воздух и выветрил дурман, который висел в голове.

Света от приборной панели вполне хватало, чтобы я мог рассмотреть буквы, которые первые пару секунд даже не желали складываться в слова.

Снова это странное, почти инстинктивное предчувствие беды. Ничего хорошего в письме не будет написано. Коснется это лично меня или города, понятия не имею, но и прощальных слов о том, какой мы могли быть замечательной семьей я не жду.

Ветер неумолимо швырял капли дождя внутрь салона. Брюки и пиджак снова намокли, а я все сидел и чего-то ждал.

Пришлось заставить себя развернуть листы и начать читать.

«Дагмар... Я не знаю ни дня, ни месяца, когда ты прочитаешь это письмо. Знаю только, что в этот момент я буду уже мертв. Понятия не имею, как долго. Могу лишь надеяться, что хоть кто-то из нашей семьи скорбел обо мне. И что-то мне подсказывает, что это был ты. Наверное, начать следовало не такими пафосными словами. И совсем не с того. Но ты единственный, с кем я всегда мог быть откровенным. Возможно, ты не догадывался, но в тебе была моя отдушина. Рядом с тобой, сын, я не боялся, что мне всадят нож в спину. Я знал: ты всегда встанешь на мою защиту. Мы сражались бок о бок, ты был моим единственным союзником, моим Сыном. Да, вот так – с большой буквы.

Мне бы хотелось быть для тебя лучшим отцом, чем я был. Мне бы хотелось быть достойным такого сына отцом. Но я не смог. Не справился. В этом только моя вина.

Я не прошу у тебя прощения за то, что совершил. Сейчас это делать уже поздно и глупо. И на твоём месте я бы никогда не прощал такого непутевого отца.

Наверное сейчас, читая, ты не веришь ни единому слову и задаёшься вопросом, почему я вдруг решил сказать тебе все это. Причем вот так – в письме. Мне бы хотелось, чтобы ты знал, что всегда был важен для меня. И будешь важен. Даже после того, как я умру.

Я знаю, что запоздал с извинениями, и понимаю, что не имею никакого права на твоё прощение. Поэтому, давай закончим на моих признаниях и поговорим о том, что грядет.

А грядут большие перемены, сынок...»

ГЛАВА 3. ОБРЯД НА КРОВИ

Это был ужасный день. Бесконечный и ужасный. Марина без сил привалилась к стене и нажала на кнопку звонка. Уходя, она оставила Лиле ключи от квартиры и написала записку с просьбой закрыть дверь, когда она проснется. Сначала она хотела разбудить горе-ведьму, просто из вредности.

Но Лиля чем-то напоминала маленького ребенка, уснувшего под боком у мамы. Увидела страшный сон и прибежала к матери в поисках защиты.

Марина не знала почему и откуда, но у нее вдруг возникло странное ощущение... Как будто она должна была защитить Лилю. Ничего она никому не должна! Она собиралась жить полной жизнью. Пробовать все, чего не пробовала. Выдрать у жизни каждую мелочь, которую у нее отобрали родители.

Вот только начать самостоятельную жизнь, без почти тюремного надзора родителей, оказалось не так легко. И все приключения, о которых она так отчаянно мечтала, остались болезненной пульсирующей раной на щеке.

От боли голова гудела, а в висках, не переставая, что-то стучало. За весь день она выпила столько болеутоляющих, что теперь чувствовала себя бредущим в тумане зомби.

– Марин... я уже открыла...

Марина несколько раз тяжело моргнула, осознавая, что так и стоит у стены, бездумно вдавливая кнопку звонка. Лиля смотрела на нее с каким-то странным выражением на лице. Словно боялась.

– Ну, как ты? – Лилия взглянула на ее щеку и хмурилась.

– Ужасно. Полдня дети старались от меня спрятаться и вели себя, как ангелы. Вторую половину пытались вылечить, играя в докторов.

– Прости меня... Я... Зайди, пожалуйста. – Лилия отступила, но Марина не сдвинулась с места.

– Дай мне, пожалуйста, ключи. У меня не осталось сил даже просто стоять.

Лилия вдруг насупилась:

– Не дам. Я очень прошу тебя зайти. Умоляю.

В Марине снова взметнулся ураган ярости, который требовал разрушить все на своем пути. Она шагнула в тесную прихожую и швырнула сумку на пол.

– Ну? Я вошла.

Лилия ласково взяла ее за руку и потащила за собой, в сторону кухни, по которой плыли дурманящие разум ароматы. Марина с трудом сбросила с ног обувь и побрела за Лилей.

Она уже была в гостях у Лили, но ни разу до сегодняшнего дня не видела ничего подобного. Весь стол был заставлен всевозможными пузырьками и флаконами с разноцветными жидкостями внутри. Пухлая колода потрепанных карт опасно ютилась на краешке стола. Приторный запах исходил от странного вида свечей. Квадратные, круглые, разных цветов и с вкраплениями цветочных лепестков и травинки. В круглой деревянной плошке лежал небрежно брошенный пучок трав, а в ступке, на самом дне, был размолот странного вида порошок.

Марина поежилась и позволила Лиле усадить ее на стул.

– Нам нужно очень серьезно поговорить. Но сначала я хочу осмотреть твою рану.

Марина не совсем понимала, что происходит. Она ощущала себя... бездумно бредущей в тумане. Как на кладбище, но без ощущения страха. Наоборот, ее накрыло мягкое долгожданное спокойствие.

Хотелось просто закрыть глаза, расслабиться и позволить сладко-пахнущему туману увлечь ее в свои объятия.

Но внутренний голос вдруг тревожно зашептал: «Просыпайся... Не позволяй себя усыпить. Ты же сильная. Сопrotивляйся!»

Марина распахнула глаза, даже не подозревая, что начала засыпать. Зрение подернулось сиреновой дымкой, по лицу Лили блуждали устрашающие тени, и впрямь делая ее похожей на жуткую ведьму. Огненные блики скакали по рыжим волосам, и снова казалось, что ее голова объята бушующим пламенем.

Лилия нахмурилась:

– Выглядит неважно. Кажется, рана воспалилась. Почему ты не хочешь пойти к врачу?

Марина пожала плечами. Она чувствовала себя так спокойно, что все ее тайны казались совсем неважными и не было ничего страшного, если она расскажет одну из них Лиле.

– Потому что не люблю их. И больницы тоже не люблю.

– Но доктор же просто осмотрит. Мне кажется, тут швы нужно наложить. А что если кожа срастется плохо, и останется некрасивый рубец? Я уж не говорю о заражении.

Как приятно пахнет... Марина снова прикрыла глаза. В памяти всплыли воспоминания десятилетней давности.

– Мне все равно... Рубец, заражение... В больницу я не пойду.

– Но почему?!

Кажется, Лиля сердилась. Из-за чего? С ее-то лицом все нормально. А за свое Марина уже давно не переживала. Мама столько раз твердила, что она некрасивая. А рядом не было никого, кто опроверг бы ее слова. Не было никого, для кого она хотела бы стать красивой.

– Когда мне было шестнадцать лет... я познакомилась с мальчиком. Он был на год старше меня. Вообще, у меня никогда не было друзей. Одноклассники не горели желанием общаться со странной девчонкой, похожей на пугало. Я носила старые Наташины вещи, а мама всегда меня стригла так, что я была похожа на мальчишку. Говорила, что длинные волосы мне ни к чему. Я же не шлюха какая-то. Так вот этот парень, Андрей... он переехал в квартиру напротив. С родителями, конечно. Мы начали общаться. Тайно от моих родителей. Кажется, я ему нравилась. По-настоящему. А может и нет, я не знаю. Но он всегда был таким милым, держал меня за руку, когда никто не видел. Улыбался. Однажды он поцеловал меня. А мои родители нас застукали. Отец пришел в ярость, мама надавала пощечин. Они повезли меня к гинекологу. Сказали, что должны все проверить, а то вдруг я уже успела нахвататься неизвестно чего. С тех пор начался настоящий ад. Каждый месяц они таскали меня туда. А потом еще и к другому врачу. Боялись, что первый обманет. Даже доктора смотрели на меня с жалостью... – Марина несколько раз моргнула, с удивлением понимая, что плачет. Слезы просто без остановок текут по щекам. Нет ни рыданий, ни боли в ране – только непрерывный поток соленой влаги. – Так что... никаких больниц. Я свое уже отходила.

Она стерла ладонью злые слезы и шмыгнула носом, вдыхая сладкий дым. Настолько приторно, что даже в горле запершило. Закралось странное подозрение...

– Лиля, а что в этих свечах?

Лиля отвела взгляд и закусила губу. Она возилась с бинтом, смачивая его жидкостью из круглого пухлого пузырька.

– Они... успокаивают.

– Хочешь сказать, в них какая-то гадость, из-за которой я плохо соображаю?

– Марин, ну прости меня! Но с тобой иначе никак. Ты такая упрямая.

Марина отодвинулась от Лили и заставила себя встать. Она принялась задувать свечи, чувствуя себя пьяной и неуклюжей.

– Я глупая! Поперлась с тобой на это дурацкое кладбище...

– Марина! – Лиля топнула ногой и потянула ее за руку, заставляя снова сесть. – Послушай меня... Во-первых, перестань дергаться, пока я пытаюсь хоть как-то исправить то, что натворила!

Марина послушно откинулась на спинку стула и снова прикрыла глаза. Дымка от свечей все еще висела в воздухе, но дышалось теперь намного легче.

Она так устала... От всего. Еще и мать с отцом сегодня опять обрывали телефон. Они поняли, что она сбежала, и угрожали написать заявление в полицию. Использовали ее же вранье против нее самой. Когда Марина заявила, что уже давно совершеннолетняя, и они никак не могут повлиять на нее, разразилась настоящая буря. Мама вопила в трубку, что объявит ее сумасшедшей, не способной позаботиться о себе. Отец что-то поддакивал про знакомых в полиции, которые быстро ее найдут.

Марина заставила себя прикусить язык. Если есть такие зшнакомые, то что ж ее до сих пор не нашли? Поусть уж лучше думают, что напугали ете. Мама снова кричала, что воспитывала ее как приличную девушку, а она выросла такой вот неблагодарной шлюхой и обманщицей. Отец крихтел, что она неблагодарная тварь, и он всегда знал, что однажды она сорвется и натворит дел. Вполне возможно, что она уже стала наркоманкой и спит со своим дилером за дозу.

Под конец этих тирад Марина готова была расхохотаться. Оказывается, у родителей бурная фантазия. А она-то себя считала выдумщицей и фантазеркой. В конце концов, она сбро-

сила разговор, даже не попрощавшись, и отправила родителей в черный список. Пусть звонят, сколько хотят. Она больше не хочет их слышать.

Она все-таки расхохоталась. Безумным истерическим смехом. Пришлось долго умываться холодной водой, чтобы успокоиться после всего этого бреда.

Ее по-настоящему трясло. Дурацкая рана казалась чем-то совсем уж незначительным по сравнению с угрозой возвращения домой. Почему-то она была уверена, что родители так просто не сдадутся. Лучше бы за Наташей так следили!

Марина до сих пор надеялась, что спряталась хорошо. Ей нравилось в Логовце и бежать в другой город не хотелось. Но что если придется?! У нее почти нет денег. Те копейки, которые платят в детдоме, полностью уходят на оплату съемной квартиры. Даже на еду остаются крохи. Устроиться на работу ужасно сложно. Никто не хочет брать «человека с улицы», даже если работников не хватает.

Но с детдомом ей повезло. Желающих работать там не было, а воспитателей не хватало. Марину взяли сразу. Вот только сейчас зарплату задерживали, многие начали увольняться. Поползли слухи о закрытии. Но Марина собиралась держаться до последнего. Если она лишится этой работы, то найти новую будет очень сложно. Ее по-прежнему не хотели никуда брать.

И еще этот дурацкий праздник... После звонка родителей совсем вылетел из головы. По традиции в честь каждого времени года в детдоме устраивали маленькое торжество для малышни. Сначала хотели пригласить артистов, но платить им было нечем. Директриса решила, что воспитатели сами смогут исполнить все роли. Марину, как новенькую, не трогали. Ей поручили заниматься оформлением. Но на этой неделе ушли сразу три воспитательницы, и праздник вообще оказался под угрозой срыва. Не хотелось огорчать детей, которые ждали хоть какой-то радости в жизни. Вот так она оказалась «счастливой обладательницей» роли Бабы Яги.

– Марин, ты меня слышишь?

Марина очнулась от размышлений. Лиля встревоженно смотрела на нее, нервно кусая губу.

– Прости, я... задумалась. Что ты говорила? – Она заставила себя сосредоточиться.

Лиля тяжело вздохнула:

– Я говорила, что утром вспомнила кое-что важное о ведьминых помощниках.

– Лиль, ты опять? – Марина осторожно прикоснулась к щеке, но почувствовала только ткань лейкопластыря.

– Я понимаю, что ты мне не веришь. Что считаешь странной и, возможно, чокнутой...

Марина перебила:

– Чокнутой я считаю только себя.

– Послушай, пожалуйста... Я представляю, как ужасно все это звучит. И если бы не варилась во всем этом с детства, тоже вряд ли поверила бы. Вчера я нарушила наш главный закон: никому не рассказывать о том, кто я на самом деле. И теперь ты, вроде как связана со мной... Я несу за тебя ответственность!

– Лиль, прости, но тебе самой нянька нужна! Которая будет отговаривать от идиотских идей, вроде прогулки по кладбищу! Все, спасибо, что помогла с раной. Но сейчас мне нужно домой. Еще учить этот дурацкий сценарий. – Марина твердо была намерена уйти.

Она начала подниматься, тяжело опираясь о стол и чувствуя себя дряхлой столетней бабкой, которая вот-вот рассыплется на части. Точно Баба Яга.

– Постой! – Лиля вцепилась в ее руку и потянулась к раскрытой книге, которую Марина сначала не заметила. – Вот! – Она потрясла перед Мариным лицом.

Помимо воли Марина посмотрела на книжку. На плотных желтых страницах было что-то написано мелким убористым почерком. Какие-то символы, выведенные красным, и полувыцветшие рисунки жабы и совы.

– Мне бабушка об этом рассказывала. Но сейчас это больше похоже на сказку. Даже для меня. Раньше, когда ведьмы были тесно связаны с природой, у них были помощники. Филины, вороны, коты и жабы. Помощники могли служить ведьмам даже после смерти – они обязаны были исполнить последнюю волю ведьмы. И очень часто они оставляли ведьмины знаки. На вещах, например... так они могли проклясть какой-нибудь предмет. Ну или... в общем, с разными целями. Так вот, я нашла твой шрам! – Лиля ткнула пальцем в красную каракулю, выведенную в самом низу страницы.

В неясном свете одинокой лампочки, окруженной абажуром, плотные страницы книги казались старыми, а по краям были словно рассыпаны оранжевые точки-веснушки. Марина прищурилась. Это брызги... брызги чего-то бурого. Ох, да ладно! Уже сама себе успела придумать кровавые пятна, измаравшие страницы.

Алая закорючка напоминала часовую и минутную стрелки – один кончик длинный, другой короткий, и оба смотрят в разные стороны.

Когда вчера смотрелась в зеркало, она не совсем запомнила, как выглядит шрам, но, кажется, было похоже. Так все, пора со всем этим заканчивать.

Она выгнула бровь, и даже это движение отозвалось болью в щеке:

– Ну и что все это значит?

Лиля смущенно улыбнулась и быстро затараторила:

– Не знаю. Видишь, рядом ничего не написано. Но я нашла этот знак на той табличке! Ну, которую ты вчера увидела на кладбище. Это язык мертвых ведьм!

Ха-ха! Марина почти не удивилась. Может, предложить Лиле писать книги? С ее-то фантазией!

– Язык мертвых ведьм? – Марина старалась скрыть усмешку. – Тех, которые блуждали в тумане?

– Именно! Я уже начала переводить. Правда, мне известны только три знака, но я придумаю, как узнать значение остальных.

Марина сложила руки на груди:

– Если для этого нужно опять идти на кладбище, то тут я тебе больше не помощник! – Она все-таки не сдержала ухмылку.

– Ты мне не веришь. – Лиля поджала губы, чем напомнила Марине старичка-смотрителя, работающего в детдоме. Георгий Иванович делал точно так же, когда был чем-то недоволен.

Марина не стала скрывать:

– Нет, не верю. Потому что все это – ерунда. Не бывает никаких ведьм, их помощников и тайных языков.

Лиля аж покраснела. Кажется она начала по-настоящему сердиться.

– А что если я тебе докажу?!

Марина хмыкнула и все-таки поднялась со стула:

– Вчера ты уже доказала мне. Что я идиотка, у которой плохо варят мозги, если поперлась на кладбище.

– Я по-другому докажу!

Марина и не заметила, что они уже стоят напротив друг дружки и орут во все горло, пытаясь отстоять каждая свою правоту.

– По-другому? Заколдуешь меня? Или сядешь на метлу и полетишь?

– Вот из-за таких как ты, на нас и охотились!

– На вас охотились из-за того, что одна соседка решила наядбедничать на другую, потому что у той корова давала больше молока! И вообще, мы в России живем! Никто тут ни за кем не охотился! Я историю учила!

– Охотились! Везде охотились! Этому на твоей истории не научат! Нас до сих пор преследуют! – У Лили из глаз выступили слезы, и Марина поняла, как глупо они выглядят. Стоят посреди кухни и орут друг на дружку.

– Так, знаешь что... каждая из нас останется при своем. Ты веришь, что ты ведьма. Я верю, что у тебя не все в порядке с головой. Прости за грубость, но я буду говорить прямо. – Марина сделала шаг назад и снова потрогала щеку. – Я очень хотела приключений. Думала, что как только сбегу от родителей, то сразу попробую все, чего они меня лишали. Но, наверное, я застряла где-то в возрасте двенадцати лет. Когда хочется стать взрослой, но безумно страшно остаться одной. Давай ты будешь... колдовать или чем ты там занимаешься. А я поищу приключения поспокойней.

Лиля вытерла покрасневший нос рукавом и несколько раз тихо всхлипнула:

– Я хочу доказать тебе, что не вру. Давай... давай ты последний раз мне поверишь? А я постараюсь тебя убедить.

– Лиль? Тебе вообще зачем все это?

– Ты нужна мне! Я с ума сойду, если буду держать все в себе, понимаешь? – Она прижала ладони к ушам и затрясла головой. – Мне нужно кому-то рассказать, поделиться, спросить совета... А ты мне даже не веришь...

Марина почему-то на цыпочках подошла к Лиле и осторожно обняла ее. Она была почти на полголовы ниже, но чувствовала себя каким-то огромным существом, которое может и должно дать свою защиту потерявшемуся во всей этой мешанине ребенку.

– Ну, тише-тише... Ты что? Не плачь... Ты сама подумай, какой я тебе совет дам? Я в своей-то жизни разобраться не могу.

– Когда ты увидишь, что я говорю правду... – Лиля устроила голову на плече Марины и так крепко обняла, что затрещали ребра. – Давай просто договоримся... по-поспорим... – Она снова всхлипнула, и Марина неловко погладила Лилу по голове. Она ни разу никого не утешала. Только детей в детдоме. Но с ними было намного легче, чем со взрослой рыдающей девушкой. – Я проведу о-обряд... И ты об-бязательно поверишь!

Марина закатила глаза. Ладно... И в самом деле, чего ей стоит? Ну поколдует Лиля чуть-чуть, пожжет свечи, попляшет с бубном.

– Ладно, давай свой обряд. Но взамен пойдешь со мной в салон. Я хочу ухо проколоть. В нескольких местах.

Лиля тут же отстранилась и закивала, счастливо улыбаясь.

– Завтра же пойдем! Садись скорее! Это сложный обряд. – Лиля начала переставлять все свои склянки, освобождая стол.

Марина с сомнением посмотрела на ступку с непонятным порошком и отодвинула ее от себя.

– Так может стоит начать с чего-нибудь полегче?

– У меня есть все ингредиенты. И сегодня первый день убывающей луны – она должна сократить расстояние между тобой и твоим мужчиной.

Марина поморщилась:

– Нет никакого «моего мужчины». Наколдуй мне лучше зарплату побольше.

– Есть. У всех есть пара. Просто не каждый может ее найти. – Лиля уже успокоилась и тараторила так бойко, словно не она пару секунд назад рыдала. – А ты сможешь. Я тебе помогу. – Лиля уселась за стол, и Марина устроилась напротив нее. – Ваши дороги пересекутся, и ты сможешь точно понять, что это он. Обряд подскажет, даст знак, по которому поймешь, что встреченный мужчина – тот самый. Нужно будет только не упустить его.

Марина скривилась. Да, когда-то она очень хотела встретить того самого единственного. Пресловутую любовь, будь она неладна. Но родители быстро развеяли миф о том, что хорошие девочки достойны великого, светлого и чистого чувства. Никто в нее не влюблялся. Обходили стороной. Наверное, не хотели связываться с девчонкой из чокнутой семейки. А может, она просто выглядела слишком убого в тех обносках, которые заставляли носить родители. Или же мать с отцом были правы, и она действительно некрасивая настолько, что...

Марина отогнала эти мысли подальше. Она сможет сделать свою жизнь лучше. Перед отъездом из дома ей удалось стащить отцовскую карточку. Пошла по стопам Наташи. Она подавила нервный смешок. Именно Наташин поступок и подтолкнул ее на это. Первым же делом Марина сняла все деньги и потратила их на белье и косметику. Теперь она красилась так ярко, как только могла. На работу, конечно, ходила без макияжа, но вот все остальное делала накрашившись. За двадцать шесть лет у нее не было возможности этому научиться. Поэтому она больше походила на проститутку-наркоманку. Но именно это ей и нравилось. Сам процесс, когда она рисовала толстые стрелки и наносила черные тени.

В такие моменты Марина всегда представляла лица родителей. Наверное, их хватил бы удар. И от этой мелочной мести, о которой они даже не узнают, ей становилось немножко легче. И она даже могла подавить обиду за то, что они лишили ее нормальной жизни. И скорее всего, семьи. Потому что... ну кому она нужна такая? Мало того, что некрасивая, так еще и чокнутая.

– Все, давай начинать...

Голос Лили понизился до таинственного шепота. С напряженным видом она зажгла три самых обычных свечи и поставила вокруг деревянной площадки, в которой прежде лежал пучок какой-то травы. Сейчас в ней было пусто.

Марина сдавленно хихикнула, но тут же приняла преувеличенно серьезный вид. Лили сердито взглянула на нее, и на секунду Марине даже стало стыдно.

Лили осторожно уложила на дно площадки окровавленный кусочек бинта. Тот, с которым Марина проходила весь день. Именно сейчас стало жутко. В открытую форточку залетел сквозняк, в воздухе разлился запах сырости. Показалось, что они снова на кладбище. В окно поцарапались скрипучие ветки, как будто пытались пробраться внутрь.

Лили тихо прошептала:

– Кровь притянет кровь...

По жестяному подоконнику застучали первые капли дождя.

Лили взяла те самые багровые цветочки, которые они собрали на кладбище. Стебли были отрезаны, и три алых цветка упали на марлю свежими каплями крови.

– Кровь нареченной Мариной и кровь незнакомца соединитесь, как соединяются мужчина и женщина...

Лили потянулась к небольшой стеклянной баночке, наполовину наполненной... ракушками. Она сунула банку Марине в руки и быстро прошептала:

– Выбери семью.

Марина послушно открыла крышку и потянулась к ракушкам. Сначала она хотела выбрать просто наугад. Любые. Но неожиданно остановила себя. Обряд, который сначала воспринимался ею как баловство и блажь, сейчас вдруг стал неожиданно важным. Что-то было во всей атмосфере. Как будто обычная тесная кухонька старой хрущевки превратилась в избушку самой настоящей колдуньи, которая и впрямь могла помочь отыскать Марине любовь.

Глупо, наверное, но она так и не смогла отделаться от привычки мечтать.

Высыпав перед собой ракушки, Марина начала тщательно выбирать. Здесь не было поломанных или грязных. Разноцветные, красивые – всех их кто-то очень тщательно отбирал.

Марина отложила семь самых необычных на ее взгляд, а остальные сыпала обратно в банку.

Лили удовлетворенно кивнула и подала ей еще одну ступку:

– Растолки их в порошок.

Марина аккуратно сложила ракушки на дно ступки. Она не ожидала, что придется их уничтожать. Не хотелось превращать в порошок пусть и не самые красивые, но уж точно самые необыкновенные ракушки. Она с сомнением посмотрела на Лилию, но та лишь выгнула брови, ожидая, когда Марина все сделает.

Пришлось взяться за пестик и начать. Раковинки тихо трещали, и через пару минут уже превратились в разноцветный сверкающий порошок.

– Готово.

Лиля забрала у нее ступку и высыпала истолченные ракушки в плошку:

– Как истолчены эти ракушки, так пусть все препятствия между двумя предназначенными обратятся в пыль.

От резкого порыва ветра задребезжали стекла. Марина вздрогнула, помимо воли начиная верить в способности Лили. Да нет, это же просто совпадение. И жуткий туман на кладбище – всего лишь каприз погоды.

Никакой магии не существует.

Лиля взяла пучок сухих веток и протянула Марине:

– Подожги от каждой свечи.

Марина с сомнением взяла душистую связку.

– А мы не устроим пожар?

– Делай, как я говорю!

Марина с сомнением протянула пучок к первой свече. Стебли тут же загорелись.

– Быстрее! – Лиля сверкнула глазами. – Все три!

Марина едва не уронила травы, вздрогнув от сурового приказа. Быстро подожгла от оставшихся свечей, и не успела моргнуть, как Лиля выхватила из ее рук ярко пылающий пучок.

– Дым багульника и осоки, что собраны на кладбище, пусть запутает ваших врагов и всех, кто помешать вашей встрече желает. Как зажжены они от трех свечей, так пусть и три дня не пройдут, а вы уже встретитесь.

Лиля бросила дгорающий пучок в плошку и пододвинула к Марине.

– Вдыхай.

Марина с сомнением посмотрела на густой серый дым, поднимающийся к потолку.

– Я не буду этим дышать...

– Быстро дыши!

И снова она послушалась. Хотела отодвинуть от себя дурацкую плошку, но вместо этого наклонилась над ней и вдохнула до странности ароматный дым. В горле запершило, а на языке осел приторно-сладкий вкус. Как будто она съела очень много меда, хотя никогда его не любила.

Глаза зашипало, и тут же пришлось зажмуриться. Марина несколько раз кашлянула и отодвинулась, не в силах больше дышать едким дымом.

– Увидела что-нибудь? – Голос Лили доносился откуда-то издалека.

Марина скривилась, протирая глаза:

– Что я могла увидеть? От этого дыма ослепнуть можно!

– Да не глазами. Это... как видение... Что-то вроде сна...

– Да не видела я никаких снов! – Вкус меда во рту стал явственнее. Ужасно хотелось пить – лишь бы смыть эту жуткую, сводящую зубы, сладость.

– Ну а почувствовала что-нибудь? Ну, не знаю... Запах какой-нибудь, вкус... Или услышала что-то?

– Как мед твой дым на вкус. Ужас. Ненавижу мед!

– Серьезно? – Лиля аж привстала. – Это знак. Подсказка. Твой мужчина будет как-то связан с медом.

Марина глотала собственную слюну, чтобы хоть немного перебить сладкий вкус.

– Ну да, пасечником будет, наверное.

– Ну, перестань! Вот ты сейчас смеешься, а потом сама убедишься. Увидишь!

Марина устало закатила глаза.

– Лиль... спасибо, конечно. И за обряд, и за пасечника. Но давай я уже пойду к себе? У меня адски болит щека. Я не выпалась. А еще нужно учить эту дурацкую роль на утренник...

Она с трудом поднялась, чувствуя легкое головокружение. Кажется, дым все-таки заполз в мозг.

– Вот увидишь: это сработает! – Лиля как попрыгунчик соскочила со своего места. – И трех дней не пройдет, как ты его встретишь. Может даже завтра в салоне. Мы же пойдем прокалывать тебе уши?

Марина кивнула:

– Конечно. Нужно пустить себе кровь по полной. Щекой ограничиваться не буду.

– Ну прости, меня! Я не знаю, как еще загладить свою вину!

– Ты не виновата. Мне самой нужно было быть внимательнее.

Марина поспешила в прихожую и подхватила с пола брошенную сумку. Сначала она поспит. Лучше встанет завтра пораньше и поучит сценарий.

Лиля выбежала в прихожую, сжимая в одном кулаке ключи, а в другом...

– Вот! – Она протянула Марине бинт, испачканный в крови. – Обязательно сохрани его.

Марина покивала, убедила Лилу, что будет хранить его, как драгоценность, и поскорее выскользнула в подъезд.

– Я почему-то уверена, что завтра мы его обязательно встретим! Повязку постарайся не мочить. Так быстрее заживет. И вообще, вы предназначены друг другу, и он полюбит тебя любой.

Марина ничего не стала отвечать. Пожелала Лиле спокойной ночи и спряталась в тишине своей квартирки. Сначала хотела выбросить окровавленный бинт, но почему-то передумала. Устроила его на комодке возле кровати и тут же забыла.

Конечно же на следующий день никого она не встретила и ни с кем не познакомилась. Поход в салон закончился очередной порцией ноющей боли и сразу пятью проколами в ухе. Боль пульсировала, перетекая из уха в щеку и обратно, и Марине совсем не было дела до того, что нужно обращать внимание на какие-то знаки, о которых, не умолкая, твердила Лилька.

Уже дома, в перерывах между зубрежками роли, она вдруг обратила внимание на клочок белой марли, валяющийся на комодке. Бинт... с ее собственной кровью. Все-таки, нужно выбросить. Или хотя бы убрать с видного места.

Марина внимательнее всмотрелась. Показалось, или кровавые разводы приняли вполне явные очертания медвежьей головы? На языке снова почувствовался до оскомины сладкий привкус меда. Но это точно был медведь! Вот уши, глаза, нос. Даже разъявленная пасть отчетливо угадывалась.

Ерунда какая-то! Забросив бинт в ящик, Марина отправилась в душ. Нужно было лечь раньше. Завтра ей предстоял долгий и сложный день. Бабу Ягу ждали злодейства и двадцать малышей.

ГЛАВА 4. БАБА ЯГА

После того, как прочел письмо отца, в голове что-то перемкнуло, и я решил не возвращаться в старый дом, где жили отец с матерью, а потом Грегор. Я ненавидел его. Так зачем мучить себя этой клеткой?

Я решил сбежать в крепость. Среди руин я чувствовал себя почти свободным. Старый камень, пыль, копившаяся веками, чудом сохранившиеся фрески и вольготно гуляющие сквозняки. Лучше места для берсеркера не найти.

Я чувствовал запах окружившего крепость леса. Свежесть омытой дождем листвы. Влажную мягкую землю. Мокрый камень, повидавший века истории. И чертову карамель. Она была повсюду! Я пытался перебить этот аромат, но он все равно преследовал меня. Цветочная сладость ощущалась везде, куда бы я ни пошел. В каждом гробаном зале, подzemелье, даже в камерах пыток.

Я пытался отвлечь себя от почти наркотической потребности вернуться в ратушу и найти ту, которая пахла так, что меня трясло. У меня есть дело. Письмо отца, старые документы и столько материала на флэшке, что на его изучение уйдут месяцы.

Я хотел восстановить крепость. Хуже всего, что это желание появилось из-за НЕЕ. Из-за той, которая пахнет, как самый сладкий из грехов. Я знаю, что ничего хорошего из этого не выйдет. Знаю, что с каждой минутой во мне крепнет что-то темное, просыпается худшее. Но удержаться невозможно.

Я постоянно думал о ней. Не мог удержаться. Даже когда разбирался в сотне отцовских файлов на заднем фоне в мозгах маячила она.

Хуже всего стало, когда я спустился в подземелья. Хотя неправильно было называть это место именно так. Скорее, подземный этаж для оргий, которые устраивали мои предки. Чтобы никто не видел происходящее и не мог помешать.

Здесь они могли позволить себе быть животными и не бояться, что крики похищенных женщин кто-то услышит. И сами женщины могли не стесняться. Могли свободно кричать во весь голос.

Мне потребовалась вся сила воли, чтобы уйти оттуда. Потому что возле каждой стены, у каждого поручня, я представлял ЕЕ. Кого? Безликую мутную фигуру. Четким был только ее аромат – карамель и цветы. Сладко и сливочно. Так, что слюна выступала, и ныли зубы от потребности войти в ее кожу, прокусить плоть, вонзиться до десен и оставить на ней алые укусы. Чтобы по всему телу они превратились в фиолетовые синяки и заживали долго, напоминая о нашей близости.

Это начинало смахивать на безумие. Я всегда бежал от этого. Не хотел. МНЕ ЭТО НЕ НУЖНО! Но зверь внутри ревет от нужды отправиться на охоту. Учуть. Выследить. Настигнуть.

Не знаю, как заставил себя вернуться наверх и взяться за работу. Нужно отвлечься. Вокруг херова куча проблем, а я подвисяю на аромате какой-то сучки, которую ни разу даже не видел. Будь она проклята! Мог бы – убил бы нахрен, чтобы не мучила меня. Сам факт ее существования причинял физическую боль.

Мне нужны ясные мозги. Нужно решать проблемы. А в голове только она...

Я удерживал себя в крепости. Обустроил свое логово прямо на полу. Почти сутки не ел и не пил, изучая файлы, оставленные отцом. Я даже не подозревал, что всю жизнь он собирал информацию об Ордене и те факты истории берсеркеров, которые давно считались утерянными. Снимки с неофициальных «черных» раскопок, отчеты, счета в банках. Не знаю, что поразило меня больше – строчки с извинениями или то, что ему удалось накопить.

Нашей семье принадлежала фармацевтическая компания. Инновационные разработки, создание препаратов, без которых в будущем люди не смогут обходиться. Это были огромные деньги. Огромная власть. Почти безграничные ресурсы. Но даже их не хватало на то, чтобы выследить и окончательно уничтожить Орден. Сколько бы мы не давили эту заразу, он все равно умудрялся возрождаться. Но, кажется, отцу удалось нащупать нить, которая вела к самой верхушке, к «голове», которую нужно было отрубить. И похоже, продолжить поиски отца теперь придется мне.

Отец нашел какие-то документы, переписку прежних членов Ордена, по которым выходило, что им нужно что-то находящееся здесь, в Логовце. Но вот что это – понять было невозможно. Они искали «это» столетиями и только сейчас нашли. Единственное, что я понял

из хаотичного вороха информации, – это было как-то связано с ведьмами, блуждающими в тумане. Никогда не верил в эти сказки. Видимо, ошибался. Если Орден хочет найти что-то или кого-то, то я должен успеть сделать это раньше. У меня есть все необходимые данные. Можно ведь просто пройти по их же пути.

С чего начать? Тут материала на год. Мне некогда все это штудировать. Но и доверить абы кому такую информацию я не могу. Отец скрывал это ото всех. Значит, на то были причины.

Все, не могу больше. В башке одна сплошная мешанина, и хочется только одного: ощутить тот чертов аромат, который теперь не дает покоя. В нем что-то важное, что-то необходимое. Что-то, без чего я рано или поздно сдохну.

Медведь яростно рычал. Рот наполнялся слюной, чтобы смочить кожу на ее шее и облегчить боль от укуса, которую она обязательно испытает. Меня корежило и ломало. Охота... Преследование... Я должен идти по следу...

Нет. Нельзя. Я заставил себя вернуться домой. Принял душ и переоделся. Самое время съездить к ведьме, о которой так переживал Георгий Иванович. Если она осталась одна, то этим можно воспользоваться. Очень немногие ведьмы просят защиту у берсеркеров. Они не доверяют никому, объединяясь в кованы и защищая друг дружку таким способом. Но если она растеряна и не знает, что делать... пусть поработает на меня. А я гарантирую ей защиту от Ордена.

Диана и мать вели себя странно спокойно. Не попадались на глаза и даже не пытались высказать мне свое возмущение. Порадоваться бы, но я прекрасно понимал, что две гадюки что-то задумали. Просто выжидают. А что если... в голове постепенно складывался план, как я могу выбраться из этого с наименьшими потерями.

Я уже был на пути в гараж, когда в кармане зазвонил телефон. Георгий Иванович. Может, что-то случилось?

Я быстро ответил:

– Да?

– Дагмар! Ты сейчас занят? – На заднем фоне слышались детские голоса и какая-то женщина отчетливо повторяла: «Хоть бы приехал! Хоть бы приехал!»

Я усмехнулся:

– Собираюсь ехать к твоей подопечной.

– А-а-а...

Тот же женский голос встревоженно зашептал: «Что? Что он ответил? Пожалуйста, убедите его! Он должен приехать. Нам нужны эти деньги. Мне зарплату девочкам платить нечем. Пожалуйста!»

Видимо, директриса. Вряд ли она подозревала, что я все слышу. Голос звучал вполне искренне. Знай она, что мне слышно, как какая-то девчонка просит переплести косички, что бы она тогда сказала?

– Дагмар... – Смотритель точно хотел, чтобы я поехал к ведьме, но и сопротивляться директрисе явно не мог.

Как она вообще узнала, что мы знакомы? В любом случае, я могу просто перечислить необходимую сумму на счет приюта.

– Слушай... – Даже на расстоянии я слышал, как старик жует губы.

Я не смог сдержать ухмылку:

– Я все слышал. Передай своей директрисе, что деньги будут. Сегодня вечером.

– Хм-м... М-м-м...

Послышалась какая-то возня, гневное «Дай сюда! Я сама с ним поговорю!» и в трубку напряженно выдохнули.

Я даже не удивился, когда со мной заговорила та самая директриса. Видимо, Георгий Иванович не выдержал в схватке.

– Дагмар... Ро...

Она явно пыталась произнести мое отчество. Три раза. Даже интересно, что получится в итоге. Но я решил пожалеть тетку.

– Просто Дагмар. Здравствуйте.

– Здравствуйте! – Она как-то уж преувеличенно радостно заулыбалась – это тоже было хорошо слышно. Особенно, мне. – Дагмар... хм... Я бы хотела пригласить вас к нам... Сегодня в нашем детдоме будет проходить праздник «Встречи Осени».

Что-то заставило посмотреть на дом. Диана пялилась в окно, прикрываясь занавеской. Кот из дома, мыши в пляс? Идея, возникшая пару минут назад, начала казаться все более привлекательной.

Поняв, что я ее заметил, Диана убралась от окна. В очередной раз шевельнулось дурное предчувствие: не нужно было идти на поводу у матери. Ее унижение не стоило тех проблем, которые грозили появиться.

Я сел за руль, вполуха слушая убеждения директрисы, что я обязательно должен приехать.

Перебив уже начинающий раздражать поток, я быстро проговорил:

– Не знаю вашего имени-отчества, но я не приеду. Насчет финансирования не беспокойтесь. Оно будет восстановлено. Вы получите деньги на ремонт, на оборудование и что там вам еще нужно. Подготовьте список всего необходимого, я пришлю к вам человека. Он займется делами детдома.

На том конце повисла тишина. Хотя нет, на заднем фоне что-то происходило, какая-то суета. Но директриса, похоже, решила, что разговор окончен. Пару секунд она просто молчала. Наверное, радовалась, что смогла так легко выбить деньги.

Я заводил мотор, когда сквозь шум детских голосов донеслось отчетливое и требовательное мальчишеское: «Марина Витальевна, а мы будем сегодня играть в доктора? Я прочел в книжке, как вылечить вашу рану.» Даже не смог держать усмешку. Вот только она быстро сошла с лица, когда красивый и слишком молодой голос ответил: «Спасибо, Паша. Мы обязательно поиграем в доктора, но чуть-чуть позже, ладно?»

Я едва успел нажать на тормоз. Сам не понял, что вдавливаю газ в пол, бездумно таращась в закрытые ворота. Этот голос прошел по нервам тупой бритвой. Мышцы скрутило в тугие жгуты. Пальцы впились в руль, едва не отрывая его к чертям собачьим, потому что я хотел вот точно так же впитаться в нее. В ее бедра, талию, притянуть к себе.

Мгновенно выступивший на коже пот пропитал одежду. Меня бросило в жар, и ощущение было таким, словно я горю в огне. В натуральном, мать его, огне. Вот оно – мое пекло. Я-то думал, что попаду в печево только после смерти, что у меня еще есть время. Но нет.

Ее голос до сих пор звучал в голове. Поиграть в доктора... Я устрою тебе доктора, твою мать! Вылечу все твои раны. Залижу, как зверь. Возбуждение было таким резким, что перед глазами потемнело. Меня повело. Член встал, упираясь в брюки. Да ну нахрен! Дикий стояк натягивал ткань так, что я почти ожидал услышать треск ткани. Молния впилась в головку, ощущаясь даже сквозь ткань трусов.

Охренеть... Я закрыл глаза и тяжело вдохнул. Нужен свежий воздух. Прочистить мозги. Я пытался услышать еще... еще этот проклятый голос, от которого хочется просто тупо, по животному кончать и ни о чем не думать. Кончать, слушая прерывистые громкие стоны, частое дыхание, срывающиеся крики.

Это вдруг превратилось в главную цель жизни: заставить ее кричать. Именно так, срывая горло, задыхаясь, до звона в ушах, на каждый мой выпад. Пока я буду бешено ее долбить, она будет выстанывать чертовы звуки. Мое имя... Хочу слышать, как она его произносит. Как кричит, пока я вбиваясь в нее по самые яйца.

Треп директрисы заставляет прийти в себя. Она просит не мешать и не шуметь, и все голоса замолкают. Чертова тварь! Мне нужен этот голос! Необходим! Дай ей договорить. Я едва ли не приказываю отдать трубку той, которую просят «поиграть в доктора».

Блядь! Я сыграю с тобой в любую игру, в какую только захочешь. В любую-у-ую. В самую грязную и такую, о которой даже стыдно думать.

Отрывисто бросаю:

– Я приеду.

И сбрасываю нахрен звонок. И ведь понимаю, что не надо туда ехать. Нельзя. Я ведь не собирался. По тысяче причин не собирался. Нужно ехать к ведьме. Заняться Орденом и крепостью.

Надо... Надо к ней. К ее голосу и запаху. К вкрадчивым интонациям. Боже, сколько ей лет? Надеюсь достаточно для того, что я хотел с ней сделать. Потому что ждать я не смогу.

А я ведь должен сдержаться. Клялся себе, что не сорвусь. Мне не нужна эта встреча. Не хочу, как отец. Вообще никак не хочу. Я зверь. Чертов дикий голодный зверь. И таким хочу оставаться. Где-то глубоко в своей берлоге. Не хочу себя сдерживать и пытаться быть нормальным.

Хочу... хочу ее своей пленницей. Там, в крепости, в руинах, где остались поручни для жертв безумных берсеркеров. Хочу трахать ее, прикованную цепями. Хочу, чтобы она пыталась и не могла ко мне прикоснуться. Чтобы обхватывала мои бедра своими ногами и сама в безумстве насаживалась на мой член. Узкая и мокрая. Текущая на мои бедра. Чтобы ее грудь подпрыгивала от каждого моего толчка.

Блядь! Да я видел, как ее сиськи подсакивают от моей сумасшедшей долбежки. Видел, как по коже стекают капли испарины. Видел, как она подставляет мне свои соски и умоляет взять их в рот. И повсюду чертов аромат цветов и карамели. Так, что можно задохнуться...

Я притормозил у обочины и выскочил наружу. Воздух пах дождем и сырой землей. Туманом. Кладбищем. Тем запахом тления и гниения, который чувствует даже обычный человек. Но даже это не могло очистить разум. Призрачные ароматы засели во мне где-то на уровне подсознания. Такое впечатление, я зашел в парфюмерный магазин, и меня тут же забили тысячи запахов.

Для берсеркера это было сравни смерти – не чуют ничего вокруг. Но сейчас... сейчас мне нужны были два аромата, которые я готов был ощущать всю жизнь. Все. Больше ничего.

У меня еще есть время свернуть в другую сторону. И я должен это сделать. Пока могу. Потому что встреча с ней, кем бы она ни была, какой бы ни была, не принесет ничего хорошего. Я ЭТО ЗНАЮ!

Но возвращаясь в машину, я не сворачиваю и продолжаю ехать вперед. Там маячит белое марево тумана, видимость ухудшается, и мне почему-то кажется, что вот такой же мутной становится моя жизнь.

Я просто посмотрю на нее. Ничего больше. Не буду разговаривать или еще что-то. Узнаю, как она выглядит и... и что-нибудь придумаю. Мне не нужна эта зависимость. Не нужна подобная слабость, уязвимость. И не нужно то, что она может сказать или сделать, узнав, кто я, узнав, что мне нужно и как.

Туман становился гуще. И я почему-то представил ее, все еще безликую, рядом со мной. Гуляющую среди руин крепости в плотном белом мареве. Возможно, она попыталась бы бежать, подумав, что сможет скрыться в молочной пелене. А я бы нашел ее. По запаху. По звуку дыхания. И взял бы прямо там, у влажных старых стен.

Если я сейчас же не избавлюсь от всей этой мешанины в голове, то свихнусь. Это всего лишь голос и запах. Ничего больше. Я ведь не знаю, как она выглядит. И вполне возможно, что она хуже моей матери и Дианы вместе взятых.

В глубине души я понимал, что даже это мне не помешает. Но продолжал уговаривать себя, убеждать. В самом деле, черт возьми!

Я надеялся, что она окажется... не знаю, уродкой, что ли. Такой, чтобы от одного взгляда на нее, тянуло проблеваться. И с характером конченной твари. Это было так по-детски, что хотелось рассмеяться от самого себя. И все равно я твердил это, как молитву. Просто посмотрю на нее, пойму, что она какая-нибудь убогая девка, и успокоюсь. В ней должен быть какой-нибудь недостаток. Просто обязан!

Я доехал намного быстрее, чем думал. Наверное потому, что не смотря на туман и влажный асфальт, гнал почти под двести в час. Даже смешно стало. На встречу с убожеством так не торопятся. Но чем быстрее я посмотрю на нее, тем быстрее избавлюсь от этой чертовой зависимости, которая уже начала въедаться в мозг.

На каждом шаге я убеждал себя остановиться, повернуть назад и вернуться в машину. Я ведь не собирался сюда ехать. Нужно ехать к ведьме, разобраться с ней и... И я шагнул в прохладное мрачное нутро холла. Раньше здесь сидел охранник. Сейчас, кроме пустоты, не было ничего. От красоты и величия не осталось и следа. Фрески осыпались. Одинокая картина с изображением средневековой охоты потемнела. Тяжелые бордовые портьеры, которыми раньше зачем-то занавешивали стены, пропитались пылью. Вместо огромной люстры, которая сама по себе была произведением искусства, висела одна грязная лампочка.

Какого хрена? Где охрана? Любой желающий может здесь шляться. Без проблем войти туда, где дети! Я достал телефон, снова набирая смотрителя. На полу, вымощенному узорчатой плиткой, засохли разводы грязи. Я даже различил следы от обуви. Это уже ни в какие ворота.

Я не успел нажать на вызов. Боковая дверь распахнулась, и появился Георгий Иванович, злой, красный от возмущения и что-то бормочущий под нос.

– Дагмар! А я уж думал, не приедешь!

Я убрал телефон в карман.

– Я же сказал, что буду.

– Ну так Тамара ничего не поняла. Говорит, пообещал, а когда – неизвестно.

Весь этот пустой треп меня мало волновал. Я указал на дверь за спиной:

– Где охрана? Где уборщица?

Смотритель пожал плечами:

– Нет никого, давно уж. Уволились все. Зарплату платить нечем.

– Почему ты не сказал, что все НАСТОЛЬКО хреново?

– Так сказал же! – Смотритель почесал нос, бросая на меня задумчивые взгляды. – Дословно передал, что твоя мамаша ответила.

– Ладно, я понял. Сегодня вечером все будет.

Я повернулся к выходу. Нужно уйти. Но ноги словно вросли в пол. Я запрещал себе дышать, принюхиваться. Ее запаха здесь не ощущалось, но я все равно цедил кислород мелкими глотками.

Смотритель заулыбался:

– Вот спасибо тебе! Авось не загнемся. А теперь пошли. Праздник в самом разгаре. Посмотришь, как мы справляемся.

– Что еще за праздник?

– «Встреча осени» называется.

Последний шанс уйти я проигнорировал. Пошел за смотрителем, чувствуя, как в груди начинается странное жжение. Помимо воли снова начал принюхиваться. Мы шли по узкому коридору с высоким арочным потолком. Он был выкрашен в синий – небо с маленькими звездочками. Справа стена снова была расписана темным лесом. В центре был нарисован деревянный трон, на котором сидел огромный медведь в алом плаще. Перед ним плясали скоморохи, а рядом стояла девушка, сошедшая с картин итальянских мастеров.

Интересно, задавался ли кто-то вопросом, почему художник нарисовал именно это? Почему возле каждой двери напротив с одной стороны был нарисован рычащий медведь с секирой, а с другой длинноволосая женщина, увешанная драгоценностями?

За одной из дверей в центре коридора слышались голоса, музыка и детский смех. Я все еще не ощущал ЕЕ аромата. Где она? Почему ее здесь нет? Она прошла другим путем?

Последние метры я преодолевал едва ли не бегом. Мне просто нужно на нее посмотреть. Посмотреть и успокоиться. Мне почти удалось убедить себя, что она окажется какой-то неправильной, что в ней все будет отвращать меня. Почти...

– Войдем тихонько и с краю присядем. – Георгий Иванович понизил голос до таинственного шепота. – Даже тебе понравится. Все старались. – Смотритель помахал допотопной «мыльницей». Где только раздобыл этот антиквариат. – Нужно все сфотографировать. Для отчетов там всяких.

Я не смог сдержать удивления:

– На это?

Георгий Иванович пожал плечами:

– Ну так больше ничего нет. Я-то и рад на что-то поновее снимать. Думаешь, если старик, так ничего не соображаю?

Не знаю откуда вдруг появилось это идиотское чувство, но... теперь я чувствовал ответственность за всех находящихся здесь людей. Они, вроде как, зависели от меня.

– Все, пошли. Только тихо. Там у стены стульчики стоят.

Я закатил глаза, но послушно встал за стариком, отворяющим дверь.

Я задержал дыхание. Секунда, две, три. Один шаг, второй, третий. Смотритель идет вперед, я – следом. Мы входим в большой зал, где раньше устраивались балы и всевозможные торжества, а сейчас творится черт знает что.

Словно вся нечисть собралась в одном месте, и самое жуткое существо сейчас приближается ко мне. От удивления я делаю глубокий рваный вдох, и весь организм тут же заполняет цветочный дурман. Еще вдох, и в кровь впрыскивается отравленный кислород. Еще, и меня накрывает огненной волной из пекла.

Пальцы начинают дрожать. Вместо ногтей должны быть когти, чтобы вонзиться в мою добычу и не отпускать. Рот наполнился голодной слюной. И в горле зародился первобытный дикий рык. Я должен был... должен был отстоять ее у других самцов, подтвердить свое право превосходства над ней...

Мне напрочь снесло тормоза.

Я всегда знал, что попаду в ад. Но никогда не думал, что это будет так скоро. Что ж... возможно, я буду единственным грешником, который окажется рад находиться в преисподней. Потому что прямо сейчас я твердо уверен только в одной истине: нет ничего лучше, чем всю вечность вдыхать этот аромат. И пусть меня будут печь в самом горячем адовом пекле, за возможность дышать опутавшим меня запахом я готов заплатить любую цену.

Цветочная сладость и карамель. Четко. Явственно. Убойно. Так, что по позвонку пробегает электричество и шерсть встает дыбом. Из горла рвется уже не рычание – дикий вопль. Рубашка липнет к спине.

Но я хочу броситься на нее, повалить на пол и накрыть собой. Покрыть. По-звериному. Как самец покрывает самку. С ней только так. Никак иначе. Мне нужно обнюхать ее всю. Каждый сантиметр тела. Каждый гребанный миллиметр! А потом облизать. Узнать вкус кожи, вкус губ и рта и вкус нежной плоти между ног.

Меня тряхнуло так, что перед глазами потемнело. Шум в ушах такой, как будто накрыло водной толщей. Ни к одной женщине я подобного не испытывал. Не было никаких желаний, кроме как быстро сбросить напряжение и забыть. В большинстве своем – элитные шлюхи. Но даже с ними иногда не хотелось заморачиваться.

А сейчас... Это была какая-то дикая адская западня, в которую я угодил с разбега. Пара секунд! Пара долбанных секунд, за которые меня просто накрыло ароматом. Я ощущал себя чертовым девственником. Как будто впервые чувствовал запах женщины и впервые осознавал все свои желания. И их было пугающе много. Пугающе... Пугающих!

Я вздохнул так, словно затягивался наркотой. Глубже, еще глубже, чтобы аромат был во мне. Повсюду. Пропитал меня собой. Каждая его составляющая.

В нем что-то было... Что-то такое... Свежее. Немного, совсем чуть-чуть терпкое. Вкусно... Боже, как же вкусно...

Я – идиот, если думал, что в ней есть недостатки. Плевать. На все плевать. Она – совершенство. Я хочу видеть ее в своей берлоге. Там, в крепости, прикованную и обнаженную. Стонующую так громко, что эхо криков разлетается по руинам. Чтобы от кожи исходил адский жар, а между ног все было мокро. Чтобы от ее терпко-свежего аромата не было спасения.

Реальная женщина не может так пахнуть...

И тут до меня дошло. Не женщина – девушка! Чертова девственница! Вот, откуда эти свежесть и терпкость. На ней не ощущался запах ни одного мужика. Никто не кончал в нее. Чистая. Свежая. Моя! Только моя!

Где? Где она?! Я бешено мотнул головой, пытаюсь понять, которая.

Где, твою мать? Где ты от меня прячешься?

Я не мог сдержать первобытную, сводящую с ума ярость. Она должна стать моей. Немедленно! Прямо сейчас!

Влагалище, в которое не кончил ни один ублюдок, мое! Грудь, к которой не прикасались ничьи пальцы, моя. Сладкая. Карамельная. Вся моя. Убью любого, кто дотронется. На ней будет только мой запах. И внутри нее тоже.

Сладкая, свежая. Но сшибает, как взрывная волна. Просто рвет на клочья. На кровавые куски.

Дурак, что думал, будто смогу без нее. Что радовался, не зная ее. Она идеальная.

Моя целочка. Карамельная девочка. Вся сладкая. Вкусная. Уверен, что вкусная. Скоро я ее попробую облизать всю, мое ароматное лакомство.

Меня снова обдало легкой волной. Справа. Я развернулся и посмотрел прямо на нее. В ярко-голубые глаза. В мозгу что-то переключилось, пока я пытался сообразить, какого хрена происходит.

Наверное, в голове и вправду что-то отрубилось, потому что только через несколько мгновений дошло, что это грим.

Баба Яга. Передо мной стояла гребаная Баба Яга. В какой-то дурацкой бандане, из-под которой торчала копна темно-золотистых локонов. Длиннющая юбка, в которой она путалась, тянулась за ней по полу. По ней ползали пауки, и колыхалась седая паутина. Какого..?

Я точно туго соображаю. И пауки, и паутина были нашиты на юбку. Но мое больное воображение уже разыгралось. На ней была короткая пушистая безрукавка, а я уже видел, как она кутается в меха, которые я ей куплю.

Я впитывал ее. Пожирал глазами. Кто-то приклеил к ее лицу длинный крючковатый нос, но даже он ее не портил! Я видел кроваво-алые губы. Такие красные, что ощущался металлический аромат крови. Ее девственной крови.

Меня уже конкретно шатало. Но я не мог избавиться от видения этих красных губ на мне. Пухлые, мягкие, они бы скользили по моему члену, оставляя алый смазанный след. Я бы заставил ее отсасывать у меня, пока вся помада не стерлась бы с губ. Чтобы они были алыми не от краски, а от старательного и долгого отсоса.

Блядь! Я даже не был уверен, что с ней выдержу долго.

Она повернулась ко мне. На какую-то секунду наши взгляды встретились, и меня шибало в грудь. Пришлось сделать шаг назад и привалиться к стене. Боже... какая она...

Я затаился ее запахом, как сигаретой. Аромат крови стал отчетливее. Она отвернулась, и тут до меня дошло. Рана! На ее щеке была рана, которая кровоточила. Вот откуда этот запах. Недавняя, не успевшая даже затянуться. Сначала я принял ее за грим, но нет. Это был самый настоящий порез. Хотя нет, слишком неровный и рваный. Как царапина.

Оторву руки тому, кто это сделал. На живую оторву и сожрать заставлю.

– Ну что ты? Садись давай! – Хоть немного прийти в себя помогает смотритель.

Он тащит меня за локоть и заставляет опуститься на крошечный детский стул, который скрипит под моим весом.

Я начинаю осознавать, что нахожусь в зале, заполненном детьми. Они испуганно вскрикивают и тут же радостно смеются, когда к ним подбегает моя ароматная колдунья. Юбка кружится вокруг ее ног. Она тянется к какой-то девчонке, начинает ее щекотать, и та заливается счастливым визгом.

Но когда к моей женщине подбегает какой-то урод, затянутый в костюм Кощея, мне напрочь отрывает башку. Он хватает ее руку и пытается оттащить, а я вскакиваю со своего места.

Мной движет только один инстинкт: оторвать ублюдку все конечности. Его гребаные пальцы. Сломать по одному, чтобы больше никогда не смог к ней прикасаться. Никто не сможет.

– Ты чего? – Сквозь медвежий рев в голове доносится голос смотрителя.

Проклятье! Охуеть просто можно. Я себя уже не контролирую. Не могу. Это же... какая-то постановка для детей и ничего больше. Но я чувствую... Чувствую, еще один запах. Запах этого уroda. Ему нравится прикасаться к ней. Ему хочется еще.

Меня тянет туда, вперед, к ней. Отодрать его руки от нее. Забрать ее с собой. Спрятать. Владеть ею. Держать в секрете ото всех. Чтобы никто никогда не смел прикоснуться или причинить вред.

Бездумно вытаскиваю телефон и, не оборачиваясь, бросаю старику:

– Я сниму.

Хоть какое-то оправдание тому, что стою, как идиот и пялюсь на весь этот адский шабаш.

На экране телефона появляется она. Почти с маниакальным удовлетворением осознаю, что теперь она будет со мной повсюду. Я снимаю, как она убегает от мальчишки, размахивающего мечом. Как делает плавные движения руками, стараясь заколдовать крошечного богатыря.

Но заколдовывает меня. Я тону в ней. Она немного поворачивается, и я снова вижу изогнутую рану. И будь я проклят, но сдерживать возбуждение становится почти невозможным. То, что должно уродовать обычных людей, ее делает совершенной. Не знаю, как она его получила, где, от кого. Знаю только, что найду выродка и закопаю. И знаю, что от вида этой раны кровь бежит быстрее в венах. Это не просто сексуально. Это дико, по-животному охеренно.

Ее кожа кажется неестественно бледной. Даже красивый розовый румянец на скулах не стирает ощущение ее нереальности. А может она действительно ненастоящая? Не знаю, кто и как ее создал, но она...

Я снимаю каждое ее движение. Как одержимый фотографирую. Еще, еще, еще. И я уже придумал, что сделаю с ее фотографиями. Даже с такими. С этим дурацким носом и в нарочно-сказочном наряде.

До меня доходит, что я не знаю, как она выглядит на самом деле. Ее лицо все еще скрыто. А тело тем более. Запрятана от меня бесчисленными слоями одежды.

Но от меня не спрятаться. Никогда. Никак. Сейчас она похожа на невинную жертву для беспощадного монстра. Попытка умиловить чудовище, подсунув ему девственницу.

И черт возьми, это действует. Не знаю как. Не знаю почему. Но для меня почти жизненно важно, что я стану первым. Я в этом даже не сомневаюсь.

В этот самый момент она смеется, пытаясь изобразить коварный злой хохот. И от этого меня бросает в пот. Как будто насмехается надо мной. А может так и есть? Потому что ее взгляд скрещивается с моим. Она смотрит на меня! Снова швыряет в меня голубой взгляд. Алые губы кривятся, и я готов поклясться, что слышу ее насмешливое : «Никогда».

И я позволяю тихому рыку прорваться сквозь зубы. Нет, сладкая ведьма, твоя целка будет моей... Ты вся будешь моей. Сама будешь отдаваться и предлагать взять тебя. Умолять завладеть тобой. Будешь просить пользоваться тебя, как развратную шлюшку. И будешь ловить от этого кайф. Такой же, какой УЖЕ испытываю я.

С чего я решил, что все будет легко? Что смогу уйти? Посмотрю и отвернусь. Откуда-то я точно знаю, что с ней легко не будет. Что с ней будет дико и ненормально. И это мне нравится... Мне нравится предчувствие безумия. Меня бросает в дрожь от осознания того, что между нами все будет по-животному. Кроваво и с криками.

Наверное, не нужно было сюда идти. Не нужно... Лучше бы я не знал ее никогда. Никогда не видел и не слышал. Потому что теперь мое существование сосредоточено на ней. Целиком и полностью. Я не отдаю себе отчета в том, что уже планирую, какой будет наша жизнь. Я должен привести ее домой. В крепость. Но не в те руины, которые служили мне пристанищем. А в самую настоящую крепость. Значит, нужно заняться ее восстановлением. И как можно быстрее. Еще нужно выделить ей постоянного водителя и охрану. Хотя, нет... Я не смогу выдержать, если рядом с ней будет находиться кто-то, кроме меня. Она должна быть постоянно под моим присмотром. Рядом.

Она снова отворачивается, волосы падают за спину, обнажая мягкий изгиб скул и покрасневшее от воспаления ухо. Я шумно сглатываю. В животе что-то сжимается, а во рту становится сухо. В ее ухе пять маленьких сережек. Дешевенький металл в свежих ранках.

Господи, да на ней есть хоть одно живое место?

Но эти сережки... Вся она, с раной, красными губами и густо подведенными глазами... как будто вызов мне. Вызов моему зверю. Она пробуждает первобытную ярость. Желание биться и побеждать. Взывает к зверю, провоцируя на что-то. Потому что я чувствую, что между нами будет схватка.

Ее движения завораживают. Вроде бы ничего особенного. Она просто скользит из одного угла в другой, играет с детьми в какую-то дурацкую игру, правила которой слишком сложны для моего ошалевшего мозга.

Она больше не смотрит на меня. Даже мельком. Крошечная девчонка тянется к ее волосам и с благоговением прикасается к длинным локонам. Меня прошибает завистью. Я тоже хочу их потрогать. Сначала просто узнать, какие они на ощупь. Мягкие? Шелковистые? Пушистые? Гладкие?

Хочу намотать их на кулак, поставить ее раком и отодрать так, чтобы остались синяки на ее заднице.

Меня начинает уже конкретно потряхивать. Я хочу подойти к ней. Мне это необходимо. Сдерживаться почти невозможно. Я должен забрать ее отсюда. Сделать своей. Предъявить права. Заклеймить. Пометить собой. И проучить... чтобы не вздумала больше от меня отворачиваться.

Я остро реагирую на все, что она делает. Когда она тихо смеется, кровь вскипает в венах, пузырится и начинает плавить нутро. Меня шатает, потому что я делаю неосознанный шаг к ней.

К ней снова подходит долбоеб в костюме Кощея. Наклоняется, что-то говорит на ухо. Она смотрит на него сверху вниз, удивленно вскидывает брови, а потом улыбается. Медведь приходит в ярость. Он рычит, что я должен подойти к ним, перегрызть глотку противнику и забрать свою законную добычу.

Вокруг нее прыгают дети, и она отворачивается от ублюдка. Внимательно слушает, что говорит тощий пацан, улыбается ему так ласково, что у меня начинает щемить сердце. Я вдруг представил, что это наши дети. Никогда не задумывался о том, сколько их будет, какими они окажутся.

Я не представлял себя в роли отца. Никогда. Если и думал о детях, то... это были просто обещания самому себе, что так, как собственные родители, я делать не буду. Не больше. Я был готов к тому, что не оставлю после себя никого. Наверное, потому и согласился на просьбу матери. Чтобы наш род продолжил хоть кто-то.

Но сейчас, когда смотрел на свою женщину, окруженную детьми, понимал, что хочу этого. Всего этого. Хочу семью. Настоящую. Хочу видеть ЕЕ, с моим ребенком в животе. Хочу ощущать их запах и вслушиваться в сердцебиения. Хочу чтобы она вот так же ласково и весело улыбалась нашим детям, поправляла одежду и расчесывала пальцами волосы.

Дети цеплялись за нее, и я снова чувствовал дикую ревность. Она должна принадлежать только мне. Ее внимание должно быть направлено на меня.

Я начал обходить зал, пытаюсь быть ближе к ней. Сережки в ее ухе хитро мерцали, словно даже металл подначивал решиться на то безумие, которое крутилось в моей голове. Я подарю ей другие. Она не будет носить эти дешевки. Моя женщина не будет знать ничего, кроме роскоши.

Я заставляю себя прислушаться. Там, в углу, куда она забилась, что-то происходит. Я точно знаю, потому что запахи меняются, и мне становится еще труднее сдержаться.

Зверь начинает бушевать не на шутку. Древняя кровь, которая с каждым днем становится только сильнее, вызывает желание заявить права на нее прямо сейчас. Забрать отсюда немедленно!

– Марина Витальевна, а вы правда разрешите мне полечить вас? – Долговязый мальчишка цепляется за ее юбку и с восторгом заглядывает в рот.

Становится необходимым узнать, как она получила эту жуткую рану. Кто посмел поднять на нее руку? Кто бы это ни был, он уже приговорен.

Кто-то делает музыку громче, и мне приходится отойти в сторону, чтобы не мешать «богатырям» освобождать пленников Бабы Яги и Кощея.

Но я все равно слышу ее чуть хриловатый смех, от которого волосы на загривке встают дыбом.

А потом, чтобы окончательно добить мою выдержку, она, улыбаясь, произносит:

– Паша, я же Баба Яга.

Ее голос... растекается по венам сладким ядом. Сливочной карамелью. От него становится так нестерпимо жарко, что одежда раздражает, превращаясь в чертову смирительную рубашку. И мне уже становится жизненно-необходимым сбросить ту цивилизованность, которую я собирал годами. Сейчас мне необходимо быть зверем. Животным. Первобытным. Выпустить инстинкты наружу и позволить им руководить мной.

– Я узнал вас, Марина Витальевна. Вы самая красивая.

О, да-а-а... Она совершенная. Идеальная. Даже смотреть на нее – чистый кайф. Меня выбивает дикая ревность. От того, что рядом с ней стою не я. От того, что она смотрит на других.

Не смогу я это контролировать. Не смогу. Прямо сейчас она нужна мне.

– Да, наша Марина Витальевна лучше всех.

Мне не удастся подавить тихое рычание. Я не знаю, кто там, в этом идиотском костюме Кощея, но ему – конец. Чувствую его запах. Он возбужден. Ему нравится происходящее. Нравится стоять почти вплотную к ней и смотреть на нее. Ему хочется большего. Меня от этого начинает трясти.

Я принохиваюсь к ее аромату, прислушиваюсь к сердцебиению, под звук которого прямо сейчас подстраивается весь мой организм.

Ее сердце стучит быстро. Она волнуется. А еще я ощущаю, что ей больно. Щека... С этим я могу помочь ей справиться. Несколько капель моей слюны, и рана затянется к концу дня.

От мысли, что начну ее вылизывать, мне становится нечем дышать. Аромат карамели и цветов накрывает удушающей волной. Потому что она, Марина – теперь я знаю точно, отодвигается от того, кого я уже занес в список жертв. Мой зверь торжествуяще рычит, довольный тем, что выбранная самка сама, по своей воле, проявляет неприязнь к сопернику.

Я снова принимаюсь, улавливая легкий, едва ощутимый аромат испарины на ее коже. На секунду прикрываю глаза от наслаждения... Боже, она восхитительна. Лучше нет никого.

Воображение тут же рисует картины нашего с ней секса. Совокупления. Не знаю, как назвать то, что хочу с ней сделать. Нет слова для того, от чего меня корежит, как съеденный огнем металл.

Я хочу ее сожрать. Всю без остатка. Затрахать до сорванного горла. Нет, даже не так. Отодрать, чтобы обезумела от всего происходящего.

Я представляю, как она лежит передо мной. Как послушно раздвигает ноги, приглашает меня. Как я опускаюсь между ними и как мое лицо оказывается напротив ее бедер. Я хочу рассмотреть, какая она там. Как выглядит ее тугая целочка, которую она берегла для меня. Хочу знать, какая она на вкус... сильно ли будет течь, когда мы окажемся рядом, когда Марина будет чувствовать мой взгляд.

Меня начинает утаскивать в черноту. В бездну. За ту черту, переступив которую, я уже не вернусь.

Никогда... никогда у меня не было таких желаний. Чтобы попробовать какую-то шлюху между ног? Кроме отвращения эта мысль ничего не вызвала. Но сейчас я понимал, что свихнусь, если не узнаю, какова на вкус ее влага. Мне хотелось рассмотреть ее. Во всех подробностях. Узнать, как выглядит ее киска. Какая она на вкус. Что ощущаешь, когда лижешь набухшую плоть. И как громко будет кричать Марина, когда я начну это делать.

Мне необходимо попробовать... каждый сантиметр ее тела. Оставить алые следы на ее коже.

Ее кожа... девственно белая, чистая, не считая багровой раны на щеке. И сама она кажется чистой. Только сейчас я вдруг осознаю... Меня прошибает холодный пот. Сколько ей лет? Она выглядит слишком молодой. Почти девчонка. Да еще такая маленькая. Крошечная. Даже до плеча мне не достанет. Слишком хрупкая и слишком юная для всего, что я хочу с ней сделать.

Но даже это меня не остановит. Я заберу ее и буду ждать, сколько понадобится. Буду оберегать. Защищать. Всегда буду рядом.

Пусть привыкнет ко мне. Я должен стать для нее важным. Тем, в ком она будет нуждаться. Без кого не сможет. От кого станет зависима, как прямо сейчас становлюсь от нее зависимым я.

Черт! Даже мысль о том, что придется ждать, прежде чем сделаю ее своей, причиняет боль. Стоило догадаться сразу, что она слишком молодая. Потому у нее никого и не было.

С другой стороны, сюда бы не взяли работать человека младше восемнадцати. Нет, конечно нет. Сколько бы ей не было лет, она теперь моя. Стала моей в тот момент, когда я почувствовал ее аромат.

Я так погружаюсь в свои мысли, что ее голос заставляет вздрогнуть. Он проходится по мне зазубренным ножом. Ранит, сдирает кожу на живую.

– Смотрите, ребята выполнили все задания. Сейчас вас освободят. – Она улыбается окружившим ее детям и тут же морщится от боли.

Я чувствую даже ее дрожь. Нужно ее спрятать. Защитить, чтобы больше никто не смог причинить ей такие мучения.

– А можно я останусь с вами, Марина Витальевна? – Настырный пацан запросто обнимает ее и прижимается, как будто никого важнее в его жизни нет.

И если его я еще смогу вытерпеть, то придурка в костюме Коцея хочется разодрать на части. Он снова тянется к ней и убирает ее волосы с плеча, откидывая их за спину. Он пытается коснуться ее уха, покрасневшего от пяти крошечных сережек, проткнувших нежную кожу. Но она резко дергает головой и отстраняется.

Я делаю еще один шаг вперед, готовый броситься к нему и разодрать на части.

Неожиданно зал взрывается смехом. Дети чему-то радуются, и Марина, моя Марина, подталкивает Пашу к другим ребятам. Он прилип к ней и требует разрешения «вылечить ее рану». Я тоже этого хочу. Исследовать ее всю, узнать, сколько еще ран на ее теле. Илизать каждую.

Рот снова наполняется голодной слюной. Клыки медленно вытягиваются из десен. Инстинкт ведет меня к ней. Заставляет желать вонзить в нее зубы и сделать своей.

Мне это надо, вашу мать! Прямо сейчас! А иначе просто порвет на части. На куски.

Когда она ласково произносит: «Конечно, Паша. Ты обязательно осмотришь мою рану, но только после праздника» меня окончательно выносит из реальности.

Все приходит в движение. Дети радуются и смеются, прыгают вокруг воспитателей. Я чувствую, как зверь неотвратно берет верх над человеком.

Животная ярость и инстинкт охотника поднимаются из глубины нутра. Я слежу за тем, как моя желанная добыча идет в самую гущу детей. В руках она держит корзинку, и мне кажется, что там лежит нож, который она сейчас вонзит мне между ребер. Потому что терпеть дальше я не могу.

Сегодня. Сегодня она должна стать моей. Прямо сейчас...

Те крупиты человечности, что во мне еще остались, твердят, что я – идиот. Что ни одна женщина не примет то, что я хочу сделать. Я ведь знаю, что случилось с отцом и матерью. Достаточно лишь не повторять их ошибок. Но... но мне нужно хоть что-то.

Я должен получить ее. Хотя бы просто остаться наедине. Ощутить ее аромат без примеси других запахов.

Удивительно, но именно сейчас инстинкт охотника оживает во мне в полную силу. В голове сам собой рождается план, как заманить ее, куда заманить.

Она проходит мимо детей и раздает им вырезанные из бумаги кленовые листочки. Они все ярко раскрашены, и мне нужно сделать лишь один вдох, чтобы понять, что их она делала сама. Сама вырезала, сама раскрашивала.

Лукаво улыбаясь, она говорит, что это волшебные листья. Волшебные, потому что растут на деревьях возле избушки Бабы Яги.

– Если написать на них свое сокровенное желание, а потом спрятать листочек... тогда желание обязательно сбудется!

Я тяжело сглатываю. В этом действительно есть какая-то магия. Что-то нереальное. Она продолжает раздавать листочки, и дети сжимают их так отчаянно, словно завладели самым ценным сокровищем.

А я хочу владеть ею. И все ошибки, совершенные отцом, меня не могут остановить. Сегодня же я должен получить ее. Ближе. Пометить собой. Заклеймить. Человек пытается остановить зверя. Накинуть на него вожжи и удержать от того, чего хочется больше всего на свете. Слишком рано. Слишком быстро. С ней так нельзя. Тем более, если она девственница.

Но она слишком долго была без меня! Без моей защиты. Общалась неизвестно с кем. Сколько таких, как этот идиот, пытались уложить ее под себя?

Я сдерживаю бешеный рык. Все хорошо... Я ее нашел. И теперь она моя. Нужно лишь немножко потерпеть. Подождать.

– Вот Маринка... Молодец какая!

Ко мне подходит смотритель. Он упрямо стоит рядом, и мне приходится взять себя в руки.

– Надо же, как придумала?! – Старик радостно улыбается, глядя на нее восхищенным взглядом, и даже это заставляет меня ревновать. – Желание исполнится...

Я уже не сдерживаю злость и охрипшим голосом сквозь зубы цежу:

– Идиотская затея. Сейчас они все напишут, что хотят родителей. Зачем давать им надежду? – Я напряженно следил, как она подходит все ближе. Даже директриса получила листок. Скривилась и хмыкнула. Тварь.

– Им нужна эта надежда, Дагмар. У тебя были родители. Не самые лучшие, но были. А эти дети уже задаются вопросом, что с ними не так, если родители решили от них отказаться... О! Нам тоже по листику желания перепадет!

Я не сразу осознал, что происходит. В голове все еще звучали слова зрителя. Не будь у меня вообще родителей, хотел бы я таких, какими оказались мать и отец? Не знаю... Да, у этих детей незавидная участь. Возможно, мне повезло больше. Я хотя бы не голодал и не зависел от щедрости попечителей. Но... всегда есть тысяча «но».

Все мысли тут же вышибает напрочь, когда к нам подходит ОНА. Моя Марина. Она не улыбается. Наоборот – сосредоточена. Я четко вижу ее почти кукольное лицо. Ее губы почему-то сердито надуты, а глаза гневно сверкают. Рана блестит от сукровицы. Я втягиваю носом воздух, пытаюсь понять, есть ли заражение. Порез пахнет травами и чем-то еще, что я пока не могу определить... Странно. Как будто ее пытались залечить каким-то снадобьем. Ведьминским снадобьем.

Еще ближе... Ее глаза совершенно нереального оттенка. Голубые. С насыщенным серым ободком. Но в глубине разливается зелень. Дикое неестественное сочетание, от которого меня уже неслабо так трясет.

На ее веках столько черноты, что я ощущаю химический запах косметики. Сейчас он особенно четкий. Приходит странная мысль: как-то это слишком для старой Бабы Яги. Она накрашена так, словно собралась в клуб. Настолько ярко и насыщенно, что больше подошло бы шлюхе, чем воспитательнице.

А может, этим она по вечерам и занимается? Нет... тогда бы не пахла чистотой. У нее точно никого нет. А что если она хочет этого? Решила, что достаточно взрослая для того, чтобы начать заниматься сексом.

Сочетание внутренней невинности и внешней распущенности становится алкоголем, смешанным с наркотой.

В этом есть что-то до дрожи возбуждающее. Невинная шлюшка... Скромница, которая сама хочет разврата. Почему-то кажется, что она именно такая... И от этого внутри начинает разгораться адский костер. Снова появляется ощущение пекла. За моей спиной наверняка стоит сатана и с удовлетворением наблюдает, как я жарюсь в огне.

Она подходит так близко, что меня обволакивает ароматом цветов и карамели. Сладко... Как же сладко. От нее веет сотней цветов и трав. Таких ароматов просто не бывает! Даже ведьмы так не пахнут, хотя они с рождения впитывают в себя «дыхание трав».

Ее сердце бьется быстро, тревожно. Наклеенный нос дрожит от каждого движения. Темные брови нахмурены. Локоны подпрыгивают пружинками. Действительно кукла. Кукла для взрослого мальчика. Хочется смеяться от мешанины мыслей, крутящихся в голове.

Я смотрю на нее. Прямо. Не отводя глаз. Хочу, чтобы она тоже посмотрела на меня. Но ее сердитый взгляд сосредоточен на моем телефоне. Она гневно стреляет глазами в камеру, и я ловлю на экране всплеск ее раздражения.

Ей не нравится, что я снимаю. Очень не нравится. Ее это раздражает. Я завожусь еще больше. Потому что сегодня ей еще придется потерпеть.

Она ныряет рукой в корзину и достает еще несколько листочков. Перекладывает в другую ладонь и протягивает мне один. Алый. Почти бордовый. С несколькими оранжевыми и зелеными штрихами. И я эгоистично, по-детски, считаю, что этот лист самый красивый из всех.

– Вам тоже. Чтобы желания исполнились.

Ее голос... Самую капельку хрипит. Звонкий. И немного прерывистый от частого дыхания и раздражения. Как он будет звучать, когда она не сможет сдержать возбуждения? Как будет стонать и кричать, когда я буду натягивать ее на свой член? Будет ли задыхаться и хватать ртом воздух?

Я протягиваю руку, ухватывая листок, и тут же тянусь пальцами к ее ладони. Она старается убрать руку. Я чувствую, вижу, что не хочет прикасаться ко мне. И от этого внутри просыпается ярость. Та самая, которую раньше воины будили перед битвой.

Я ухватываюсь за кончики ее пальцев. Ее кожа настолько гладкая, что кажется шелковой. И снова возникает ощущение, что передо мной не девушка, а ожившая кукла с фарфоровой кожей и искусно нарисованным лицом. Даже от этого мимолетного касания перехватывает дыхание. Я тяжело сглатываю рвущийся из глотки рык. Она вырывает ладонь из моей хватки, как бы я ни пытался зацепиться за нее. Палец чиркает по холодному металлу колечка. Она любит украшения... И это тоже заводит. Перед глазами сразу мелькает десяток картинок, где мы вдвоем, и ее кожа блестит от пота и драгоценностей.

Она отворачивается от меня. Губы растягиваются в радостную улыбку, и ревность душит толстой змеей, обвиваясь вокруг горла. Она улыбается зрителю, и меня одолевает чертовое желание выпустить тут кишки всем мужикам.

Она может смотреть так только на меня!

– А это вам, Георгий Иванович. – В ее голосе столько заботы и ласки, что рот наполняется горечью. – От Бабы Яги.

– Ох, Маринка! Ты как придумашь что-нибудь...

Они улыбаются друг другу, а меня скручивает узлами. Желание окропить здесь все кровью превращается в необходимость. А нужда схватить ее за волосы и выволоочь отсюда сводит с ума. Придется научить ее всем правилам и объяснить, как следует вести себя со своим мужчиной.

ГЛАВА 5. ВЕДЬМИНА БАШНЯ

Тот момент, когда ОН вошел, Марина уловила четко. Почувствовала всей кожей. Она стояла спиной к дверям, но зал мгновенно уменьшился в размерах, съежившись до тесной клетки. По спине побежали мурашки, и волоски на руках наэлектризовались.

Ощущение было таким, словно кто-то стоит позади, почти вплотную к ней и водит холодным лезвием по лопаткам. Она не знала, почему возникла вдруг такая ассоциация, но остроту ножа ощущала до жути явственно.

Обернувшись, она позволила себе бросить в его сторону взгляд и тут же отвела глаза. Могло ли ей показаться, или он действительно смотрел прямо на нее? Каким-то до ужаса пристальным тяжелым взглядом. Боковым зрением она заметила, что он достал телефон и начал снимать праздник.

Боже... А это еще зачем? Хочет выложить в интернете? Или показать друзьям и посмеяться над разряженными воспитателями? Она так и видела, как он демонстрирует видео или фотографии полупьяной компании.

Раздражение стало еще больше, когда одна из воспитательниц шумно выдохнула и пробормотала другой:

– Боже... ты только посмотри... Это ОН?!

«Кикимора» и «Василиса Прекрасная» ожидали своей очереди, пока малышню развлекал Кощей. Марина невольно прислушалась к разговору.

В коллективе она была новенькой. Ни с кем много не общалась и в местные сплетни посвящена не была. Но «ОН» звучало так, словно они говорили о ком-то конкретном.

– Ты же слышала, Великая разговаривала с ним по телефону.

«Великой» здесь называли директрису. Но не за ее сходство с императорами, а за впечатляющие габариты.

– Она сказала, что он рассердился. И что она могла что-то не так понять.

– Ох, знала бы, что такой мужик... блин, у меня трусы обычные! Как чувствовала – нужно было стринги надевать.

– Хахаха, думаешь, он на тебя клонет? Такие привыкли к силиконовым моделькам, которые им регулярно отсасывают. На сорокалетнюю разведенку у него даже не встанет.

– Ой, да куда там? Сама хочешь попробовать? Думаешь, если накачала сиськи, то он у тебя уже в кармане? Вперед! Но будь уверена, я свой шанс не упущу.

– Тебе мои сиськи опять покоя не дают? Е сомневайся, я знаю, как ими воспользоваться, чтобы красавчик остался довольным и захотел вернуться.

– Ты-то своего не упустишь.

– А что? Такой мужик всем нужен. Мало того, что миллиардер, так еще и тако-о-ой... Я-то старпера какого ожидала. А этот... Там наверняка и с прессом, и с размером все нормально.

Марина закатила глаза. Так и подмывало предложить им объединиться. Вдвоем-то шансов точно больше будет.

Марина снова бросила в его сторону быстрый взгляд. До сих пор снимает... Да еще телефон так держит, что кажется, будто камера направлена только на нее. Или это паранойя? Ну в самом деле, с чего бы ему захотелось снимать именно ее? Противный внутренний голос тут же подсказал: потому что ты выглядишь глупее всех. В идиотском наряде с приклеенным носом, который того и гляди отвалится, и с макияжем девочки-подростка, дорвавшегося до маминой косметики.

Марине было достаточно того, что дети радуются. Они визжали от восторга, пытались схватить паучков на ее юбке и убегали, заливисто смеясь, когда она гналась за ними.

А что подумает мужик, заявившийся на детский праздник в таком виде, словно приехал на похороны какого-то мафиози, ей было все равно.

Марина очень старалась не смотреть на него. Но даже пары взглядов хватило на то, чтобы его образ отпечатался на подкорке. Высокий. Даже издалека. И весь... мощный, что ли. Марина не знала, какое слово подобрать, но от него веяло силой и уверенностью. Успехом и богатством. И чем-то очень мрачным.

Она не знала, как это объяснить... Было ли дело в его внешнем виде, или в той ауре, которая словно накрыла всех с головой? Просто от него исходили волны мощнейшей энергетики. Раньше она не особо верила в подобные вещи. Наверное потому, что не встречала человека, который одним своим присутствием смог взбудоражить всех вокруг.

Он весь был в черном. Черные брюки, черная водолазка, черный пиджак. Даже на вид его одежда казалась безумно дорогой. На плечах блестела водяная пыль – туманная морось осела на ткань пиджака и таинственно мерцала. У него была смуглая кожа, и почему-то Марина была уверена, что это не загар.

Тонкие губы, прямой широкий нос и выдающийся вперед подбородок. В черной щетине, от которой его лицо казалось мрачным и злым, проступала серебристая седина. Модная стрижка с выбритыми висками и откинутыми на макушку длинными темными прядями делала его похожим на... на того, кому закон не писан.

Марина не удивилась бы, проводи он ночь сразу с обеими воспитательницами. Они бы вряд ли сильно возражали. Скорее даже наоборот, радовались бы возможности запрыгнуть к нему в постель.

От неприятных картин, ставших перед глазами, захотелось поежиться. Как ни пыталась сосредоточиться, не могла прогнать из головы дурацкие образы того, как Яна и Лена выделяют с ним все те вещи, которые она подсмотрела в порно.

Боже... да за что ей это наваждение?! Марина заставляла себя сосредоточиться на детях и своей роли. Но из головы не шел его темный сосредоточенный взгляд. Она ЧУВСТВОВАЛА его на себе.

Наверное, это просто желание понравиться ему. Понравиться такому мужчине... Да, этого бы хотела каждая женщина. Он привлекал к себе внимание. Притягивал, как магнитом. Вокруг него клубились ядовитая чернота и сила. Наверное именно так выглядели древние захватчики, стирающие с лица земли королевства. Было легко представить его с мечом, по колено в человеческой крови.

Марина едва не хлопнула себя ладонью по лбу. Лучше бы отбросить эти ужасные мысли куда подальше! Она точно не из тех, кто сможет обратить на себя внимание такого мужчины. Скорее всего, он с трудом сдерживается, чтобы не расхохотаться, видя все это. А иначе, зачем тогда снимает? Для таких как он, происходящее – повод посмеяться и поиздеваться над людьми, которым не повезло быть хозяевами жизни.

Наверное, ей просто казалось, что телефон все время направлен на нее. А на самом деле он выбирал, с кем сегодня проведет ночь: с Яной или Леной. Или будет хвастать друзьям, что сумел поиметь обеих разом.

Фу, ну вот о чем она думает? О чем?! Для него такое явно не в новинку. Он казался намного старше нее и уж явно намного опытнее. Марина не могла сказать точно, но на вид ему было лет сорок. С его-то деньжищами, наверняка мог себе позволить развлекаться не только с двумя.

Марина старалась дышать глубоко и ровно. Она привыкла, что никто никогда не обращал на нее внимание. Она была невидимкой. Особенно, для мужчин. Для успешных и уверенных в себе мужчин она осталась бы незаметной, даже спляши голой! Так смысл переживать из-за того, что он может над ней посмеяться или вообще посчитать уродкой, увидев рану, с которой пришлось снять лейкопластырь? Она такая, какая есть. И ей все равно, если этот темный и мрачный богач, от которого за версту веет опасностью и угрозой, посчитает ее смешной.

Мысленно пожелав Яне и Лене удачи, Марина постаралась полностью отдалиться своей роли. В конце концов, она была уверена, что завтра станут известны душещипательные подробности бурной ночи, а значит, такой мужчина не стоит и десятой части ее мыслей.

Но почему он ее снимает?! Или все-таки кажется?

Спасибо Славе – отвлек от сумбура, творящегося в голове. Еще бы не пытался с ней флиртовать, вообще было бы замечательно! Марина никак не могла понять, что ему от нее нужно. Он был сыном директрисы и, обычно, держался ото всех очень обособленно. Директриса звала его, если нужно было починить компьютер или что-то прибить-просверлить. Денег на рабочих не хватало, Георгий Иванович был слишком старым, а Слава с легкостью справлялся со всеми поручениями.

В этот раз он согласился сыграть роль Кощея. Как-то так сложилось, что из всех работников детдома больше всего он общался именно с Мариной. И ее это немного удивляло. Что он вдруг к ней так прицепился? Она не питала иллюзий насчет своей внешности и понимала, то не может ему нравиться. Слава был довольно привлекательным, даже красивым. Что он нашел именно в ней – Марина не знала.

Более того, где-то в глубине души она его... опасалась. Было в нем что-то такое, что ее настораживало. Но сейчас она была безумно ему благодарна. Если бы еще не выдавал свои дурацкие комплименты и не пытался к ней прикоснуться! Чужие прикосновения ее безумно раздражали. Наверное, стоило поблагодарить родителей, из-за которых она стала такой нелюдимиой и дикой.

Слава постоянно торчал рядом, раздражал своими попытками потрогать ее волосы и рассмотреть свежие проколы в ухе. Но хотя бы не давал сбиться на мысли о странном госте, который продолжал буравить ее взглядом.

В какой-то момент Марине показалось, что он собирается подойти к ней. Сделал несколько шагов, но вдруг остановился, словно натолкнувшись на невидимое препятствие. Марина снова скосила глаза в его сторону. Ох, ну точно заработает косоглазие. Кажется, он на что-то сердит. Даже раздражен.

Слава опять полез к ее волосам, и Марина с трудом сдержалась, чтобы не ударить его по руке. Им приходилось ждать завершения конкурсов, которые проводила Лена, нарядившаяся Василисой. Вот кто не забывал бросать в сторону гостя зазывные взгляды.

А Марина была вынуждена торчать в углу. Паша выпрашивал разрешения «полечить ее рану», от громкой музыки и детских криков начинала болеть голова, а Слава стоял настолько близко, что Марина чувствовала запах его сигарет.

Наконец, все задания были выполнены, и она со вздохом облегчения вырвалась из ловушки двух стен и Славиной груди. Марина повела «освобожденных» пленников к остальным и начала раздавать листья, на которые потратила всю неделю. Отдав детям, она поддалась странному порыву, и принялась вручать оставшиеся воспитателям, директрисе и...

Что-то заставило сделать шаг в его сторону. Теперь Марина уже не сомневалась: он снимал именно ее. Почему? Что такого интересного он увидел? Ее безобразную рану? Или его забавляло то, что она все время цеплялась ногами за подол слишком длинной юбки? Он даже не пытался убрать телефон, когда она подошла ближе и протянула ему листочек.

Она достала его наугад. И почему-то даже не удивилась, что попался самый темный и «кровавый» из всех. Только сейчас Марина позволила себе взглянуть на него прямо. Оторвала взгляд от «глаза» камеры и посмотрела в его глаза. Ее тут же бросило в жар, а руки предательски задрожали. Вблизи он казался еще больше. И если сначала она почувствовала витающую вокруг него угрозу, то сейчас ее погребло под волной силы, исходящей от него. Он источал вокруг себя ауру власти и могущества. Опасности. Уверенности. И чего-то по-настоящему дикого, животного и необузданного.

А еще он казался загадкой. Тайной, которую не постигнуть никому. Ни одной живой душе. На что бы она пошла ради возможности узнать хоть один, маленький его секрет?

Но она точно не была той девушкой, которую такие мужчины посвящают в свои тайны. Она не знала, кем надо быть, чтобы заинтересовать такого, как ОН. Не знала КАКОЙ надо быть. Да и в любом случае, у нее это не получилось бы.

Все, что она могла делать, это вести себя как обычно и забыть про него. Про его въедающийся в душу взгляд. Его глаза были... оранжевыми. Кажется, они даже светились в сумраке просторного зала и освещали его намного лучше двух оставшихся «в живых» ламп.

В его лице не было приторной смазливости или модной сейчас выхолощенности. Он был мужчиной. На тысячу процентов. Настоящим мужчиной, который никогда, НИКОГДА! не обратит внимание на девушку, вроде нее.

Марина набрала в грудь побольше воздуха и заставила себя выговорить:

– Вам тоже. Чтобы желания исполнились.

Он посмотрел на нее так, словно она сделала что-то безумное. Ненормальное. Марина ожидала, что он не возьмет, но он протянул руку и ухватился за бумажный листок. Так получилось, что именно этот, бордовый, она хотела оставить себе. Когда раскрашивала, представляла себя героиней десятков романов, которые прочитала, и отчаянно надеялась, что ее ждет такая же, полная приключений и любви, жизнь. Нечаянно забросила его вместе с остальными листьями, и только перед самым началом праздника обнаружила. Глупо было верить в историю с желаниями, которую же сама и придумала, но как иначе жить? Как справляться со всеми неприятностями, если не верить, что все получится?

Сейчас уже было поздно что-либо менять и брать другой листочек. Главное, что незнакомец его взял и не поставил ее в дурацкое положение перед всеми. Она поспешила отдернуть

руку, чтобы он не дай бог не подумал, что она надеется привлечь его внимание, как случилось что-то очень странное.

Ей не могло показаться! Он потянулся к ней. Попытался прикоснуться, дотронуться пальцами до ее руки. Марину прошибло жаром, в грудь впились тысячи раскаленных пылающих игл. Его горячая сухая кожа обожгла. Шершавые пальцы требовательно прошли по ее костяшкам. В какой-то миг ей показалось, что сейчас он схватит ее за руку. И неожиданная, почти восторженная радость от этого, напугала не меньше его горящего оранжевого взгляда.

Марина едва не вскрикнула, когда его горячие пальцы заскользили выше. Казалось, что его кожа горит. Лихорадкой. Огнем. Безумием.

Она отдернула руку, когда его пальцы почти сомкнулись вокруг ее ладони. Кольцо съехало, и Марина судорожно прижала раскаленный металл к коже. Кажется, кольцо плавилось, испробовав нереального жара его кожи. Стоит себя возненавидеть за то, что теперь этот кусочек металла внезапно стал для нее самым дорогим украшением. Просто потому что этот страшный пугающий незнакомец коснулся его.

Марина перешла к Георгию Ивановичу. Вот кто всегда был рад ее видеть. И не смотрел на нее с таким гневом и яростью. В какой-то момент мужчина выдохнул, и этот звук был пугающе похож на грозный звериный рык. Но Марина сдержалась – не обернулась.

Георгий Иванович радовался листку, как ребенок и, не переставая, хвалил ее. Марина с благодарностью улыбнулась ему и вернулась к детям.

Лена с Яной спорили, кому отводить детей в столовую, а директриса, уже направлялась к гостю.

– Слушай, ты реально надеешься, что сможешь зацепить его? – Лена шипела так, что не услышал бы только глухой. – Просто отойди в сторону. Я свой шанс больше не упущу.

– Думаешь, что сможешь удивить его своим силиконом?

– Яна... он на тебя даже бухим не посмотрит. А со мной уже ночью окажется в постели. Я пришлю тебе фотку, чтобы обидно не было.

Марина прикусила язык, и тут же поймала на себе разъяренный взгляд Лены:

– А ты-то что смотришь? Тоже думаешь урвать кусок от миллиардера?

Яна хмыкнула:

– Наша Мариночка, как знала: подготовилась. Видишь, какая красивая? Всех шлюх за пояс заткнула.

Марина знала, в чем причина такой неприязни. Яна метила на Славу, а он оставался равнодушным к ней и к ее груди.

Лена тут же забыла о вражде с Яной и поддакнула:

– Оказывается, в тихом омуте черти водятся. Мы-то все думали, что Мариночка – скромная девочка. Славику не дала. А она просто пыталась рыбку покрупнее поймать.

Марина улыбнулась, испытывая огромное желание расцарапать обеими лицами:

– Что вы? Уступаю женщинам постарше. Даже совет дам: объедините усилия. Вдвоем у вас точно будет больше шансов. Да и секс втроем его больше возбудит, чем старушечьи трусы и надувная грудь. А я детей в столовую отведу, вы не переживайте.

Лица у обеих побагровели так, словно они разом забыли, как дышать.

Марина улыбнулась еще шире, едва не застонав от боли в щеке.

Не дав ни одной, ни второй опомниться, Марина заботливо поинтересовалась:

– Ой, а что вы обе такие красные? Проблемы с давлением? У женщин в возрасте такое бывает.

Она быстро отвернулась, понимая, что только что нажила двух «врагинь», и начала строить детей.

Громкий окрик директрисы заставил вздрогнуть.

– Марина!.. – Тамара Юрьевна смотрела на Марину и сурово хмурилась. То ли ее отчество пыталась вспомнить, то ли сердилась за что-то. – ...Витальевна! – Ага, все-таки отчество. – Подойди-ка к нам.

По телу пробежала дрожь. Директриса стояла рядом с Георгием Ивановичем и незнакомцем, который... плотоядно ухмылялся, глядя прямо на Марину. И в его ухмылке не было ничего доброго. Скорее, звериный оскал хищника, почуявшего скорую смерть добычи.

В спину полетело гневное шипение, но Марина была слишком занята попытками дойти не спотыкаясь, чтобы обращать внимание на недовольство двух мегер.

С каждым шагом ей казалось, что она ступает на скрипучую ступеньку эшафота. Выше, выше, еще выше, и вот уже помост, на котором палач одним только взглядом затягивает петлю на ее шее.

Марина подошла к директрисе, чувствуя, что тонет в подавляющей ауре незнакомца, пожирающего ее взглядом. Еще немного, и от нее останутся одни только обглоданные косточки. Он, не стеснясь, рассматривал ее шрам, губы, глаза. Может, губная смазалась? Или тени? Или он ни разу не видел таких ран?

Господи, она уже не знала, что думать. Вот только его взгляд становился все более мрачным и тяжелым. Марина будто тонула в черном тумане. Делала шаг на ощупь, а в темноте был он...

– Дагмар Ро... Ро... – Директриса недовольно поджала губы.

И тут низкий хриплый голос, раскатистый и тягучий, пророкотал:

– Просто Дагмар. – Его глаза сверкнули, и Марина вздрогнула всем телом.

Не удержалась и сглотнула, а его взгляд, бешеный и хищный, замер на ее шее. Он прищурился, и показалось, что оранжевое пламя выплеснулось из радужек. Мед! Его глаза напоминали густой темный мед, глянцево блестящий на солнце. Красиво, но жутко.

– Да... – Директриса прочистила горло и смерила Марину сердитым взглядом. – Так вот... господин Дагмар хочет, чтобы ты провела экскурсию по детдому. Он хочет, чтобы ты показала... хм... что именно здесь нуждается в ремонте.

Марина не сразу поняла, о чем говорит директриса. Экскурсия по детдому? Почему именно она? Что ему еще от нее надо? Мало наснимал? Хочет еще поиздеваться?

Марина нарочно проигнорировала его. Дагмар. Непривычное имя, вышедшее из средневековья. Но что-то другое ему, наверное, и не подошло бы. Появилось странное желание произнести его имя вслух. Узнать, как оно звучит, срываясь с ее губ.

Дагмар... Это имя нужно произносить совсем в другой обстановке. Оставшись с ним наедине и устало шепча в мужские губы, умоляя о ласках, которых жаждут... шлюхи, но никак не приличные затюканные родителями девушки.

Ее снова бросило в жар. Кровь прилила к щекам, а грудь болезненно заныла. Он резко дернул головой, подаваясь ей навстречу и... принялся? Марина снова сглотнула. Боже, да у нее же на лице наверняка написано, как он на нее действует.

Марина упрямо вздернула подбородок и нарочно отвернулась от него. Будет лучше, если она не сможет его видеть.

– Я же здесь еще ничего не знаю. Как я могу что-то показывать?

Директриса довольно улыбнулась, но тут же взяла себя в руки. Кажется, Марина ответила правильно. Вот только ей было все равно, разозлится Тамара Юрьевна или нет. Она просто боялась оставаться наедине с Дагмаром... От его имени кровь странным образом нагревалась в венах. Что ему от нее нужно?

– Марина Витальевна у нас новенькая. Она здесь недавно и многого не знает... Я же директор. Я смогу лучше обрисовать реальное положение дел.

Марина не удержалась и посмотрела на незнакомца. На Дагмара. Даже мысленно произнесенное, его имя заставляло ее дрожать от странного волнения и какого-то болезненного пред-

вкушения. Он смотрел на нее. Тяжело. Хищно. Предчувствие чего-то нереального застряло в груди тяжелым камнем. Марина знала точно: что-то должно случиться. Должно произойти.

Его взгляд медленно и угрожающе скользнул по ней, задерживаясь сначала на губах, с которых вдруг захотелось стереть вызывающе алую помаду, потом на горле, а после опустился на грудь. Стало совсем уж не по себе. Он рассматривал ее так... пренебрежительно и тщательно, словно размышлял, достойна ли она чести ползать перед ним на коленях.

Его губы презрительно кривились. Один уголок поднимался, словно он ожидал увидеть что-то лучшее. Марина тут же ощутила себя рабыней на невольничьем рынке. Ощущение было очень похожим на те, которые описывали в книгах. И пусть она понимала, что мешает авторскую выдумку с реальной жизнью, все равно не могла избавиться от мерзкого ощущения.

Начало казаться, что своим взглядом он медленно сдирает с нее одежду. Чувство было таким, словно она стоит перед ним совершенно голой, открытой, доступной. Выставленная напоказ. Уязвимая и беззащитная. А он продолжает придирчиво осматривать каждый сантиметр ее тела и, что самое главное – души, решая, подойдет ему такая наложница или нет.

В его глазах мерцали искры, и Марина была уверена, что мысленно, он уже придумал для нее что-то плохое. Какое-то унижение. Или что-то обидное. Она лишь ждала момента, когда он начнет издеваться.

Одежда сковывала и раздражала кожу, превращаясь в пыточное орудие. Рана на щеке ныла, проколы в ухе пульсировали, а дышать с каждой секундой становилось все труднее и труднее.

Затянувшееся молчание прервала директриса:

– Возможно...

Тонкие губы изогнулись в мрачную ухмылку:

– Возможно, вам следует делать все, что я требую и стараться угодить мне любым способом. От меня зависит, получите вы деньги или нет. От меня зависит, сохраните ли вы свое насиженное место. От меня зависит сможете ли вы вообще где-то работать не только в нашей стране, но и за ее пределами.

Он говорил медленно, растягивая слова. В хриплом низком голосе слышалось столько власти и самоуверенности, что не оставалось никаких сомнений: он привык, чтобы ему подчинялись. Во всем. Чтобы исполняли малейшую прихоть. Он явно ни во что не ставит тех, кто не может похвастаться миллионами. Наверняка, воспринимает всех людей по их заработку и положению.

И то, что он может помочь детдому, никак его не оправдывает. Марина была уверена, что он воспринимает их всех, как свой личный крепостной театр: все будут плясать под его дудку и делать то, что он прикажет, лишь бы не вызвать гнев барина.

Директриса быстро закивала:

– Конечно-конечно! Мы все сделаем, как вы скажете. Мариночка проведет для вас экскурсию, покажет, какие помещения прежде всего нуждаются в ремонте...

Он перебил, произнося с непривычным акцентом и глядя прямо на Марину:

– Идемте, Мариночка... – Очередная издевательская ухмылка изогнула его губы. – Я хочу здесь все тщательно осмотреть.

Марина приросла к полу. Не могла пошевелиться, скованная страхом и предчувствием неотвратимой беды.

Она покачала головой и, молясь, чтобы голос звучал ровно и не дрожал, произнесла:

– В самом деле, лучше, если пойдет Тамара Юрьевна. Я до сих пор плохо ориентируюсь здесь...

Он и ей не дал договорить. Сильные пальцы сомкнулись на ее локте, даже сквозь одежду обжигая жаром прикосновения. Он с такой силой впился в ее кожу, что Марина поморщилась от легкой боли. Попыталась выдернуть руку, но он сжал еще сильнее.

Опять ухмыльнулся, словно прекрасно знал, что оставляет на ее коже синяки, но стремился сделать их еще темнее.

– Не переживайте. Я хорошо здесь ориентируюсь и не дам вам потеряться.

В его словах звучала неприкрытая угроза. Марина не понимала, чего ожидать, но чувствовала, что нельзя оставаться с ним наедине. Кем бы ни был этот человек, его нужно опасаться. И держаться от него, как можно дальше. Даже ее скромного опыта общения с людьми хватало, чтобы понять это.

Он почти потащил ее за собой, и Марина не выдержала. Снова дернула рукой, пытаясь вырваться из цепкой хватки. Его длинные сильные пальцы впивались в нее, как звериные когти. Такое впечатление, что одежда плавилась от жара его кожи. По ее руке расползлось пламя, которое перетекало в грудь и живот. Внутри все начинало неумолимо гореть.

– Я могу сама идти. Необязательно меня... вести.

Они уже дошли до двери, и в этот момент Марина осмелилась поднять голову и посмотреть на его лицо. Боже... Он смотрел на нее с такой ненавистью и неприязнью, что хотелось спрятаться. Она вдруг осознала, насколько сильно он был крупнее и выше ее, насколько мощнее. Казалось, что как только они выйдут наружу, то он набросится на нее и просто раздерет на куски.

Он наклонился к ней и тихо хрипло прорычал:

– Командую здесь я. А вы делаете все, что я говорю.

Он произнес это так, что отпало всякое желание спорить и сопротивляться. Лишь бы в живых оставил! Почему-то Марина уже не сомневалась, что он решил с ней разделаться. Может, он маньяк? Серийный убийца! А она чем-то ему напомнила его жертв. И что теперь делать?

Он отворил дверь, едва ли не срывая ее с петель. Марина бросила взгляд в сторону Лены и Яны, замерших возле детей. Они смотрели на нее с не меньшей ненавистью, чем этот чокнутый миллиардер. Ну и чего вы стоите, дуры? Вот же, ваш пропуск в богатую жизнь! Уходит прямо у вас из-под носа. Остановите его! Сделайте что-нибудь!

Маньяк толкнул ее вперед, в мрачный коридор, расписанный потемневшими от времени фресками. Каждый раз, когда смотрела на них, Марина представляла, что она – принцесса, попавшая в замок, где ее ждут любовь и приключения. Сейчас же ее трясло от страха и ужаса.

Маньяк перехватил ее взгляд, направленный на двух неудавшихся соблазнительниц, и мрачно усмехнулся. В этом звуке было что-то настолько животное, что на какой-то миг Марина усомнилась в сохранности своего рассудка.

– Действительно считаешь, что секс с ними может меня возбудить? Или сама хочешь попробовать развлечься в большой компании?

У Марины перехватило дыхание. Он слышал... слышал все, что она говорила. Но как? Они стояли на таком расстоянии друг от друга, что она могла говорить громко, и он бы не мог слышать! Но Марина точно помнила, что и она, и Лена с Яной едва ли не шептали.

– Ну? – Он захлопнул дверь и, прищурившись, снова впился в Марину жутким взглядом. – Я жду. Хочешь понаблюдать за тройничком? Или поучаствовать в нем? Четвертой?

Он шагнул к ней, и Марина отступила на шаг, чувствуя, с какой бешеной скоростью колотится сердце. Если она сейчас же не успокоится, то оно выскочит из груди. Марина представила, как этот пугающий маньяк раздирает ее грудную клетку и вынимает окровавленное сердце. Как оно еще несколько раз сокращается прямо в его ладони. А потом он отбрасывает его на пол.

Видение было настолько реальным и настолько жутким, что ее затошнило.

Не придумав ничего лучше, она помотала головой так яростно, что волосы скользнули по раненой щеке:

– Понятия не имею, о чем вы говорите...

Он неумолимо надвигался, но внезапно остановился и дернул головой в сторону двери, словно прислушивался.

– Здесь нам помешают. Начнем экскурсию. – Он шагнул к Марине.

Напуганная тем, что он опять может схватить ее, и тогда ей точно не вырваться, Марина отшатнулась. Но он не сделал попытки снова коснуться ее. Наоборот, заложил руки в карманы брюк и кивком подбородка указал вперед.

– Идем.

Марина отчаянно цеплялась за возможность сбежать.

Путаясь в подоле юбки и пытаясь удержаться на дрожащих от страха коленях, нервно проговорила:

– Вам лучше попросить Тамару Юрьевну... или кого-нибудь из других воспитательниц... Я...

Он не дал договорить:

– Плохо ориентируешься здесь. Я слышал. А вот ты, похоже, была невнимательна.

Марина подпрыгнула, когда почувствовала сзади на шее его ладонь. Он сжал пальцами основание ее шеи, словно она была марионеткой, и заставил повернуть к двери в самом конце коридора.

Марина попыталась вырваться, но его пальцы уже знакомо вонзились в кожу. По всему телу побежали мурашки. Сначала бросило в жар, а потом в ледяной холод. Было так страшно, что перехватило дыхание.

Она ощутила, как с каждым шагом расстояние между ними сокращалось. И вот уже его грудь касается ее спины. Марина вздрогнула всем телом. Ощущение, словно ее ударило током. Причем разрядом такой силы, что кожа моментально обуглилась. Спину покалывало и между лопаток, кажется, скатилась капелька пота.

Он протянул руку из-за ее спины и открыл дверь, заставляя Марину войти в крошечное помещение с убегающей вверх лестницей.

Дар речи, наконец, вернулся, и Марина слабо запротестовала:

– Отпустите меня! Что вы себе позволяете?

Он тихо угрожающе рассмеялся. И этот смех тоже был похож на животный. Урчание зверя, который настроен поиграть с добычей. Ну и глупость! Откуда эти мысли вообще берутся? Какой-то бред лезет в голову.

Неожиданно он развернул ее к себе лицом и отпустил.

– Сколько тебе лет?

Это был последний вопрос, которого она ожидала. Что вообще происходит?

Чтобы смотреть ему в лицо, приходилось высоко задирать голову, откидывать едва ли не на спину. Рядом с его мощной угрожающей фигурой Марина остро чувствовала свою незащищенность и уязвимость.

Она была слишком маленькой и не смогла бы дать отпор, даже если бы сильно захотела.

– А вам какая разница?

– Похоже, ты еще не поняла... я объясню, но только один раз. В этом городе все подчиняется мне. Все работают на меня. Все зависят от меня. Я делаю что хочу и когда хочу. И если я прикажу тебе раздеться, выйти голой на площадь и развлекать меня, то ты разденешься, пойдешь на площадь и будешь стараться мне угодить. Потому что в противном случае, у тебя и всех, кого ты знаешь, будет много очень серьезных и неприятных проблем. А теперь я повторяю еще раз: сколько тебе лет?

Он точно сумасшедший... Чокнутый! Псих! Вот только говорил слишком уверенно и без тени сомнения в своей правоте. А что если так и есть? Что если каждое сказанное им слово – правда? Нет, не может такого быть. Так ведь не бывает. Или бывает?

Все происходящее казалось абсурдом. Может, действительно началось заражение? И то, что она сейчас видит и слышит, – лишь галлюцинации. Зря она не пошла к врачу.

Он смотрел на нее, выжидательно подняв бровь. Нельзя, нельзя тыкать палкой спящего медведя, но какое-то внутреннее упрямство, заставляло сопротивляться этому психу.

Родители уже пытались ее запугать и навечно запереть в четырех стенах. Чего добивается этот маньяк, ей неизвестно, но она больше ни у кого не пойдет на поводу.

– Если вы такой всемогущий, как говорите, то узнайте мой возраст сами, раз вам так интересно.

Он наклонился к ее раненой щеке и... понюхал? Марина вздрогнула всем телом, невольно подаваясь ему навстречу. Чертов маньяк тихо рассмеялся и снова втянул воздух рядом с ее щекой.

– Глупенькая... Это для твоего же блага.

Его близость пугала и завораживала одновременно. Еще ни один мужчина, не был к ней настолько близко. Даже Слава с его навязчивыми попытками прикоснуться. Но сейчас все было иначе. Дагмар... Его имя вплыло в мозг густым туманом. Дагмар заполнил собой все пространство тесной коморки. Он нависал над ней огромной черной скалой. От него исходил аромат дождливого леса.

Свежий терпкий запах земли, влажной коры и мха, опавших листьев и костра. Тот неповторимый запах сжигаемых сухих листьев. Какая-то непостижимая, но приятная горечь.

Марина поняла, что изо всех сил впитывает его в себя. Аромат был невероятным. Как будто она разом перенеслась в мрачный и таинственный темный лес. Где-то рядом ее избушка. Не страшно, что ее найдут родители и что она навсегда останется изуродованной.

– Что для моего блага? – Голос звучал слабо и прерывисто. Марина боялась еще сильнее разъярить монстра и совершенно не понимала, как себя с ним вести.

Он улыбнулся.

– Только твое несовершеннолетие останавливает меня от того, что я хочу сделать.

До Марины с трудом дошло, о чем он говорит. Считает ее несовершеннолетней? Сколько ей лет по его мнению?! Да, она выглядела слишком маленькой и даже хрупкой, но...

– Что вы хотите сделать?

Он немного отстранился, позволяя ей наконец свободно вздохнуть.

– Расскажу во всех подробностях. Тебе понравится. – Неожиданно он коснулся ее щеки, провел пальцем обжигающую линию рядом с раной. – Кто это сделал?

Лучше бы он к ней не прикасался. Ощущение кожи к коже было до боли острым и неприятным. Как будто ее облили кипятком и теперь раздирают вспухшие волдыри.

Марина заставила себя отойти назад. Уперлась спиной в стену, но все равно была недостаточно далеко от него.

– Вы хотели экскурсию.

Она не ожидала, что подействует, но Дагмар отодвинулся. Словно говорил сам с собой, опять окинул ее раздевающим взглядом и пророкотал:

– Упрямая... мне нравится. Поднимайся. – Он указал подбородком на крутую деревянную лестницу, убегаящую вверх. – И сними этот нос.

Не смотря на страх, Марина снова хотела воспротивиться его приказу. Просто из вредности. Из желания сопротивляться всем, кто думает, что может ей указывать. Но рука сама потянулась к картонному носу, удерживаемому тонкой ниткой. Ей хотелось знать... хотелось знать, что Дагмар о ней подумает. Может ли она хоть немного понравиться ТАКОМУ мужчине. И тут же внутренний голос обрел силу. Какому? Маньяку и, скорее всего, извращенцу? Тому, кто за пару минут несколько раз ее схватил и сказал, что весь город принадлежит ему?

Но поздно было уже останавливаться, и Марина сдернула нос. Глаза Дагмара вспыхнули. По-настоящему. Как будто внутри за ними зажглись два костра.

Но самым странным было то, что он... зарычал. Звук шел из самого горла, низкий, утробный и совершенно звериный.

– Послушная... Люблю послушных...

От этих слов внутри взвился молчаливый протест. Сразу же подумалось, сколько таких вот послушных у него было. Наверняка, десятки. Десятки, готовых выполнять любое требование этого маньяка.

Марина отодвинулась и быстро взошла на деревянную ступеньку, тут же жалобно заскрипевшую.

– Тогда не понимаю, что вы тут забыли, если ищите... «послушных». – Марина обернулась, но наступила на собственный подол, и едва не упала.

Сильные ладони обхватил ее талию и притянули к широкой твердой груди.

Марина задохнулась от неожиданности и того, как сильно он ее прижал. Огромный, горячий настолько, что от него исходил жар. Опаляющий и заставляющий ее щеки предательски краснеть. А еще он был слишком твердым. Одна сплошная сталь.

Марина попыталась вырваться, испугавшись странной истомы, разлившейся по всему телу. Грудь налилась тяжестью, а в сосках сосредоточилась вся боль, какая только была в ее теле. Она пульсировала огнем, сжигала, и хотелось сжать грудь, чтобы хоть как-то унять это мучение. Соски моментально набухли и теперь терлись о мягкое кружево бюстгалтера. Это было ужасно.

Дагмар развернул ее лицом к себе и прижал к своей груди, словно почувствовал, что с ней творится. Марина мысленно зашептала молитву. Хоть бы он не понял, что происходит! Он ведь не может прочесть по ее лицу? Не может догадаться?

Марина едва не застонала. Страх никуда не ушел, но он только обострял ее чувства. Боже, как же хорошо... Грудь прижималась к его груди, соски терлись о кружево, набухали еще сильнее и словно пытались прорвать ткань, чтобы по-настоящему ощутить горячую твердость его мышц.

Все ее инстинкты разом проснулись. Двадцать шесть лет все это копилось, а теперь вырывалось наружу. В самый неподходящий и ужасный момент!

Марина уперлась ладонями в мощные плечи, пытаясь оттолкнуть своего захватчика. Кожу ласкала мягкая ткань его водолазки, а под ней ощущалась нестигаемая накалившаяся до критических температур сталь. Невольно пальцы сжались, ногти цепляли дорогую ткань, и уже непонятно было: она пытается освободиться или хочет продлить сладкие ощущения.

В голове сработал предохранитель. Раздался щелчок. Нет, не щелчок – вибрация. Грудь Дагмара вибрировала от нового рычания. Боже! Это вообще реально – издавать такие звуки?! Он точно ненормальный!

Марина предприняла еще одну попытку отстраниться. На удивление, Дагмар сразу же ее отпустил. Не стал ничего говорить, а лишь подтолкнул вперед.

Нервы были уже на пределе. Еще немного, и лопнут. Кое-как она добралась до верхней ступеньки и открыла простую дверь.

– Я думаю, Тамара Юрьевна имела ввиду не такую экскурсию. – Марина удивленно замерла на пороге, рассматривая небольшое, остро пахнущее пылью, помещение. – Я должна показать вам столовую, кабинеты для занятий и...

Низкий охрипший голос перебил:

– Да, она точно имела ввиду другую экскурсию.

Марина удивленно обернулась. Во его тоне слышалась угроза. Он проглатывал окончания слов, и снова казалось, что это зверь рычит, пытаясь освоить человеческую речь.

Его ладони легли на ее плечи, заскользили по рукам. Марина вздрогнула и дернулась в сторону, но он легко удержал ее. Что вообще происходит? Зачем он ее трогает?

Он навис над ней, подталкивая в центр сумрачной комнатки. Здесь было всего одно окно, да и то узкое, стрельчатое с разноцветными стеклышками, которые складывались в витраж. Но Марина не успела рассмотреть, что на нем было изображено. Видела только мутные цветные блики, лениво скользящие по покрытому царапинами полу.

– Знаешь, что это за место?

Он снова наклонился к ней. Ее лицо овеяло горячее и влажное дыхание Дагмара. Оно пахло мятной свежестью и чем-то еще очень приятным. Настолько, что не смотря на страх, хотелось приподняться на цыпочки, и поймать его губами.

Марина ужаснулась собственных мыслей. Едва увидела его, как в голову лезут всякие глупости.

Она покачала головой, пытаясь вспомнить, о чем он спрашивал. Может, это какой-то экзамен? Проверка, имеет ли она право работать здесь?

– Нет, я тут недавно и еще многого не знаю...

Попытки вырваться из его хватки ничего не дали. Он просто прижал ее еще ближе. Так близко, что ее бедра врезались в его, а в живот вдавилось что-то твердое и горячее.

Мышцы тут же нервно сократились. Расширившимися от ужаса глазами она смотрела в его лицо, а он продолжал улыбаться жуткой опасной улыбкой, ни говоря ни слова. Господи... Он ведь... кажется, он был возбужден! Она ни разу не видела живого возбужденного мужчину и, тем более, не чувствовала, но ошибки быть не могло.

Его улыбка стала еще шире, обнажая крупные белые зубы с непривычно длинными клыками. Словно поняв, что она почувствовала, он толкнулся бедрами в ее живот.

– Это Ведьмина башня... Прадед построил ее для своей любовницы. – На последнем слове он подтолкнул Марину, и ей пришлось сделать шаг назад, пока она не уперлась бедрами в пыльный, грубо сколоченный, стол. – Им нравилось сбегать сюда во время праздников и балов. Пока все веселились, он имел ее здесь.

Теперь уже Марину затрясло по-настоящему. Он точно извращенец! А иначе, зачем говорит ей все это? Она толкнула его со всей силы, но это было все равно, что пытаться сдвинуть скалу.

– Зачем вы это мне говорите? – Голос предательски дрожал, выдавая страх.

Он все-таки отошел. Достал из кармана свой телефон, что-то нажал и небрежно бросил на стол за Марининой спиной.

– Чтобы ты понимала, что тебя ждет.

От его слов в животе заворочался клубок змей. Склизкий шипящий страх отравлял, парализуя конечности. Она даже слова сказать не могла.

А вот он не страдал проблемами с речью. Вздернул подбородок и, уже не улыбаясь, жестко приказал:

– Раздевайся!

Марина облизнула губы, рвано вздохнув от ужаса:

– Что?

– Ты ведь хочешь, чтобы я выделил деньги для детдома? Их придется отработать.

Самое ужасное то, что он не шутил. Невозможно шутить с таким жестким и непримиримым выражением лица.

– Отработать? Вы же... вы говорили, что дадите деньги... просто так...

– Тебе что, пятнадцать лет – «просто так»? Деньги никогда не даются «просто так». – Он жестоко передразнил ее. – Их нужно заслужить. Деньги для детдома придется отрабатывать тебе.

Марина сглотнула. Перед глазами плыло. Казалось, что пауки, которых она так старательно пришивала, ожили и теперь ползут к горлу.

С трудом, но ей удалось разлепить губы:

– Вы шутите? Это такая... проверка?

– Ты еще мало меня знаешь, но скоро поймешь, что я не люблю шутить.

Марина сделала неловкий шаг в сторону, собираясь обойти этого психа.

– Я ухожу отсюда.

Он выбросил руку в сторону, преграждая ей дорогу. Пришлось замереть на месте, если не хотела, чтобы он коснулся ее. Взгляд судорожно метался по башне в поисках выхода или хотя бы чего-то тяжелого, чем можно огреть его по голове.

– Ты все еще не поняла, Марина-а-а... – Он произнес ее имя с необычным акцентом. Кожа опять покрылась мурашками, остро реагируя даже на то, как звучит ее имя, срываясь с его губ. – Ты ведь недавно в Логовце, поэтому повторю еще раз. Если я что-то или кого-то хочу, то я это получаю. А хочу я тебя.

Откуда он знает, что она здесь недавно? Кто ему сказал? А что если все его слова о том, что весь город подчиняется ему, – правда? Что если он все-таки не врет?

Марина жадно хватала ртом воздух в последних попытках сохранить рассудок и не впасть в истерику. Может, все дело в ее макияже? Да, скорее всего...

– Если вы решили, что... что если я так накрашена, то могу согласиться на все, что вы говорите...

– Я решил, что только от тебя зависит, получают эти дети нормальное жилье, или нет. Деньги на детдом в обмен... на твоё послушание.

– Вы хоть понимаете, что говорите? Эти дети... У них вообще ничего нет. И никто им не поможет.

– Вот и помоги им.

– Что вам от меня нужно? Посмотреть на раздетую женщину? Вызовите себе проститутку! Или... или Яну с Леной попросите. – У Марины не было никаких угрызений совести из-за того, что подставляет двух зубоскалок. Похоже, что он слышал весь разговор, и прекрасно знает, как подействовал на них. А ей за себя бояться надо, а не за двух куриц, которые ненавидят ее и мечтают оказаться на ее месте.

– Не провоцируй меня. – Он навис над ней, хлопнув ладонями по столу по обеим сторонам от ее бедер. – Я просить дважды не буду. Ты сама делаешь то, что я говорю. Или я заставляю. И тебе это очень не понравится. Поверь.

Он снова обнажил зубы, и взгляд сам собой остановился на жутких клыках. На секунду почудилось, что он наклоняется и вгрызается в ее горло зубами. Откуда-то Марина знала: он не шутит. Чертов псих говорит на полном серьезе!

Ему нужно, чтобы она разделась? Ладно, она разделется. Придумает, как его отвлечь и сбежит. Только бы не нависал над ней больше. Не обжигал кожу адским жаром и не дурманил мозг мятным дыханием.

Марина ощущала себя глупым зверенышем, попавшим в ловушку матерого хищника.

Дрожащими руками она скинула с плеч безрукавку.

ГЛАВА 6. МЕДВЕДЬ И ВЕДЬМЫ

Он смотрел на нее диким взглядом. Безумным. Взглядом сумасшедшего. Теперь Марина видела это точно. Ей не сбежать. Может, закричать? Но вряд ли тут кто-то услышит.

Негнушима пальцами Марина взялась за кофту. Звериный рык овеял раненую щеку горячей лаской.

– Быстрее...

Люди так не говорят. Никто так не говорит.

Лучше его не злить, тогда будет хоть какой-то шанс выбраться. Только сейчас она начала в полной мере осознавать, что может произойти. Но почему именно так?! Именно с ней? Она ведь просила так мало...

Дагмар схватился за ворот ее кофточки и одним мощным рывком разорвал ткань. Марина вскрикнула от боли, когда швы впились в кожу. Дыхание перехватило от того, как он дернул ее на себя.

– С остальным тоже помочь? – Он смотрел на нее с неприкрытой ненавистью. Так, словно собирался прямо сейчас убить.

Марина отрицательно покачала головой и потянулась к юбке. Он перехватил ее руки на полпути.

– Сначала его. – Его взгляд замер на бюстгальтере.

Марина прерывисто вздохнула. Слезы страха и унижения подступили к глазам. Не об этом она мечтала. Не так представляла свой первый раз. В книгах, которые она читала, все было иначе. В фантазиях, которые она по кирпичику выстраивала бессонными ночами, все было иначе. В мечтах, которые помогали не сходить с ума, все было иначе.

Марина завела руки назад и впилась взглядом в стену над плечом Дагмара. Главное, думать о другом...

Каждый сантиметр стен был расписан яркими красками. Все детали были выписаны так четко, что рябило в глазах. Или от слез... Ее мечты прямо сейчас рассыпались в прах под подошвой его дорогих туфель. И только человек с головой медведя и длинным копьём был свидетелем.

Заторможенно, чувствуя себя пьяной от паники, Марина спустила с плеч бретельки и одним движением сняла последнюю преграду перед его взглядом.

Чокнутый монстр выдохнул так громко, что Марина невольно перевела взгляд на него. Он смотрел на ее грудь с диким непонятным выражением. Ноздри раздувались от частого дыхания, на щеках играли желваки, и все время дергался кадык, как будто он сглатывал.

От холода соски съежились и затвердели. Тело словно действовало против нее. Грудь опять налилась тяжестью, набухла, будто моля о неизведанных прежде ласках. Соски бесстыдно торчали, как наконечники стрел, нацеленные на Дагмара.

Он облизал губы, и в этом движении было столько голода, что Марина невольно вздрогнула. Грудь подпрыгнула, и чертов извращенец снова зарычал.

– Юбку!.. – Он хрипел так, что Марина едва разобрала.

Бросая взгляды в сторону двери, она взялась за пояс. Ладони Дагмара все еще держали ее в плену, застыв у бедер горячей клеткой. От его тела исходил нереальный жар, и аромат влажного леса становился все сильнее.

Марину раздирали десятки чувств. Ей было до ужаса страшно, и в то же время его запах действовал на нее как наркотик, размывая окружающую действительность. Реакции притуплялись, и все происходящее переставало казаться таким ужасным.

В подсознании билась мысль, что он собирается изнасиловать ее в этой странной жуткой башне, но ей на смену тут же приходила другая: она ведь все равно не сможет ему в этом помешать...

Марина начала стягивать юбку, снова уставившись на стену. Только сейчас она заметила, что человек с головой медведя возвышается над месивом из отрубленных конечностей и окровавленных тел. Но даже в этом была какая-то завораживающая красота. Может, все дело в том, что художник пытался подражать мастерам эпохи Возрождения?

Боже... О чем она думает?! Стоит полураздетая перед психом, у которого неизвестно что в голове, и рассуждает о живописи. Точно мозгами повредила.

Истерический смех застрял в горле. Марина стащила юбку, оставшись в черных ажурных колготках и крошечных трусиках под ними. Взгляд Дагмара стал совсем безумным.

Он шумно сглотнул, рассматривая ее живот, наполовину скрытый узорчатой сетью капрона.

Впервые она разделась перед мужчиной. Впервые кто-то видел ее обнаженной. Марина понимала, что ее тело далеко от совершенства, но Дагмар смотрел так, словно ничего красивее не видел. Это она безошибочно читала в его взгляде. И в том, как по всему его телу прошла дрожь. Ткань пиджака натянулась на напряженных предплечьях, и Марина отчаянно вжалась в стол до боли в ягодицах, но лишь бы быть дальше от него.

Она снова скосила взгляд вниз, на его пах, и едва слышно застонала. Брюки натянул огромный бугор. Да она бы его ладонью не смогла обхватить! Она ни разу не видела мужской орган вживую, но и без этого могла догадаться, что там у него огромная дубина, которая просто порвет ее на части. И кажется, под ее взглядом, он становился еще больше. Как такое вообще возможно?! Ширинка натянулась на плоти, ткань обрисовала все контуры.

Акцент Дагмара стал еще четче, когда он прохрипел:

– Так ты действуешь на меня...

Марина вскинула голову, заглядывая в его медово-оранжевые глаза:

– Но я ничего не делала...

Он неожиданно ласково улыбнулся и как-то даже благоговейно коснулся ее волос:

– Тебе необязательно что-то делать, чтобы я хотел тебя.

Он стащил с ее головы косынку и отвел назад волосы.

Горячее дыхание обволокло проколотое ухо, странным образом успокаивая боль:

– У тебя будут лучшие драгоценности.

Марина с трудом протолкнула влажный воздух в легкие и жалобно попросила:

– Отпустите меня... Я же ничего не умею...

Он прижался губами к ее шее. Кожу обожгло щетиной, которая ощущалась одновременно и мягкой, и колючей.

– Я тебя всему научу. Тебе понравится... Будешь умолять меня не останавливаться и не отпускать тебя.

Он вдруг резко развернул ее спиной к себе и толкнул вперед. Марина тихо вскрикнула от неожиданности и вновь нахлынувшего страха. Пришлось упереться ладонями о стол, чтобы не упасть на него грудью. Что он собирается делать?!

Сильные бедра прижались к ее ягодицам. Он вдавил свою плоть между двух половинок, и на секунду показалось, что капрон колготок плавится от жара его тела. Марина задрожала от ужаса. Дернулась и тут же поняла, что на экране телефона, который он бросил на стол, отражается ее испуганное лицо с лихорадочным румянцем, грудь и даже живот. Он снимал видео! Опять!

Марина потянулась к телефону, собираясь отключить запись и ударить проклятого извращенца его же мобильным.

Но Дагмар грубо схватил ее за волосы и потянул за голову, заставляя запрокинуть голову назад.

Марина всхлипнула:

– Зачем вам все это? Отпустите меня... Я никому ничего не скажу...

Послушался шорох ткани. Звякнула пряжка ремня, и Марина начала отчаянно вырываться.

Касаясь ее уха губами, он отрывисто прохрипел:

– Не вздумай трогать телефон... – Его язык скользнул по уху, смачивая слюной проколы и сережки. Марина задрожала от целой гаммы невероятных ощущений. Страх, непонимание, жар, охвативший все тело. Ей-то и обычные прикосновения были неприятны, а он... Он беззастенчиво лизал ее ухо, и от этого соски набухали еще сильнее, едва не лопааясь от напряжения и боли. Что он делал с ней? Что творил? – Теперь ты моя.

Марина не сразу поняла смысла эти слов... Что значит, теперь она его? Бред какой-то!

Она снова дернулась, пытаясь его оттолкнуть и вырваться из плена между столом и горячим телом, но он сильнее сжал ее волосы и отвесил такой болезненный шлепок по ягодице, что Марина вскрикнула.

– Путите меня! Я буду кричать!

Другой рукой он стиснул ее горло, прижимая голову к своему мощному плечу.

– Не советую этого делать. Тебя никто не услышит... А меня это только разозлит...

Во рту тут же пересохло. Как ей поступить?! Как теперь спастись? Она сглотнула, собираясь все-таки закричать, но тут же забыла, что хотела сделать – его ладонь ласково погладила ее горло.

Задев губами мочку уха, он протянул:

– Как красиво ты глотаешь... В следующий раз будешь глотать мою сперму.

Марина дрожала, как бабочка, припиленная иглой к его твердой груди. Спина горела от нереального жара его кожи. Странное тепло пробиралось в ее тело и оседало свинцовой тяжестью в конечностях.

– Вы больной! Псих!

Он мягко рассмеялся, убрал руку и взялся за резинку ее колготок. Почувствовав долгожданную свободу, Марина предприняла еще одну попытку вырваться на свободу, но он реагировал молниеносно. Схватил ее за локти и нажал ладонью между лопаток.

– Не дергайся, если не хочешь, чтобы я порвал твоё красиво белье.

Он стащил с нее колготки, оставив их на бедрах. Теперь и они сковывали движения.

– М-м-м... Какая ты красивая... – Его ладонь грубо сжала ягодицу и начала ее мять. – Я оплачу самое развратное белье, которое ты выберешь... Будешь меня радовать...

Марина задохнулась от боли, когда он снова отвесил два болезненных шлепка, от которых попка загорелась жаром.

– Вы – извращенец! Отпустите меня! – Собственный голос звучал слабо и хрипло. Она уже едва собирала слова в предложения от испытываемого шока.

Он снова шлепнул. Эхо удара разлилось в тишине невыносимо развратным звуком. Он продолжил мять пылающие огнем ягодицы, прерывисто нашептывая на ухо:

– Это за непослушание. Будешь и дальше дергаться, я решу, что тебе нравится...

– Что вам от меня надо? – От отчаяния по щекам потекли слезы. Она не знала, что еще можно сделать...

– Ты. Мне нужна ты!

Он прижался к ее попке твердой плотью, располагая всю свою огромную длину между ее ягодиц. Он что, собирается изнасиловать ее... туда? Марина заплакала, сходя с ума от паники и боли. Щека опять пылала, а ягодицы... Они горели от какого-то дикого ощущения, которое ее телу начинало нравиться. И это пугало еще больше.

Но самым ужасным было то, как огромный член расположился между ее ягодиц. Кажется, что он обжигал ее кожу расплавленным свинцом. Как будто на нее вылили сначала жидкий металл, а потом и воск. Кожа пылала. Он ведь не должен быть таким горячим? Почему так жжет?! Неожиданно вся его толстая длина пришла в движение. Он поднимался и опускался между половинок ее попки, натирая кожу.

Ягодицы горели, но она отчаянно молилась, чтобы он не решился на большее. Если этого будет достаточно, она потерпит...

Неожиданно он прижал ладонь к ее губам и приказал:

– Оближи! Быстро! – Его голос стал еще ниже, превратившись в неразборчивое рычание.

Теперь она уже не сомневалась: он маньяк! Член двигался все быстрее, словно поршень, вбивая Марину в край стола. Волосы в его паху царапали, усиливая агонию. Кажется, что он просто поднес огромный факел к ее спине и поджигал все, что было ниже поясницы.

– Ну же... – Он потер ладонью о ее губы.

Стараясь его не злить, Марина робко коснулась языком солоноватой шершавой кожи. Он застонал и простонал:

– Еще...

От его жетских и грубых движений грудь тряслась и дрожала, губы прижимались к его ладони, а на экране телефона отражалось все происходящее. Марина зажмурилась, чтобы не смотреть на грязное видео, которое он снимал.

С трудом дыша, она несколько раз лизнула его мозолистую ладонь.

Он резко отдернул руку от ее губ и снова тихо застонал. Марина обернулась, пытаясь понять, что происходит.

Он тоже облизывал свою ладонь. Скользил языком по тем же местам, которых касалась она. Поймав ее взгляд своими пылающими глазами, он улыбнулся дикой развратной улыбкой.

– Знала бы ты, насколько вкусная...

Он опустил ладонь и растер теплую влагу по расщелинке между ее ягодиц, перестав двигаться и давая ей долгожданную передышку от боли. И тут же скольжение возобновилось, став быстрее. Вот зачем он это делал...

С губ сорвался потрясенный вздох, когда она увидела багровую влажную головку его члена.

– Нравится?

Марина вздернула голову, находя его взгляд. На его лице застыло мучительное выражение. Жилы вздулись, кожа покраснела, как будто он пытался поднять какую-то огромную тяжесть.

Марина отвернулась, молясь, чтобы весь этот кошмар побыстрее закончился.

Его пальцы впились в ее бедра, притягивая к его животу так, что она почти распласталась на нем, ощущая всю длину и твердость его пыточного орудия.

До слуха долетел гортанный шепот:

– Должен тебя пометить... Чтобы все знали, что ты моя...

Это звучало совсем уж дико. Марина зажмурилась, когда его ладони вдруг накрыли ее грудь. Соски тут же вжались в горячую кожу, а зажатый между их телами член стал еще горячее. Но ведь такое невозможно?

Все мысли вылетели из головы, когда на поясницу полилось что-то горячее и вязкое. Влага растекалась по ягодицам, стекала вниз, на прикрытую крошечным клочком черной ткани плоть. Тяжелое рычащее дыхание возле ее уха пугало до дрожи в коленях. Марине казалось, что на нее набросился дикий зверь.

Он кончал и кончал, марая ее собой. Длинные пальцы мяти грудь, а потом нашли соски и сжали их. Марина вздрогнула, невольно прижимаясь еще ближе к его телу. Он начал выкручивать тугие пики в разные стороны, вызывая в ее теле и боль, и какое-то странное чувство, которому она не знала названия.

Вдруг он отстранился и одним движением натянул на нее колготки. Ткань тут же пропиталась его спермой.

Марина задрожала от неприятного ощущения. Какая же она теперь грязная... Морально грязная. Использованная... Еще и то, что он сейчас сделал...

Отвращение к самой себе было такой силы, что окажись под рукой нож, она всадила бы его в себя. Нет, сначала в него, а потом уже в себя. За то что... Ее вины ведь в случившемся не было? Или она сделала что-то, что его спровоцировало? Но что?! Из-за черных теней он принял ее за шлюху? Из-за сережек? Алой помады? Что, что заставило его так о ней думать?

Почему рана его не отпугнула? Если он слышал, как о нем говорят Яна и Лена, почему не позвал их с собой? Или их оставил на закуску?

Позади снова зашелестела ткань. Марина оглянулась. Дагмар застегивал ремень. Его руки дрожали, а движения были рваными и резкими. Вот так все просто? Может, ей стоит порадоваться, что он не пошел дальше?

Он потянулся к телефону, бросив на нее мрачный холодный взгляд. Марина не знала, что делать. Она чувствовала себя опустошенной. Гнилой. Как будто внутри все сожгли, и осталась лишь выжженная земля.

Послышался щелчок снимка, и Марина испуганно вскинула голову. Он фотографировал ее! Почти обнаженную, испачканную его спермой...

– Хочется похвастаться друзьям?

Он убрал телефон и наклонился, поднимая ее юбку и натягивая ей на бедра.

– Одевайся. Будь готова к вечеру. Я заеду за тобой в семь.

Пальцы не слушались. Никак не удавалось застегнуть крючки бюстгалтера, и Марина обессиленно прикрыла грудь рукми. Он и так все видел...

Еще и под рукой ничего нет, чтобы вытереть его чертову сперму с поясницы и ягодиц.

До нее не сразу дошел смысл его слов.

– Что? Заедете за мной?

Он снова приблизился к ней и взял за подбородок, поднимая ее лицо вверх:

– Думаешь, все закончилось? Решила, что теперь я побегу «хвастаться друзьям», как кончал на воспиталку, которую увидел впервые в жизни? Нет, Мари-и-ина... у нас с тобой все только начинается. Я... должен был это сделать. Потом ты поймешь почему.

Она попыталась вырваться из его хватки, впилась ногтями в запястья, оставляя на коже следы ногтей. Мстительное удовлетворение при виде выступивших капелек крови тут же сменилось страхом, как только она осознала его слова.

– Вы больной! Больной псих!

Он сжал челюсти:

– Это было необходимо. Теперь мы будем... узнавать друг друга. – Он убрал руки и, улыбаясь, слизнул каплю крови с кожи. – Одевайся, если не хочешь продолжения. Не могу спокойно смотреть на тебя, когда ты такая...

Его взгляд ощущался, как прикосновение. Горячее жадное прикосновение. Марина нашла силы натянуть одежду, хоть и было до зубного скрежета неприятно ощущать мокрую, липнущую к телу ткань. Она старалась не вспоминать произошедшее несколько минут назад.

Может, Лиля сможет снова наколдовать тот туман, от которого плохо соображала голова, и тогда получится все забыть?

Как он сказал? «Узнавать друг друга»? Что ему еще от нее нужно?!

Марина снова взглянула на стену и молчаливых свидетелей грязи, которая тут творилась. Только сейчас она увидела, что перед мужчиной-медведем на коленях стоит обнаженная женщина. Ее руки были молитвенно сложены, а полный страдания взгляд устремлен на монстра.

– Она благодарна ему... – Марина вздрогнула: Дагмар скользил по ней тяжелым тягучим взглядом, наверняка заметив, куда она смотрела.

Ей было плевать на его мнение. Но внутри все еще жила потребность спорить и не поддаваться, что бы он ни говорил или делал.

– Благодарна? За то, что стоит на горе трупов?

– Нет. – Он как-то жестко ухмыльнулся, подошел к стене и отдернул посеревшую от пыли портьеру. – За то, что спас ее от них.

На огромной картине был нарисован котел, в котором, обнявшись, стояли три дородных женщины. На мужеподобных уродливых лицах застыло выражение счастья. Их беззубые рты щерились в кровожадных улыбках. Марина не сразу поняла, что женщины... ласкают друг друга. Выглядело отвратительно.

Мерзкая картина настолько поглотила ее внимание, что Марина не сразу поняла: все три женщины проткнуты одним копьём, с конца которого стекает кровь. Ее натекла уже огромная лужа, и огромный человекоподобный осел лакал алую жидкость.

По коже прошел озноб. Как будто художник слишком увлекся Шекспиром. И вот эта гадость была «свидетелем» того, что чокнутый извращенец с ней творил.

Самое подходящее место, чтобы быть использованной и облитой грязью.

Марина надела безрукавку на истерзанную кофту и шагнула к выходу. Не успела сделать и пару шагов, как он подскочил к ней и схватил за руку, разворачивая лицом к себе.

– Хватит воротить от меня свой красивый нос! – Он прижал ее к себе. Грудь расплющилась о его каменные мышцы. – Ты теперь принадлежишь мне. Чтобы я больше не видел тебя с тем задротом. Если кто-то к тебе прикоснется, оторву ему руки. И поверь, я об этом узнаю, как бы ты ни пыталась скрыть. А если надумаешь соврать мне... будешь наказана.

Это все какой-то идиотский безумный сон. Кошмар, в котором ее книжные мечты извратились до неузнаваемости.

– Наказана? – Она ожидала, что будет кричать, вопить, впадет в истерику. Но голос оставался тихим. Наверное, сказались годы жизни с родителями, когда она пыталась любыми способами избегать их внимания. – Буду наказана? Просто потому что вам так захотелось? Да кто вы вообще такой, чтобы... чтобы указывать мне?!

Марина приподнялась на цыпочки, чтобы хоть немного сравняться с ним ростом. Ему не запугать ее. Она не будет его бояться, только из-за того, что он выше, сильнее и... и только что едва не изнасиловал ее.

Он толкнул ее к стене, прямо к тому месту, где была нарисована обнаженная девушка. Прижал так, словно хотел раздавить. Как букашку. Такой Марина себя сейчас и ощущала. Слабой букашкой. Вся ее бравада пропала, и только в мозгу настойчиво билась мысль, что она должна сопротивляться.

– Кто я такой? Я – твой хозяин. Ты теперь принадлежишь мне. И только я имею на тебя право. Теперь ясно, кто я такой?

Он смотрел на нее с безумным блеском в глазах. Ноздри гневно раздувались. Грудная клетка поднималась и опускалась от частого горячего дыхания, скользящего по ее лицу.

Марина не сдержалась. Размахнулась и со всех сил, какие только были, дала ему пощечину. Ладонь тут же обожгло болью от соприкосновения с колючей щетиной и твердой челюстью. Вот только... только почему он сам повернул щеку в сторону ее руки и будто ждал удара?

– Вы с ума сошли?! Хозяин? Может еще господин? А я кто? Рабыня? На меня наденут кандалы? – Она прижала запястья друг к другу и выставила руки между их телами. – Мне радоваться, что «хозяин» затащил меня сюда и... и... сделал это?

Его глаза снова вспыхнули. Он перевел взгляд с ее рук на лицо и медленно улыбнулся. И Марина была готова поклясться, что сейчас он представлял на ее руках тяжелые железные оковы. Боже, ну почему она попала на глаза этому психу? Почему их дороги пересеклись?

Он обхватил ее запястья одной рукой, другой оперся о стену возле ее головы. Его кожа опалаяла. На секунду показалось, что она действительно чувствует раскаленный металл.

– Хозяин – мне нравится, как ты это говоришь. – Его улыбка стала еще шире, но вместе с тем опасной и не сулящей ничего хорошего. – Со временем ты поймешь, зачем я «сделал это». Со временем тебе понравится и ты сама будешь просить о повторении.

Неожиданно он наклонился и приблизил свое лицо к ее так сильно, что они соприкоснулись носами. Ароматы мяты и леса снова окружили невидимым коконом. Внутри все скручивалось от нервных спазмов.

– О повторении? Тех гадостей, что вы делали?

Улыбка исчезла с его лица, ноздри гневно раздулись. Марина вжалась в стену, лишь бы быть подальше от него. А что если он решит все повторить? Или... или захочет ее изнасиловать по-настоящему?

Но то, что он сделал... это переходило все границы. Его язык резко вынырнул изо рта и снизу-вверх прошелся по ее ране. Он лизнул ее щеку! Ее начинающую заживать царапину. Шершавый язык, влажный и горячий, очертил каждую впадинку ее раны. Марина тихо вскрикнула. Отстраняться было некуда. Сбежать из его хватки невозможно. Что теперь делать?!

Дагмар отстранился. Он не выглядел смущенным. Он выглядел... довольным. Облизнулся, словно смакуя вкус кровавой корочки и кожицы, затягивающей рану.

Даже прикрыл глаза, как будто от наслаждения.

И снова его голос изменился до неузнаваемости, превратившись в хриплое звериное рычание:

– Теперь должно зажить быстрее.

Он отодвинулся, но выглядело так, будто ему с трудом дается каждое движение. Марина не знала, что делать, что думать. Он пугал на каком-то инстинктивном уровне, подавлял волю. И наверное следовало порадоваться, что... что не изнасиловал ее? Что не расчленил и не съел?

Марина впала в ступор. Не понимала, что делать. Как реагировать.

Дагмар совсем отодвинулся и кивнул на дверь:

– Возвращайся на работу. Вечером я заеду за тобой. Сделаю все правильно. Как и нужно было начать.

Показалось, или последние слова он проговорил для себя? Но Марина не стала размышлять. Пока он не передумал, она юркнула в сторону, отворила дверь и выскользнула наружу.

Она бежала так быстро, как только могла. Заплетающиеся ноги не слушались, колени дрожали. Дыхание сбивалось, и все время казалось, что он идет за ней, крадется следом, чтобы довершить начатое.

Марина стягивала на груди полы безрукавки, чтобы спрятать порванную кофту, а на глаза начали наворачиваться слезы. Почему она пытается скрыть то, что он сделал? Вот же следы, на ней... Нужно сообщить! Кому? И что? Что на нее кончил психически нездоровый миллионер? Или миллиардер? Не зря же он так уверен в своей безнаказанности – наверняка может купить все и всех.

С ней все-таки случилось то, о чем постоянно твердили родители. Он воспользовался ею, как шлюхой. Как он сказал? Позже она поймет? Он должен был так сделать? А теперь сделает все правильно. И еще сказал, что заедет за ней. Но ведь он не может знать, где она живет?! Или может?

Господи... Она совсем запуталась. Почему он не выбрал Лену или Яну? Они бы наверняка только обрадовались! И насиловать ее он не стал, чтобы... чтобы не было доказательств! Наверняка у него не оказалось с собой презерватива, и он не решился рисковать. Но... О чем она вообще думает?!

Марина летела по коридору, напряженно прислушиваясь к каждому звуку. Если ее увидят в таком состоянии... Ведь всегда виновата женщина – никто никогда не обвинит мужчину. Она может лишиться работы. Директриса наверняка будет на стороне своего любимого спонсора, а на нее посмотрят, как на охотницу за богатым мужиком.

Яна и Лена уже готовы загрызть ее насмерть. Если они узнают, что произошло, то постараются любым способом выставить ее виноватой.

От отчаяния мысли в голове путались. Все, о чем она могла сейчас думать, – горячий душ. Кипяток! Чтобы кожа покрывалась волдырями и ожогами, и слезила вместе с его прикосновениями. По-другому избавиться от них не получится. Тело до сих пор горит в тех местах, где он ее касался. Чертов извращенец! Маньяк! Псих! Урод!

В голове мелькнула шальная мысль. Она отомстит ему. По крайней мере, попытается. Но для этого нужна Лиля с ее хваленным колдовством.

ГЛАВА 7. СВИДАНИЯ

Заставив себя успокоиться, Марина прокралась мимо столовой в комнату, где все воспитатели оставляли свои вещи. Ей повезло – внутри никого не было. Она могла выгадать еще несколько минут спокойствия. Но сначала нужно переодеться в повседневную одежду. Ей необходимо снять с себя перепачканные его спермой колготки. Хотя чем-нибудь стереть следы семени с кожи. Кажется, она уже пропиталась его проклятым запахом!

Марине казалось, что она ощущает аромат леса. Запахи хвои и влажной земли.

Как на беду, она сегодня пришла в юбке. Можно снять колготки, но уже было холодно. Если она пойдет по улице с голыми ногами, тогда на нее точно будут смотреть, как на сумасшедшую.

Но и ходить в белье, пропитавшимся его спермой, она не могла...

Марина сменила порванную кофту на простую белую блузку и, для верности, натянула пиджак. На ней он сидел свободно, даже мешковато, и это давало чувство защищенности.

А что если он не шутил? Что если ему показалось мало? Он ведь снимал весь тот ужас на видео. Теперь будет ее шантажировать... Угрожать, что сольет в сеть, и заставлять делать еще что-то более стыдное.

Господи, ну почему все это просиходит именно с ней? Он ведь может выбрать ту, которая не станет отказывать! Нанять проститутку, в конце концов! Зачем ему понадобилась именно она? Почему?! В ней не было ничего особенного. Еще и уродливая рана на щеке. Она не выделялась ничем. Только своими наивными книжными мечтами о благородном лорде, полюбившем простушку. Но он их растоптал.

Может, именно это ему и нравилось? Он выбирал девушку не из своего мира и рушил ее жизнь, получая от этого удовольствие.

Она так готовилась к этому празднику! А все обернулось сплошным кошмаром. Ладно, ничего непоправимого не произошло. Он не изнасиловал ее физически. Отпустил.

Она сможет это пережить. Сможет справиться с этим.

Откуда ни возьмись, на пороге возник Славик. А он-то тут откуда? Марина даже не слышала, как он отворил дверь. А что если он видел, как она кралась по коридору в порванной рубашке? Ей было все равно, что он подумает о ней. Но он мог рассказать Тамаре Юрьевне. А ту не остановила бы нехватка персонала. Марина видела, что директрису злит внимание любимого сыночка к новой воспитательнице. Она бы уволила Марину, не задумываясь и не разбираясь. Тем более, спонсор обещал раскошелиться...

Марина вернулась в реальность, с ужасом глядя на Славу.

На его лице застыло озабоченное выражение, глаза словно ощупывали ее от макушки до пяток.

– Ну наконец-то! Где вы так долго пропадали? Он не причинил тебе вреда?

Марине хотелось закричать. Вопль рвался из горла. Она сдерживала его, и от этого было бездумно больно. Причинил! Причинил! Он испачкал ее. Показал, что она – шлюха, готовая лишь на то, чтобы каждый встречный мог ее использовать.

Но вместо всего этого она на удивление спокойно ответила:

– Нет, конечно. С чего ты взял?

– Просто он так тебя схватил и потащил за собой... Я даже подумал, что вы знакомы. Ты заметила, что он все время снимал тебя на празднике?

Марину начал бить озноб. Дрожащими пальцами она складывала порванную одежду, стараясь не смотреть на Славу. Тот, похоже, совсем не собирался уходить. Прошел в комнату и с удобством расположился на свободном стуле.

Марина заставила себя пожать плечами:

– Почему ты так решил? Он снимал всех.

– Он с тебя глаз не с пускал. Смотрел так, словно съесть хочет.

Марина отвернулась, чтобы он не прочел на ее лице предательские эмоции, и раздраженно бросила:

– Не выдумывай!

– Марин, мы, мужчины, замечаем такие вещи. Особенно, когда дело касается наших девушек.

Что?! Он вообще в своем уме?! Да что же за день сегодня такой?

– Не знаю, о каких именно девушках ты говоришь, и почему тебя это так волнует.

Марина едва не подпрыгнула, когда ощутила на плечах ладони Славы. Она даже не слышала, как он подошел! Вот только теперь стоял за ее спиной, и пытался прижать к своей груди. Марина окаменела, пораженная странным чувством.

Ей было... мерзко. Мерзко ощущать прикосновение чужих рук. Даже с психом Дагмаром такого не было. С ним она чувствовала дикий опаляющий жар, сжигающий кожу. Страх, даже ужас. Но никак не омерзение. А сейчас... Что с ней не так? Может, родители были правы, и она всегда была такой? Гнилой изнутри? Хороший парень пытается проявить заботу, а ее едва наизнанку не выворачивает. В то время, как от прикосновений насильника кожа плавилась.

В ушах явственно зазвучал его голос. Хрипкое рычание, обещающее оторвать руки любому, кто к ней прикоснется. Неожиданно эта угроза показалась совсем не шуткой.

Марина попыталась сбросить ладони Славы с плеч, но он неожиданно сильно в нее вцепился. Без проблем развернул лицом к себе и наклонился к ней.

Снова чужое дыхание коснулось кожи. От Славы пахло какими-то вонючими сигаретами. От этого запаха тут же запершило в горле. Свежесть мяты ощущать было гораздо приятнее. Ох... кажется, она все-таки сходит с ума.

– Марина... ты ведь не могла не заметить, что нравишься мне. Очень нравишься. Я понимаю, что он старше, богаче. Но он из тех, кто пользуется девушками, а потом выбрасывает, как мусор.

Не успев себя остановить, Марина ляпнула первое, что пришло на ум:

– С чего ты взял? Ты его хорошо знаешь?

На лице Славы появилось страдальческое выражение:

– Что он уже успел тебе наплести?

– Ничего. Мне просто интересно... кто он такой, если перед ним все так пляшут?

Интересно, а расскажи она, что произошло в башне, Слава заступился бы за нее? Или вся его забота ограничивается закатыванием глаз?

– Да никто перед ним не пляшет. Просто его семья чуть ли не основала Логовец. Ратуша... ну, детдом, вроде и городская собственность, но без разрешения этой семейки, никто и пикнуть не может. А Дагмар... он еще тот урод!

О, да... С этим она была полностью согласна. Урод, каких поискать. Моральный! Выродок! Таких людей быть не должно.

Вместо того, чтобы закончить разговор и выпроводить, Славу, Марина вдруг решила, что должна узнать все, что известно ему. Она не собиралась больше встречаться с этим чокнутым психом, но чувствовала, что ей необходима каждая крупинка информации.

– Почему же урод? Он ведь...

– Только не говори, что он тебе понравился! Или считаешь его красивым?

– Какая разница, считаю ли я его красивым? Мне просто интересно, почему, ты называешь уродом человека, который готов дать денег на детдом?

Она сама готова была назвать его гораздо более грубыми словами. Но не оставляло ощущение, что Слава что-то знал. О Дагмаре. И знал, кажется, гораздо больше, чем остальные.

– Для него это разве деньги? Так, копейки, которые он кидает нищим, чтобы все вокруг говорили, какой он замечательный.

– Неужели он настолько богат? Что-то я ни разу о нем не слышала.

Слава упрямо сжал губы. Ему явно не нравилась тема разговора. Ну уж нет, теперь пусть рассказывает ей все!

– О таких богачах, как он, нигде не напишут. Эти люди всегда в тени.

Марина начинала испытывать раздражение. Как будто они говорили о ком-то выдающемся, а не об обычном насильнике!

Она скинула с себя руки Славы и отвернулась:

– Ты им восхищаешься, похоже?

– Не говори глупостей! – Слава снова схватил ее за плечо и грубо развернул к себе. – Просто он очень опасный человек. Ему принадлежат лаборатории, в которых что только не производят. А еще говорят, что он убил собственного брата.

Марина почувствовала, как рот открывается от удивления. Убил собственного брата? Что ж... Чего-то подобного и следовало ожидать.

– Почему его тогда никто не арестует?

– Какая же ты наивная... Это мне в тебе и нравится... – Слава начал играть с ее волосами, наматывая на палец туго завитые пружинки. Это безумно раздражало. Вернулось ощущение омерзения.

Марина вытянула собственные волосы из его пальцев и напомнила:

– Ты так и не ответил. Если он убил брата, почему его не посадили?

– Да потому что он заправляет всем в городе. Он тут главный. Сначала был его отец, потом брат, а теперь вот он. Полиция будет делать то, что он скажет. Никто даже не подумает идти против него.

Если это действительно так, у нее точно нет против него шансов. Но и позволять ему продолжать то, что он начал в башне, она не может. Можно было надеяться, что он успокоится, получив то, что хотел, но... Но интуиция подсказывала, что это далеко не конец.

Снова бежать она не хотела. Ей нравилось в Логовце. Город был волшебным. Сошедшим со страниц фантастического романа. Старые мощеные улочки. Здания, похожие на миниатюрные замки. Развалины, которые дышали старым временем, древними битвами и душами тех, кто отдавал за них жизни. В Логовце царила мрачная, но сказочная атмосфера, в которую Марина влюбилась, едва оказалась здесь. Она чувствовала, что это место ее. Что здесь она сможет спрятаться от невыносимой тирании родителей. Что здесь ее мечты смогут стать реальными. Она даже нашла подругу! Немного странную и явно с проблемами, но подругу.

Она не могла позволить извращенцу, возмнившему себя хозяином мира, все разрушить. Не могла!

– А ты откуда все это знаешь? – Она отошла от Славы, понимая, что не выдержит еще одного его прикосновения.

Он замялся. На пару секунд на его лице промелькнуло недовольное выражение, но быстро исчезло.

– Ты провела с ним полчаса, и уже думаешь, что знаешь его лучше? Пусть тебя не обманывает его готовность дать денег на детдом. Он из тех людей, которые считают, что могут купить все на свете.

Слава так отчаянно убеждал ее в гнилом характере Дагмара, что невольно закрадывалось подозрение. Как будто это не она, а именно он стал жертвой насилия и унижения.

– Слав, мне нет до него никакого дела. А вот ты почему-то воспринял его приезд слишком близко к сердцу.

– Ты мне нравишься! – Он снова потянулся к ней, и Марина едва успела отойти. Слава нахмурился, но к счастью, не стал больше пытаться коснуться ее. – Знаешь, не очень приятно смотреть, как понравившаяся девушка уходит с другим.

– Ты уже говорил это.

Наверное, сегодня все мужчины решили морально уничтожить ее.

– Просто я подумал, что он... хочет от тебя больше, чем просто экскурсия. Но он уезжал злой. Я рад, если он этого не получил.

Марина пожалела, что под рукой нет ничего, что можно было бы запустить в Славу, и пробить его голову. Да сколько можно?!

– А если получил? Сильно расстроишься?

– Марина, ты серьезно?

– Слав, ты уже несколько раз намекнул, что я потаскуха. Если честно, я уже жду, когда ты позовешь сюда остальных и попросишь их забить меня до смерти камнями.

– Марина, прости... Я, правда, не считаю, что ты такая. Просто мало кто может устоять перед такими деньгами.

– Я так понимаю, ты бы не устоял?

Он недоуменно нахмурился:

– Ты о чем?

Марина раздраженно выдохнула. Вроде бы Слава не сделал ей ничего плохого, но очень хотелось его ударить.

– Ни о чем. Это шутка, Слав. Неудачная шутка. А теперь выйди, пожалуйста, мне нужно переодеться.

– Выйду, но сначала пообещай, что сходишь со мной на свидание. Сегодня. Я хотел пригласить тебя сразу после праздника, но не получилось. Поэтому приглашаю сейчас.

Первым порывом Марины было отказаться. Не нужны ей никакие свидания. Тем более, со Славой. Но она почему-то вспомнила угрозу Дагмара приехать к ней сегодня вечером. Он не знал ее адреса, но вряд ли бы его это остановило. И даже если это было пустое запугивание, ей все равно нужно было почувствовать себя нормальной. Потому что она уже знала, что будет сидеть весь вечер в квартире и трястись от страха в ожидании его появления. Так почему бы не отвлечься? Почему не наплевать страху в лицо?

Вряд ли Слава додумается до того, что сделал этот извращенец. В компании парня ей уж точно ничего не грозит. Разве что, взорваться от раздражения.

Решившись, Марина пожала плечами:

– Хорошо. Теперь можешь выйти?

Кажется, он не поверил. Удивился, а потом радостно заулыбался.

– Супер! Обещаю, ты не пожалеешь. Я придумал кое-что, что тебе обязательно понравится. Заеду за тобой в шесть. Нормально будет?

Марина заставила себя улыбнуться и сквозь зубы процедила:

– Идеально.

– Тогда жди меня. – Слава бросился к ней с явным намерением поцеловать, но Марина отпрыгнула от него, как от чумного.

Чужие губы едва задели щеку, оставив неприятный влажный след. Она тут же вспомнила, как Дагмар лизнул ее рану. Господи!.. Сложно представить что-то более мерзкое и отвратительное. А что если он занес в царапину инфекцию? И все-таки почему-то это ужасное влажное касание ощущалось гораздо более правильным, чем губы Славы.

– Ладно... – Он неловко переминался с ноги на ногу. – Ты права. Наверное, не стоит торопиться... Ну что, до встречи?

Марина кивнула, с трудом сдерживая раздражение. Когда же он уйдет?!

– В шесть. Ты запомнила?

– Да, Слава. Я запомнила.

Он хотел сказать что-то еще, но к счастью передумал и вышел. Марина без сил опустилась прямо на пол и заплакала. Тихо, без рыданий и всхлипываний. Соленый поток слез просто катился по щекам, капая с подбородка на блузку.

Почему она такая неудачница?! Почему в ее жизни все происходит именно так?! Сначала родители, обезумевшие от смерти Наташи и практически посадившие ее на цепь. Теперь все это!

Почти рыча от ярости, она начала стаскивать с себя колготки, раздирая ажурный капрон. Плевать, как на нее будут смотреть! Плевать на все! Но она не будет ходить в этом!

Спокойно... Нужно успокоиться. Ничего ужасного не произошло. Историю с чокнутым с психопатом она уж как-нибудь переживет. И будет двигаться дальше.

Оставшаяся часть дня прошла словно в тумане. Марина что-то делала, что-то говорила, но самой себе казалась пустой оболочкой. Она старательно избегала любых разговоров о Дагмаре и всеми силами пыталась убедить саму себя, что между ними не было ничего. Совершенно ничего.

Когда директриса накинулась на нее с требованием подробного отчета о том, где они ходили и что делали, Марина уже сама почти поверила, что провела для него экскурсию с душещипательным рассказом о бедственном положении детдома.

Директриса все не успокаивалась, сводя ее с ума приказами пересказать каждую реакцию чертова извращенца. Еще и Георгий Иванович подливал масла в огонь. Из его скупых, но хвalebных фраз Марина поняла, что он давно знает Дагмара и ни капли не сомневается в его помощи.

Отвлечь директрису от попыток смогли только двое серьезных мужчин с кожаными папками и каменными лицами. Они представились мудреными именами и сказали, что их прислал «господин Крушиянов».

До Марины не сразу дошло, о ком именно они говорят. И только потом, когда они сообщили, что осмотрят детдом и решат, что необходимо приобрести, поняла: речь о Дагмаре.

Она не знала его национальности, но и необычное имя, и фамилия ему очень подходили. Крушиянов – крушит вокруг себя все и всех. Разрушает жизнь обычных людей. Монстр – вот кто он такой.

Она едва дождалась окончания рабочего дня. На улице похолодало так, что зубы стучали. В воздухе снова зависло белое покрывало тумана, и на секунду показалось, будто она снова очутилась на кладбище.

Подавшись странному порыву, Марина решила пойти домой пешком. Голые ноги тут же покрылись гусиной кожей, ветер трепал волосы, а на лицо опускалась влажная морось.

В какой-то момент показалось, что за ней кто-то идет. Но как бы Марина не оборачивалась, никого не могла увидеть. Дурацкая идея идти пешком! Неужели ей мало проблем?! Она сама напрашивается на неприятности.

В клубах белого марева ничего не было видно, а все звуки казались далекими и ненастоящими.

Неожиданно Марина начала наслаждаться своей прогулкой. Как будто туман был плащом-невидимкой, который надежно скрывал ее ото всех врагов и бед. Сейчас она была в безопасности. Ощущение, что за ней наблюдают, никуда не исчезло, но это вдруг стало неважным.

Марина шла по влажной брусчатке, подставив лицо холодной мороси. Она позволила всем своим отчаянным мечтам ожить и унести ее в сказочный мир. Его невозможно было найти ни на одной из карт, у него не было названия, но таи, Марина это точно знала, она смогла бы быть счастлива.

Там у нее было бы имя Морин, и она работала бы в... приюте. Да, наверное, это место звалось бы приютом. Она бы носила скромные платья с неудобными кринолинами и шерстя-

ные чулки. Завивала волосы на тонкие лоскутки и звалась бы гувернанткой. У нее была бы подруга Лиля... Хотя, нет! Лилет! Лилет была бы самой настоящей ведьмой, но скрывала бы свой секрет ото всех, а иначе ее могли сжечь на костре.

Однажды Лилет провела бы колдовской обряд, который должен был помочь скромной и трудолюбивой Морин встретить свою любовь. И уже на следующий день в приют приехал бы богатый и мужественный дворянин.

Возможно, он вернулся за своей родственницей, живущей в приюте. Или еще по какой-то причине. Но, увидев Морин забыл бы обо всем. Он бы смотрел только на нее. И сразу бы понял, что она та самая.

Это было бы во время какого-нибудь праздника. Дамы бы танцевали, а Морин играла на фортепиано, не замечая ничего и никого вокруг. Он подошел бы к ней, втайне надеясь, что она собьется. Но Морин продолжила бы играть, делая вид, что не обращает внимания на высокую мужественную фигуру. Но она чувствовала бы его взгляд. Жадный пристальный взгляд, скользящий по ее телу. Он бы не видел никого, кроме нее.

У него было бы суровое лицо, медово-оранжевые глаза и темная колючая щетина. И звали бы его Да...

Марина споткнулась, с ужасом осознав, что представляет на месте своего воображаемого возлюбленного вполне конкретного человека. Человека, который унизил ее, воспользовался, будто она была шлюхой, испачкал. Неужели, она начала сходить с ума?!

От мысли, что думает о Дагмаре, что допустила его в свои мечты, задрожали колени. Марина подскользнулась, с удивлением понимая, что идет... по влажному мху. Куда она умудрилась забрести?!

Дорогу от детдома до дома, где она снимала квартиру, Марина изучила очень хорошо. Ей нравилось ходить пешком, дышать свободой. Нравилось, что никто не ограничивает ее и не дает строго отведенное время на дорогу до дома.

Она рассматривала старинные здания, фантазируя, какие люди могли там жить. Разглядывала горящие окна кафе и ресторанчиков, которые все как один были в средневековом стиле. Марина мечтала, как однажды кто-то пригласит ее в один из них.

Она могла пройти по этому маршруту с закрытыми глазами. Туман тем более не был помехой!

Марина остановилась, боясь сделать даже шаг. Туман немного рассеялся, и показались огромные валуны и каменные столбы, покрытые нежно-зеленым лишайником.

В дымных клубах проступали очертания невысокого бревенчатого дома с треугольной крышей и трубой. Кажется, что это из нее валил густой серый дым, который превращался в туман.

Именно сейчас начала накатывать паника. Сначала Марина подумала, что она каким-то образом оказалась на кладбище. Но оно находилось в другой стороне.

Впереди слышалось знакомое уханье. Боже, нет... Рану на щеке обожгло огнем.

Марина напряженно вглядывалась вдаль, с тяжело бьющимся сердцем ожидая, когда из тумана появится птица.

Откуда филину вообще здесь взяться? Почти в центре города!

Голубой вихрь с двумя горящими глазами рассек туман на лоскуты белой ткани.

Марина судорожно вдохнула, но птица до нее не долетела. Сложив крылья, он вдруг приземлился на плечо женщины.

Марина открыла рот, собираясь то ли закричать, то ли заставить себя дышать.

Перед ней стояла блеклая незнакомка. Именно блеклая. Она казалась прозрачной, сотканной из клубов тумана. Но с каждой секундой в ее лице появлялись новые краски. Сидящий на плече филин смотрел на Марину разумным осознанным взглядом.

Незнакомка шагнула Марине навстречу. Она казалась сказочной принцессой, сошедшей со страниц старинного фолианта. У нее были огненно-рыжие волосы, завитые в тугие локоны. Такой цвет Марина видела только у Лили.

На голове сверкала тонкая диадема. Тяжелый фиолетовый плащ с мерцающей шелковой вышивкой, тянулся за ней по земле. Полы расходились в стороны, и становился виден переливающийся темно-зеленый бархат платья.

Марина нервно икнула. Домечталась... Наверное, она все-таки сошла с ума, погрузившись в свои фантазии настолько, что они стали почти реальными.

Женщина улыбнулась уголками губ:

– Приветствую тебя, Призывающая Туман.

Марина нервно дернулась назад, но незнакомка продолжила наступать:

– Ты нужна нам.

Ее голос казался шелестом листвы. Она вся казалась частью природы. Бледное лицо – как диск луны, волосы – как огонь; зеленые, словно мох, глаза.

Марина оглянулась, пытаясь понять, куда бежать. Но повсюду был только туман и темные очертания монстров.

– Кому – «вам»?

– Ты должна защитить последнюю из рода Ведьм Прародительниц.

Неужели в сумасшествии все должно быть таким непонятным? А может, она сейчас делает что-то ужасное, но думает, что говорит с..?

– Ты слышишь меня?!

Марина вздрогнула и дернулась назад. Женщина вдруг оказалась прямо перед ней. От нее исходил запах... кладбища. Кладбищенской сырости и сухих трав. Запах смерти.

Марина облизнула пересохшие губы. Говорить с собственной галлюцинацией не хотелось, но сейчас это казалось единственным разумным решением.

– Кто вы?

Глаза женщины сверкнули, как два изумруда:

– Теперь ты служишь нам. – Ее пальцы сомкнулись на шее Марины. Острые когти, которых раньше не было, впились в кожу. – Мой помощник наделил тебя силой. Ты должна защитить последнюю из нашего рода. За ней идет Орден. Если они доберутся до нее, то мы утонем в крови.

Марина вцепилась в женскую руку, внезапно вспоминая, как Дагмар сжимал ее горло. Даже сейчас он преследовал ее!

Марина зажмурилась и тихо зашептала: «Ты мне кажешься. Ты мне кажешься.»

В лицо дохнуло могильным холодом:

– Ты должна защитить ее!

Жуткий крик, похожий на скрежет ногтей по стеклу и скрип старых деревьев, оглушил.

Ураганный ветер, налетевший словно из ниоткуда, заставил зажмуриться. На зубах тут же закрипела пыль, но дышать вдруг стало легко. Горло больше не стискивала чужая рука.

Марина распахнула глаза, с удивлением понимая, что стоит перед трехэтажкой, где снимала квартиру. Рядом никого не было, и только ветер швырял на разбитый асфальт упавшие листья и прогонял рваные клочья тумана. Они стелились над землей, тащась по ней словно подол оборванного плаща.

Марина закусила губу, испытывая новый прилив паники. Она не могла оказаться здесь так быстро! Туман настиг, когда она была лишь на половине пути. Неужели, она и вправду сходит с ума?!

Она бросилась в подъезд, мечтая о том, как спрячется под одеялом, забыв обо всем происшедшем. Нет, сначала она смочит с себя прикосновения сволочи, измаравшей ее попытки сложить по крупицам нормальную жизнь.

Марина влетела в квартиру, на ходу стаскивая одежду. Забравшись в ванну, она до упора открыла кран с горячей водой и включила душ. Слабые потоки обрушились на кожу расплавленным металлом, напоминая жар от рук Дагмара. Марина вздрогнула и отскочила. Кожу жгло болью. Но стиснув зубы, она снова шагнула под кипяток. Ей нужно это. Нужно, чтобы все слои кожи слезли до мяса – только так она сможет почувствовать себя нормальной.

Струи кипятка обжигали так, что кожа начала чесаться. Показалось, что сейчас он и впрямь слезет. Больно. Как же больно. Алые полосы на груди и животе казались следами побоев. Колени дрожали, и выносить почти адский жар становилось уже невозможным.

Ненавидя себя за то, что не смогла даже этого, Марина открыла кран с холодной водой. Она все равно избавится от следов. Любой ценой. Тяжело дыша, Марина начала растирать мочалкой кожу. Шею, грудь, поясницу – все места, которых касался чокнутый извращенец. Поясница и ягодицы горели от безумного трения, но она не останавливалась. Неожиданно по ванной разлился аромат влажного леса и свежей сладкой мяты. Не-е-ет... Откуда здесь быть этим запахам?! Марина принялась натирать кожу еще яростнее. Она избавится и от запаха, и от следов...

– Слава Богу, с тобой все нормально!

Марина вздрогнула от страха и неловко развернулась, запутавшись в собственных ногах. Сердце едва не выскакивало из груди. Пальцы скользили по мокрому кафелю в бесполезной попытке хоть за что-то ухватиться. В нос попала вода, и горло тут же начало саднить.

С трудом сохранив равновесие, Марина уставилась на Лилю, которая отдернула занавеску и рассматривала Марину, напряженно сдвинув брови. Захотелось бросить в нее что-нибудь тяжелое. Марина осмотрелась, в поисках подходящего предмета, но тут же вспомнила, что стоит совершенно голая, и выхватила из рук Лили занавеску.

Кое-как в нее закутавшись, она ткнула в чокнутую девчонку пальцем:

– Ты вообще в курсе, что я в душе?! Какого черта, Лиля?

– А ты в курсе, что у тебя дверь нараспашку? Что я должна была думать? У меня чуть сердечный приступ не случился.

– Какая дверь? Ты что творишь?

– Входная, Марина. Входная дверь открыта. Вещи разбросаны. На мои крики ты не отзываешься. Я уже все успела передумать! – Она окинула Марину невозмутимым взглядом: – И хватит прикрываться, ты сейчас шторку порвешь. Я в курсе женской анатомии. Мы устроены одинаково, так что ничего нового ты мне не открыла.

Марина пыталась хоть что-то сказать, но могла только молча открывать и закрывать рот, как рыба.

– Господи, Лиля... Ты меня безумно напугала. Зачем ты вообще пришла?

– Потому что мне нужно было с тобой поговорить. Вылезай скорее. Ты что, свариться надумала? – Лиля вздернула брови.

Марина неловко выпустила шторку и повернулась, чтобы закрыть кран. Видеть не хотелось никого, но... но сейчас Лиля казалась спасительницей. Остаться наедине с самой собой вдруг стало слишком страшно. Сумасбродная ведьма была той самой компанией, в которой можно забыться.

– Боже мой! Кто тебя так отделал? Что случилось?

Марина в ужасе обернулась. Лиля и не думала уходить – все так же стояла рядом с ванной, отодвинув занавеску и во все глаза рассматривая Маринину спину.

Марина нахмурилась, подумав, что речь идет о ране. Тут же коснулась его пальцами.

– Что такое?

– Да не с лицом. У тебя весь зад красный. Это что, – она прищурилась, – следы ладони, что ли? Тебя кто-то... шлепал?

Марина почувствовала, как щеки опалает краска стыда. Только сейчас в полной мере она осознала значение слов «провалиться сквозь землю». Именно этого ей сейчас и хотелось. Большой позор сложно было придумать. Она обернулась, пытаясь рассмотреть следы, так поразившие Лилию. Видно было немного, но под самой поясницей действительно алели мазки ладони. Этот урод отхлестал ее так, что остались следы!

Марина вскинула голову и в упор посмотрела на Лилию, забыв о своей стыде. Все чувства выместила лютая жгучая ненависть.

– Мне нужна твоя помощь. Если ты и впрямь такая крутая ведьма, как говоришь.

Лилия нахмурилась и подала Марине полотенце:

– Я действительно ведьма. Ты ЕГО еще не встретила?

Марина не сразу поняла, о ком идет речь. Проведенный ритуал казался чем-то далеким и ненастоящим, произошедшем в другой жизни. Хуже всего было предчувствие того, что сегодняшний день и вправду станет началом чего-то... чего-то плохого. Неужели, ей мало испытаний? Недостаточно двух десятков лет с полубезумными родителями?

– Нет, ЕГО я еще не встретила. Выйди, пожалуйста.

Лилия словно и не слышала.

– Странно. Должно было уже произойти. Это очень сильный ритуал. И действенный. Я точно все сделала правильно. Я уверена!

Марина закатила глаза:

– Ты выйдешь или нет?

– Да-да, уже выхожу. Буду ждать в комнате. Кстати, дверь я закрыла, можешь не благодарить.

Марина стиснула пальцами края полотенца:

– Хорошо, не буду.

Лилия бросила на нее загадочный взгляд, но все-таки вышла. Едва за ней закрылась дверь, как Марина скинула полотенце, приподнялась на цыпочках и повернулась спиной к зеркалу, висящему на двери. На ее ягодицах действительно багровели четкие следы мужских ладоней. Боже, с какой же силой он это делал, если теперь проступали синяки?

Марина зажмурилась, чувствуя, как перед глазами все темнеет. Ничего. Пару синяков она переживет. И отомстит. За каждый из них. Приведя себя в порядок, она выскользнула в поисках одежды и тут же наткнулась на Лилию, вышагивающую в прихожей как часовой.

– Господи, Лилия! Хватит меня пугать! Ты можешь просто посидеть в комнате и подождать меня?

– Не могу! Во мне все аж кипит! Я обязана поделиться с тобой кое-какими новостями.

Марина прошла в единственную комнату. Лилия хвостиком отправилась за ней.

– Выйди, пожалуйста, мне нужна одеться.

Лилия закатила глаза:

– Слушай, ну ты как маленькая? Как ты с мужчинами общаешься, если даже меня стесняешься?!

У Марины челюсть отвисла от такого заявления.

– Лиль, ты вообще в своем уме? Это нормально, когда человек... не раздевается перед всеми подряд.

– Так я не все подряд! Вот я бы тебя не стеснялась.

– Слушай, если тебе так хочется посмотреть на голую женщину, включи порно!

– Кстати, я об этом думала. Ну, в смысле... Бабушка за всеми этими вещами очень внимательно следила, и я... Ну... у меня вообще в этом плане никакого опыта, понимаешь? Я даже не знаю, как правильно целоваться. То есть, я, конечно, целовалась, но по ощущениям это было прям фу-у-у... мерзко!

Марина чувствовала себя все более глупо. Свернувший непонятно куда разговор превратился в одну сплошную неловкость.

– Лиль, чего ты от меня хочешь?

– Ну, ты бы могла мне рассказать, как вести себя с мужчиной. Что они там любят? А то я... как бы это объяснить... еще ни с кем... – Она смешно округлила глаза, как будто сообщала какую-то великую страшную тайну.

Марина икнула от удивления. Неожиданно стало как-то легко и просто. Ужасы сегодняшнего дня немного отступили.

– С чего ты взяла, что у меня есть какой-то опыт?

– Ну-у-у... Ты кажешься такой уверенной в себе...

Марина тяжело вздохнула и достала из комода старенький спортивный костюм.

– Лиля, я же говорила тебе, как жила до того, как сбежала из дома. Когда, по-твоему, я могла набраться опыта?

– О-о-о... так ты тоже?

Показалось, или этим признанием она заслужила Лилино... уважение?

– Слушай, так давай просвещаться вместе, а?

– Ты о чем? – Марина нахмурилась, ожидая услышать об очередной сумасшедшей идее соседки. На кладбище они уже сходили.

– Будем вместе смотреть... то самое видео. Научимся чему-нибудь!

– Ты предлагаешь совместные просмотры порно? – Марина не знала плакать или смеяться.

Последнее победило, когда на лице Лили появилось забавное выражение. Марина расхохоталась. Наверное, это был истерический хохот, потому что в уголках глаз выступили слезы.

– Лиля, ты конечно... странная. Еще страннее, чем я.

Лиля насупилась:

– А что такое? Мне не у кого было спросить совета. Бабушка была больше сосредоточена на том, чтобы научить меня всему, что знала сама. А я тоже отношений хочу. Любви.

Марина перестала смеяться:

– Ну так и провела бы ритуал для себя.

Лиля упала на диван, усевшись по-турецки:

– Для себя нельзя. Самой себе ведьма не может наколдовать.

Видимо, она не собиралась никуда уходить, поэтому Марина ушла в ванную. Переодевшись в костюм, она вернулась в комнату и устало плюхнулась в кресло, тут же поморщившись от боли в ягодицах. Вспомнилось, как Дагмар оставлял на коже жесткие шлепки. Стало так жарко, что она едва не задохнулась. Нельзя об этом думать. Нельзя! Она должна отомстить.

– А зачем ты пришла? – Голос хрипел, как будто она долго кричала.

Точно такие же хрипы слышались и у него. В ушах зашумело.

– Хотела поделиться с тобой одной очень важной новостью. Но это подождет. В чем тебе нужна моя помощь?

Марина выпрямилась, чувствуя, что сейчас должно произойти что-то важное. Позвоночник жгло от напряжения, по коже пробегали электрические разряды.

– Ты можешь навести порчу? Ну или проклятье? Что там у вас есть, чтобы наказывать уродов?

Лицо Лили вытянулось. Брови медленно поползли вверх. Выглядела она очень забавно, и если бы не напряженность, которая мучила саму Марину, она бы снова рассмеялась.

– Порчу или проклятье? У тебя все нормально?

Марина втянула в легкие воздух, который вдруг снова запах мятой. Господи, ее что, теперь будут преследовать фантомы случившегося?

– Конечно, не все нормально, если я прошу об этом.

– И что случилось?

Марина упрямо сжала зубы и сквозь них прошипела:

– Ничего, что можно было бы рассказать. Так ты можешь мне помочь?

Лиля отвела взгляд, и уже только от этого Марина поняла, каким будет ответ. И не ошиблась.

– Я не занимаюсь таким.

– Та-а-ак... А кто занимается? Что делать, если нужно отомстить?

Лиля тяжело вздохнула:

– Понимаешь... люди, в большинстве своем, очень злые и завистливые. Они готовы вредить друг другу просто потому что у них нет того, что есть у других. Бабушка учила меня помогать, а не вредить.

Марина понимала. И в какой-то степени была согласна. До тех пор, пока на собственной шкуре не ощутила каково это – быть слабой, ни на что не способной, жертвой.

– И что тогда делать? Как наказать того, кто совершил плохую вещь. И, возможно, совершит еще.

– Если бы ты мне объяснила, что случилось... может, я смогла бы помочь.

Марина устало откинулась на спинку кресла. Скрипучее, старое и жесткое, оно было невероятно уютным и удобным. Потому что находилось не в доме родителей. Чувствуя себя в крепких надежных объятиях, она ощутила себя защищенной. Как жаль, что это ощущение исчезнет, стоит лишь вернуться в действительность и вспомнить о своих проблемах. О том, что видела в тумане, Марина старалась не думать. Со своими галлюцинациями она разберется позже.

– Что случилось, то случилось. А если ты научишь меня, как... насыпать порчу? Я смогла бы сама отомстить. – Это звучало ужасно глупо. Она упрашивает соседку научить ее колдовать? Бред. Еще один шагок в безумие.

– Марин, вот сейчас ты меня действительно пугаешь. Все ведь было нормально. Что произошло? Кто тебе причинил вред? Иногда нужно просто поделиться...

Марина раздраженно перебила утешительницу:

– Ты же не на психолога учишься. Просто дай мне книжку, где описан процесс. Я знаю, у тебя должно быть что-то подобное. Можно в интернете посмотреть, но вряд ли там действенные способы.

– Вот так и начинаются большие проблемы. – В тоне Лили снова слышались старушечьи нотки.

Трель дверного звонка раздалась так неожиданно, что и Марина, и Лилия вздрогнули. Они переглянулись. У Марины возникло ощущение, что она попала в дешевенький ужастик. Как раз сейчас должно начаться основное действие с визжащими героинями и морем кровищи.

Перед глазами возникла картина на стене в Башне Ведьмы. Человек с медвежьей головой, стоящий на окровавленных телах.

Снова раздался звонок.

Почему-то шепотом Лили спросила:

– Ты кого-то ждешь?

Марина помотала головой и осторожно поднялась, молясь, чтобы не заскрипела ни одна половица. А что если родители ее нашли?

Нет-нет-нет, она не позволит им забрать себя. Она давно совершеннолетняя и может сама распоряжаться своей жизнью. Их угрозы ее не испугают.

На цыпочках Марина прокралась к двери и заглянула в глазок. Колени дрожали, и она едва держалась на ногах. Но когда разглядела визитера, от облегчения шумно выдохнула и привалилась к двери. Че-е-ерт!..

С той стороны стоял Слава. Марина прижала ладонь к груди, где бешено колотилось сердце. Что он вообще здесь забыл?!

Все еще дрожащими пальцами она взялась за ключ и отперла дверь.

– Привет! А я уже успел испугаться, что не откроешь. – Он улыбнулся во весь рот и шагнул вперед, явно намереваясь войти.

Марина замерла на пороге, не собираясь никого впускать в свою крепость.

– Откуда ты здесь взялся? – Возможно следовало быть повежливее с сыном директрисы. И с единственным мужчиной, проявляющим к ней внимание. Но почему-то кроме раздражения, других чувств он не вызывал.

Внутренний голос тут же усмехнулся: «Единственный? Что-то быстро ты забыла своего нового знакомого. Практически первого мужчину.» О, нет... Его она будет помнить вечно.

– Э-э... мы ведь договорились встретиться. Сегодня днем, помнишь? Ты согласилась пойти со мной на свидание. Не позволишь войти? – Он снова шагнул вперед.

Марина истуканом стояла на пороге, соображая, что происходит. А ведь и вправду. Он пригласил ее на свидание. Со всеми переживаниями это вылетело из головы. Еще и галлюцинация в тумане... Об этом она тоже совершенно забыла, увлеченная идеей мести.

Славина нахрапистость раздражала, и больше всего хотелось отказать ему. Только бы найти правдоподобный повод.

– А как ты вообще меня нашел? Я не говорила тебе адрес.

Слава опять улыбнулся и откинул с глаз модную челку:

– В твоём личном деле посмотрел.

Марина не успела остановить себя:

– Неужели мама разрешила?

Он нахмурился, явно не ожидая такого поворота в разговоре:

– Марин, я чем-то тебя обидел? Что случилось? Скажи, и я постараюсь все исправить.

В самом деле, что это она? Милый парень пытается за ней ухаживать. А она ведет себя, как идиотка. Не все такие, как тот... Дагмар... Таких наверное вообще больше нет. Почему он появился в ее жизни?!

– Ну что, мы идем? Обещаю, тебе точно понравится. Я старался сделать все так, как ты любишь.

Марина все еще боролась с самой собой. Многовато событий для одного дня ее скучной и обычной жизни. Но ведь она сама хотела приключений. Судьба дает ей все это.

– Откуда ты знаешь, как я люблю? – Марина все никак не могла себя заставить и решиться. Хоть уже и пообещала.

Он опять улыбнулся. Что-то слишком много улыбок за такой короткий промежуток времени. И все какие-то... преувеличенно счастливые. В памяти тут же всплыл угрожающий кривой оскал на смуглом лице. Острые даже на вид зубы. Глубокие морщины вокруг рта. Да сколько можно о нем думать?! Что ж он все никак не уйдет у нее из головы?!

– Ты сама мне рассказывала. Ну, говорила, что тебе нравится у нас в городе, нравится, что здесь повсюду история, как будто ты переместилась во времени... Может,пустишь меня, или так и будем разговаривать в подъезде?

Марина поджала губы. В конце концов, что она теряет? Пару часов времени? Что-то с ней точно не так. Ведь раньше мечтала о свидании, о том, что ее будет добиваться понравившийся парень. Вот только проблема была в том, что Слава ей совершенно не нравился. И в ее наивных глупых мечтах к гувернантке Морин приходил мужчина не с лицом Славы. Нет, у ее воображаемого любовника были резкие черты, смуглая кожа и пронзительный медово-оранжевый взгляд. Проклятье! Боже, нет... Ей хотелось биться головой о стену, при осознании того, кого именно она сейчас представила.

– Подожди меня минутку. – Она сходит на свидание. Она сделает все, что угодно, лишь бы выкинуть из головы ненавистного монстра. – Я возьму вещи.

Слава в который уже раз расплылся в улыбке:

– Супер! Я буду здесь.

Марина захлопнула дверь и вернулась в комнату. Лиля застыла у стены, явно подслушивая. Увидев Марину, она округлила глаза, став похожей на сказочного эльфа.

– Это же он?! Он ведь? Мое колдовство подействовало... – Она говорила благоговейным восторженным шепотом, смешно шевеля губами.

Марина покачала головой и взяла с комода косметичку:

– Нет, это не он. Это Слава – сын нашей директрисы. Мы были знакомы и до обряда. – Марина вернулась в ванную и начала накладывать на веки черные тени. С каким-то остервенением она добавляла слой за слоем, пока вокруг глаз не появился дымчатый ободок. Как туман, в котором она сегодня заблудилась, только черный и беспросветный.

– Так может ты уже нашла свою любовь? Еще до обряда! – Лиля крутилась вокруг Марины, успевая копошиться в косметичке. – Вот, добавь еще серый. Будет так красиво мерца-а-ать...

Марина выхватила из Лилькиных рук палетку и добавила несколько серых мазков.

– Он – не моя любовь. Он мне даже не нравится.

– Но на свидание ты с ним идешь!

– Да, потому что хочу отвлечься и поскорее забыть все случившееся!

Она даже не поняла, что проговорила, пока не услышала задумчивый голос Лили:

– А что сегодня случилось?

Вытащив бордовую помаду, Марина быстро отвернулась к зеркалу, стремясь скрыть панику:

– Просто тяжелый день. – Она начала усердно красить губы.

– Это из-за того человека, на которого ты хотела наслать порчу?

Рука дрогнула. Да, все из-за него. Из-за того, кто использовал ее, как используют шлюх. От злости, Марина добавила еще один слой помады. Кровавые, вишневые, пухлые. Какие и должны быть у шлюхи. Может, внутри она такая? А он сразу это разглядел и повел себя так, как она того заслужила. Родители это понимали и держали ее в узде. Но теперь ее шлюшья натура вырвалась на волю.

Марина уже ничего не понимала. Пыталась найти хоть какое-то оправдание поступку Дагмара и не могла. Получалось, что единственная причина была действительно в ней? В том, как она выглядела?

– Эй, Марин... – Лили коснулась ее плеча, выводя из задумчивости. – Он снова звонит.

И вправду, в квартире опять раздалась трель звонка. Распустив волосы, Марина вышла в прихожую и взяла свой старый рюкзак.

– Я пойду, а ты потом закроешь дверь, хорошо?

Лили кивнула и вдруг прищурилась:

– Слушай, я ведь даже не заметила – рана почти затянулась!

Марина пожала плечами. Она уже и думать забыла о царапине, даже боли не ощущала.

– Ну и хорошо. Есть шанс не остаться уродиной.

– Вот что ты такое говоришь? Ты даже с ней была очень красивой! Я только не пойму, почему так быстро. – Лили нахмурилась. – Обычно, заживает дольше.

– Наверное, твои колдовские штуки помогли. Ладно, я пошла. Если не вернусь, знай, меня похитил и расчленил сын директрисы. Зовут Слава.

– Марина! Ну у тебя и шуточки! Я не буду спать, пока ты не вернешься, поняла?

Марина закатила глаза:

– Ты напоминаешь мне моих родителей. Хотя, они бы меня вообще никуда не пустили. – Она вдруг поняла что собирается на свое первое в жизни свидание.

Первое свидание! Она ведь о нем мечтала. Так ждала! И вот мечта сбылась, а на душе почему-то совсем не радостно.

Нет ни волшебного предвкушения, ни волнения, ни мыслей, как все должно быть. Ей совсем неинтересно, что придумал Слава, и совсем не хочется ему понравиться. Ничего из того, чего она всегда ждала. Словно издевка, в памяти снова всплыл сегодняшний праздник. Те чувства, которые она переживала, когда ощущала на себе мужской взгляд. Ту странную дрожь, от которой кожа покрывалась мурашками. Неясное предчувствие. И все от одного только взгляда! Взгляда того, кто использовал ее как вещь.

Марина не понимала, что с ней творится.

В голове и в душе – полнейший раздрай. Такой потерянной она не ощущала себя еще никогда.

– Ладно, будь хорошей девочкой и веди себя хорошо в отсутствии взрослых. – Марина вымученно улыбнулась Лиле и открыла дверь.

– Ого! – Слава нервно переминался с ноги на ногу. – Я начал думать, что ты про меня забыла. А ты, оказывается, собиралась...

Он уставился на ее лицо странным взглядом, и Марина снова пожалела, что решилась на такой яркий макияж. Кажется, мужчины это неправильно воспринимают. Да и она сама... размалевала себя, как идиотка! Но ей так этого хотелось. Почувствовать себя настоящей женщиной, как девочки, которые берут мамину косметику и играют во взрослость.

– Ты же готовился к свиданию. Вот и я решила... подготовиться. – Она растянула губы в неискренней улыбке и бросилась к лестнице, когда Слава попытался взять ее за руку. – Так куда мы идем?

Он последовал за ней, ступая почти шаг в шаг.

– Не скажу. Это – сюрприз. Но тебе точно понравится – я уверен!

Он спускался за ней, умудряясь идти почти вплотную. Марину снова накрыло воспоминание. Днем она точно так же ощущала за спиной мужчину. Его жар. Массивную фигуру. Твердую, почти каменную грудь. Слышала дыхание. Звериное рычание! Он обволакивал ее собой. Заполнял все пространство, нависая огромной скалой.

Это наваждение какое-то... Как об этом забыть? Как избавиться от воспоминаний? Как не думать о нем, когда каждая мысль, даже на задворках сознания, сосредоточена только на нем?! И все время крутится один и тот же вопрос, а что было бы, поступи он иначе? Смогла бы она сопротивляться, если бы не Слава, а он пригласил ее на свидание? Пошла бы? Не хотелось признаваться себе в этом, но да. Пошла бы. Потому что... в глубине души, в самых темных и потаенных ее уголках, Марине нравилось ощущать на себе его тяжелый пристальный взгляд. Нравилось, что он направлен только на нее. Нравилось, что он смотрел так, будто хочет ее съесть.

Вот только за этим взглядом скрывалось обычное желание поиметь кого угодно. Но почему он выбрал ее? Почему не Яну или Лену, которые с удовольствием сделали бы все, что он захотел. Почему так грязно использовал именно ее?!

– Марин, ты меня слышишь?

Она вздрогнула и вопросительно посмотрела на Славу. Оказывается, они уже вышли на улицу, и Слава протягивал ей... шлем.

– Надеюсь ты не боишься ездить на мотоцикле?

Марина перевела взгляд на массивного хромированного монстра, возле которого они, оказывается, стояли. Вот черт! Наверное, это была мечта всех молоденьких девчонок – отправиться на свидание с красивым мотоциклистом. Но как бы она ни старалась наверстать упу-

щенное, время, когда можно было без оглядки пуститься в такое приключение, уже давно прошло. Сейчас она испытывала только страх. Но на кладбище-то она пошла!

– Может, пешком? – Она с сомнением посмотрела на блестящий бордовый шлем.

Слава улыбнулся:

– Пешком тоже придется идти. Не бойся. Нужно только крепко держаться за меня. За любое место, какое захочешь.

Марина почувствовала во рту горечь. Славины попытки флиртовать не вызывали ничего, кроме отвращения. С ужасом Марина поняла, что это отвращение намного больше того, которое она испытывала, когда ее использовали для снятия напряжения.

– Слав, я действительно не экстрималка.

– Тебе понравится, обещаю. Надевай! Он подходит к твоим губам. – Славин взгляд впился в ее рот, вызывая новую волну внутреннего протеста.

Она надела шлем, лишь бы только он больше не смотрел на нее. Слава тут же начал суесться, показывая, как и куда нужно сесть. Каждый раз он пытался прикоснуться к ней.

Марина уже не знала, как избежать ненавистных касаний. А ведь ей еще придется ехать, прижимаясь к нему почти вплотную.

Слава, наконец, занял свое место, усевшись перед ней.

Перед тем как надеть шлем, он обернулся:

– Обними меня очень крепко и не отпускай.

Марина кивнула и, нехотя, обвила руками его талию. Заставить себя прижаться плотнее она не могла. Даже страх не помогал.

Слава сорвался с места. Шум мотора и свист воздуха на какое-то мгновение оглушили. Марина едва не упала от неожиданности. Вцепилась в рубашку Славы, надеясь, что не порвет ее, как Дагмар разорвал ее кофту.

И снова она думает о нем! Даже сейчас!

Марина заставила себя отвлечься. Сосредоточилась на том, чтобы наслаждаться поездкой и при этом не упасть. И сохранять между ними дистанцию. Слава гнал по освещенным закатным солнцем улочкам, и в какой-то момент Марина начала расслабляться.

Все здания казались залитыми жидким золотом. В Логовце это выглядело особенно красиво. Здесь было огромное количество старых зданий, больше похожих на крошечные замки и крепости. Освещенные солнцем, они странным образом оживали. В воздухе разливался свежий, чуть горьковатый аромат осени.

Марина вертела головой, стремясь ухватить как можно больше подробностей, завладеть каждой тайной, скрытой за розоватыми стенами.

Неожиданно городской пейзаж сменился плотными рядами деревьев по обе стороны от дороги. Воздух здесь был прохладнее, в нем чувствовался запах леса. Насыщенные ароматы хвои. Влажная от тумана дорога извивалась темной змеей. Куда они едут? Марина узнала поворот на кладбище, но Слава его проехал. Он мчал все дальше и дальше, а Марину накрывало дурное предчувствие. Что за свидание такое, что он увозит ее из города? Похоже, в шутку брошенные Лилке слова, могут оказаться пророческими.

Неожиданно Слава круто повернул, сбрасывая скорость и выезжая на теряющуюся в зарослях тропинку. Он остановился у старого трухлявого пня, обросшего со всех сторон бородавками-грибами.

Марина тут же слезла с мотоцикла, чувствуя, как дрожат колени. А ведь еще возвращаться обратно.

Слава снял шлем:

– Ну, как? Понравилась поездка?

Марина тоже стащила с головы шлем и с наслаждением вдохнула лесной воздух. Едва аромат хвои, сырой земли и прелых листьев достиг ее носа, она поняла, что чувствует запах

Дагмара. Как будто он снова стоял за спиной и собирался сделать то, что она никогда не сможет забыть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.